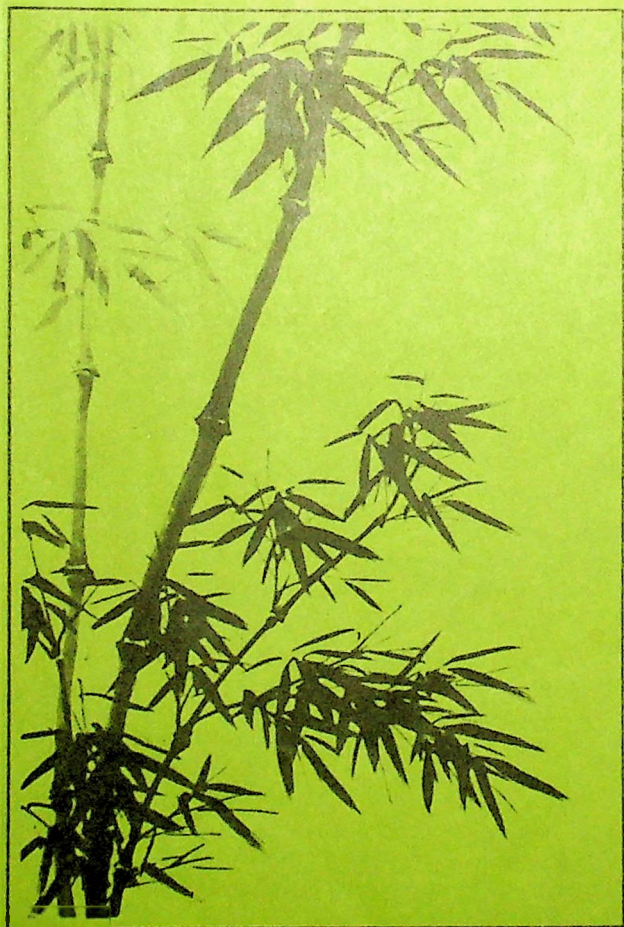

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 2/2000

ISSN 0131 – 2812

Корейская политика России

●
Китай на пути
в мировое хозяйство

●
Внешнеполитические
ориентиры Японии

●
Переговоры о перемирии в Корее
(1951-1953 гг.)

●
Памяти профессора Лю Даняня

2000

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/2000

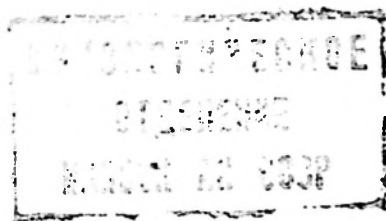
Март - Апрель

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

- Г. Булычев.* Корейская политика России: попытка схематизации.....5
С. Гончаренко. Парламентские выборы в Малайзии.....13
А. Семин. Внешнеполитические ориентиры Японии 90-х г.....23

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

- Н. Кобозев.* Об уголовном кодексе КНДР 31
Н. Ахметшин. Борьба с наркопреступностью, проституцией и
порнографией в КНР (Письмо из Китая).....39

ЭКОНОМИКА

- В. Михеев.* Глобализация в понимании зарубежных ученых
(окончание).....47
В. Портяков. Китай на пути в мировое хозяйство: проблемы и
поиски.....56
С. Суслина. Российско-южнокорейское экономическое сотрудни-
чество (на примере Якутии).....67
Н. Коледенкова. Машиностроение КНР: успехи и проблемы.....79
Хоу Цзиньгуан. Превращение задолженности в пай - экспери-
мент по реформе госпредприятий в КНР.....88
Л. Ходов. Представляет ли отток иностранного капитала угрозу
для китайской экономики?.....92

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

- А. Волохова. Переговоры о перемирии в Корее (1952-1953 гг.)
(По материалам Архива внешней политики России) 96

РУССКИЕ В КИТАЕ

- Е. Таскина. По страницам ежегодника "Россияне в Азии"
(Торонто) 111

ФИЛОСОФИЯ

- Чжан Шаогуа. Мысли о проблеме человеческой цивилизации 116

КУЛЬТУРА

- О. Железняк. К вопросу о национальной самоидентификации
японцев 130

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

- Е. Лапшина. Общее собрание Центрального правления ОРКД 138

РЕЦЕНЗИИ

- В. Глунин. Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая 140
В. Антонов. Ван Сяньцзюй, Чэнь Янь. "Россия" 144
А. Островский. Ширли В.Ю.Го. Экономическая политика Тайваня 146
Н. Боревская. Руфь Хэйхоу. Университеты Китая: столетие
культурного конфликта 150

С. Тихвинский. Памяти профессора Лю Даняня - коллеги и друга 154

Редакционная коллегия

А.М. Григорьев (главный редактор), Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушанц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов П.А. Минакир, В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов Л.С. Переломов, А.А. Писарев, В.Я. Портяков, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, Ю.С. Столяров, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко

Статьи этого номера

Г.Булычев. Корейская политика России: попытка схематизации

В статье рассмотрены направления политики Российской Федерации в отношении КНДР, Республики Корея и Корейского полуострова в целом с учетом ее интересов в данном регионе.

А.Семи́н. Внешнеполитические ориентиры Японии 90-х гг.

В статье анализируется направленность внешней политики Японии после окончания "холодной войны". Автор показывает, что сохраняющаяся однобокая ориентация на Вашингтон, препятствует обретению страной самостоятельной роли в системе международных связей, негативно влияет на курс Японии по отношению к другим странам, в частности к Китаю.

С.Гончаренко. Парламентские выборы в Малайзии

В статье анализируются итоги парламентских выборов в Малайзии, состоявшихся в ноябре 1999 г. и закончившихся победой национального фронта, который возглавляет Махатхир Мохаммад.

Результаты выборов, по мнению автора статьи, подтверждают поддержку населением страны курса Махатхира на политическую стабильность и укрепление экономического потенциала, а также на усиление международных позиций и авторитета Малайзии в АСЕАН.

Н.Кобозев. Об Уголовном кодексе КНДР

Автор излагает принципы и основные особенности Уголовного кодекса КНДР 1987 г. в сравнении с его предыдущими редакциями (1950 г. и 1974 г.)

Н.Ахметшин. Борьба с наркопреступностью, проституцией и порнографией в КНР (Письмо из Китая)

На основе соответствующих статей Уголовного кодекса КНР и большого фактического материала показана борьба с преступными деяниями в таких сферах как наркотики, проституция и порнография.

В.Михеев. Глобализация в понимании зарубежных ученых

Окончание статьи, в котором говорится об известной настороженности в отношении концепции глобализации ученых и политических деятелей развивающихся стран и Китая, поддержке ее ООН и таких международных организаций как МВФ, а также о, в основном, негативном отношении научной общественности России к ряду аспектов глобализации. Автор стремится выявить позитивные моменты идеи глобализации для развития России.

В.Портяков. Китай на пути в мировое хозяйство: проблемы и поиски

Статья посвящена анализу роли и места внешнеэкономической деятельности в развитии экономических реформ в Китае. Рассматриваются проблемы торговли товарами и услугами, деятельность на международном рынке капитала.

С.Суслина. Российско-южнокорейское экономическое сотрудничество (на примере Якутии)

В статье на конкретном материале якутского региона раскрываются плюсы и минусы экономического сотрудничества РФ и РК. Определяются возможные направления преодоления трудностей в этом сотрудничестве.

Н.Коледенкова. Машиностроение КНР: успехи и проблемы

В статье рассматриваются состояние и главные приоритеты развития машиностроения в связи с потребностями технической реконструкции промышленности страны.

Хоу Цзиньгуан. Превращение задолженности в пай - эксперимент по реформе госпредприятий в КНР

В статье говорится о целях и методах эксперимента по ликвидации громадной кредитной задолженности крупных государственных предприятий банкам путем реформы системы управления этими предприятиями.

Л.Ходов. Представляет ли отток иностранного капитала угрозу для китайской экономики?

Автор показывает, что общее состояние экономики и гибкая хозяйственная политика позволяют Китаю в целом почти безболезненно справиться с отрицательным влиянием азиатского финансового кризиса.

А.Волохова. Переговоры о перемирии в Корее (1951-1953 гг.)

На материалах Архива внешней политики РФ показаны перипетии переговоров о перемирии в Корее между представителями КНДР, КНР и ООН (фактически США), а также интересы, которые преследовали участники переговоров.

Чжан Шаохуа. Мысли о проблеме человеческой цивилизации

Автор - философ из КНР - предлагает свои соображения по поводу выхода из кризиса современной цивилизации на основе предложенной им концепции "трех единств": "единства всех вещей", "единства человечества", "единство Неба и человека".

О.Железняк. К вопросу о национальной самоидентификации японцев

В статье анализируются исторический, экономический, политический, культурно-цивилизационный и коммуникационный аспекты национальной самоидентификации японцев. Особое внимание уделяется наиболее существенным моментам в развитии национального самосознания в новый и новейший периоды истории Японии.

Корейская политика России: попытка схематизации

© 2000

Г. Булычев

Уже более столетия Россия имеет дела с политической ситуацией на Корейском полуострове (начало регулярных контактов относится к последней четверти XIX века). Этот регион всегда доставлял немало хлопот российским политикам. Достаточно вспомнить основные вехи истории: катастрофическая для России русско-японская война, во многом связанная с соперничеством в Корее; корейские беженцы на Дальнем Востоке в начале века и трагедия их насильственного переселения в сталинские годы; раскол Кореи, приведший к первому крупному после окончания второй мировой войны «межсистемному» военному столкновению - корейской войне в 50-е годы; межкорейское противостояние в период «холодной войны» и вспышки «горячих» конфликтов, не раз ставивших полуостров на грань большой войны; ожесточенное «перетягивание одеяла» в 90-е годы, когда обе Кореи пытались использовать Россию в своих «разборках»... И сегодня Корейский полуостров остается одной из потенциально «горячих точек» на российской границе на Дальнем Востоке.

Вероятно, ситуация «корейского вызова» российской внешней политике сохранится еще довольно долго. В этой связи, очевидно, неплохо было бы иметь «рабочую схему» того, как действовать на этом направлении, эффективно распределять ограниченные ресурсы российской внешней политики.

Политику России в отношении Корейского полуострова можно схематично подразделить на три блока: отношения России с КНДР, отношения с РК, отношения по поводу Корейского полуострова в глобальном масштабе.

Прежде всего, однако, надо задаться вопросом: в чем конкретно состоят национальные интересы России на Корейском полуострове?

Мотивизация национальных интересов может быть "негативной" (учет возможности агрессии, ущерб от тех или иных конфликтов и т.п.) и "позитивной" (выгоды сотрудничества в сфере экономики и в международных делах). Какого рода наши интересы в Корее?

На декларативном уровне правительственные установки подчеркивают решимость нашей страны играть существенную роль в корейском урегулиро-

вании и создании нового международного порядка в Северо-Восточной Азии, относят Корейский полуостров к зоне национальных интересов России без конкретизации того, в чем они заключаются.¹

Существует, однако, мнение, быть может, спорное, что оба вышеупомянутых типа мотивации применительно к Корее не слишком значимы, во всяком случае, на современном этапе. Корейский полуостров, аргументируют сторонники этой точки зрения, лишь потенциально взрывоопасная зона на «задворках империи», и в этом качестве его роль не идет ни в какое сравнение по значимости для национальной безопасности России, например с Таджикистаном, Афганистаном, Ираком, Югославией... Говоря цинично, даже если бы в Корее разразился конфликт, на наших непосредственных интересах (если только не вяжемся в него) это сказалось бы лишь опосредованно и в дальней перспективе (усиление позиций США, гипотетическое появление мощного недружественного корейского государства, имеющего к нам свои претензии, в том числе территориальные в Приморье, и т.п.). Сам по себе этот конфликт представлял бы для Дальнего Востока России опасность вряд ли большую, чем нынешние вызовы: криминализация власти, нарушение нормальной жизнедеятельности, распад системы обеспечения и т.п. Потоки беженцев, экологический урон от боевых действий, которыми наши политики публично обосновывают российские интересы в Корее, угроза для России, пожалуй, маловероятная. Об этом, скорее, должен беспокоиться Китай. Конечно, существуют еще глобальные интересы - силовые акции в Корее, скажем, американцев, под «соусом» «гуманитарной интервенции» или иным, стали бы серьезным вызовом национальной гордости России. Они, однако, гораздо менее вероятны, чем в Югославии. Северная Корея в состоянии своими силами отбить охоту у потенциальных интервентов применять к ней силовые методы, если экстраполировать на этот район югославскую ситуацию. И это - принципиальный фактор стабильности.

«Позитивные» интересы России в Корее пока что тоже не так уж велики. Обещанный поток инвестиций из Южной Кореи так и не материализовался. Южная Корея остается всего лишь источником не самых качественных потребительских товаров, которых на российском рынке и без того с избытком. Рынок для нашего экспорта хотя и есть, но достаточно узкий. А Северная Корея с экономической точки зрения представляет интерес маргинальный: пока что главным образом как источник рабочей силы (да и то, по большей части, в качестве альтернативы наплыву китайцев).

Северокорейский долг вряд ли будет Россией взыскан в обозримом будущем, а для бизнеса эта страна - малоподходящая.

С геополитической точки зрения корейское урегулирование также не стало той областью международной политики, где мы на равных говорим с другими державами (а ведь даже наше участие в разного рода «контактных группах» особо не помогло учету наших интересов в той же Югославии). В корейских же делах прекрасно без нас обходятся, как бы и подтверждая тот тезис, что наши интересы в Корее не настолько существенны, что если бы их не учесть, решения нельзя найти. Такое восприятие неудивительно: если Корейский полуостров значится в числе важнейших внешнеполитических приоритетов даже США, не говоря уже о Японии и Китае (где «корейский фактор» имеет и внутрисполитическую проекцию), то у нас он часто не упоминается даже в глобальных внешнеполитических концепциях МИД. Короче говоря, наличие, так же, как и во многих других областях нашей жизни, «кризис самоиден-

тификации», невозможность (и по совершенно объективным причинам) внятно ответить на вопрос: чего мы хотим в Корее и располагаем ли средствами для достижения желаемого?

В советские времена все было просто: КНДР была «восточным форпостом» социализма в борьбе против «американского империализма», и тем и была ценна для Москвы как союзник (пусть и весьма одиозный) в глобальном противостоянии. Не хотелось бы, чтобы на новом витке истории возникли аналогии с недавним прошлым. Тем более, что в свое время внешнеполитическим капиталом, которым являлись для нас связи с Пхеньяном, мы распорядились не лучшим образом. «Актив» был просто отброшен: хотя установление отношений с Южной Кореей и запоздало, оно было осуществлено крайне неуклюже, дав почву для не вполне несправедливых обвинений нас Пхеньяном в «предательстве». И позднее, опьяненные воздухом свободы и демократии, мы, пожалуй, чересчур рьяно нападали на Пхеньян по разным поводам. Скажем, при всей опасности распространения ядерного оружия вряд ли стоило стремиться быть в первых рядах оппонентов ядерной программы Пхеньяна (направленной отнюдь не против нас, а только лишь мыслимой им в качестве «средства сдерживания» от поглощения, «стратегического уравнивателя» в условиях исчезновения союзников). Защитники прав человека в КНДР также могли бы, по-моему, с большей пользой употребить свои силы поближе к дому. Попытки же «передавать Пхеньяну опыт российских реформ» вообще не могли встретить ничего, кроме резкого отпора и страха. Мы лишь утвердили северокорейский режим в мнении, что Россия - в стане тех, кто хочет его погубить.

На деле это не так. Объединение Кореи сейчас, если оценивать ситуацию трезво и откровенно, по разным причинам мало кому выгодно - ни Китаю, ни Японии, ни даже РК, осознавшей, какие тяготы это принесет нации. Вписывается оно, пожалуй, лишь в геополитические построения США, стремящихся к расширению сферы влияния в АТР, но и то не как непосредственная задача. Россия, разумеется, выиграла бы от объединения Кореи, получив стабильность на границах и выгодного партнера. Но торопиться нам некуда. В розовых мечтах, конечно, можно видеть на границах свободной и процветающей России свободную и процветающую дружественную единую Корею, рука об руку идущих в светлое будущее, но, как известно, «за удовольствия надо платить». В обозримом будущем объединение Кореи может быть осуществлено лишь методами, связанными со столь большими людскими и материальными потерями, что даже по чисто гуманитарным соображениям нам ему «поспешествовать» ни к чему.

Таким образом, *наш национальный политический интерес* на Корейском полуострове - *мир и стабильность*, т.е. сохранение статус-кво. И это не противоречит интересам других стран, т.е. возможно нахождение баланса интересов.

Исходя из этой посылки, каковы могли бы быть приоритеты и средства политики России на Корейском полуострове? Как ни странно, они довольно просты:

- укрепление связей с Пхеньяном в той мере, в которой это обеспечивает устойчивость северокорейского режима и северокорейской государственности, т.е. препятствует нарушению статус-кво;

- всемерное развитие сотрудничества с Республикой Корея, маневрирование в целях того, чтобы из-за «северокорейского фактора» не отчуждать этого действительно важного экономического и политического партнера, сложившиеся за десятилетие связи с которым самоценны;

- противодействие попыткам кого бы то ни было добиться доминирования в корейских делах, что опять же чревато дестабилизацией; искусная игра (в отсутствие реальной ресурсной базы внешней политики) на противоречиях.

С середины 90-х годов в целом удается выдерживать такую линию, со скидкой на столь привычные россиянам неувязки. Крупный результат - то, что на нее откликнулся Пхеньян - естественно, отстаивая свои особые интересы (скорее всего, это - обеспечение «тыла» в торге с США и РК). Несмотря на то, что во внутренней пропаганде КНДР Россия остается своего рода «мальчиком для битья», негативным примером тех ужасов, которые несет с собой «отказ от социализма», КНДР готова вновь с нами дружить. Северокорейцы были достаточно уступчивы в согласовании нового договора, подписание которого, правда, затянулось по «техническим» причинам, сняли многие свои «принципиальные» требования (типа поддержки Россией объединения в форме конфедерации), согласились на включение ссылки на Устав ООН. Знаменательно и то, что хотя они не отказывают себе в удовольствии порассуждать о «наглых надругательских действиях России в отношении КНДР, обида за что вошла в плоть корейского народа», об этом говорят уже в прошедшем времени, как бы признавая, что пришел новый этап отношений. На подъеме (правда, скромный) пошло экономическое сотрудничество.

Поворотным событием стал визит в Пхеньян министра иностранных дел России И.С.Иванова в феврале 2000 г. Несколько переносов сроков визита в итоге пошли на пользу: он пришелся на период активизации поисков Пхеньяном союзников за рубежом, а также выработки новых ориентиров российской дипломатии. Все это предопределило действительный, а не пропагандистский успех: северокорейцы говорили о «традиционной дружбе с Россией» с исключительной теплотой, практически не поднимали спорных вопросов, всеми силами демонстрировали настрой на сотрудничество. «Период определенного охлаждения, с которым столкнулись в 1990-е годы Россия и КНДР, преодолен», - заявил в Пхеньяне российский министр². Его поддержал северокорейский коллега Пэк Нам Сун, оценивший подписанный в Пхеньяне Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве как «существенный вклад в укрепление дружбы и взаимовыгодного сотрудничества между народами двух стран, имеющих общую границу, в дело мира и безопасности в Северо-Восточной Азии, АТР и во всем мире»³.

Основной итог визита - подписание нового межгосударственного Договора, который заменяет утративший силу в 1996 году «союзный» договор 1961 года. Главная особенность нового Договора в следующем.

1) Он основан на Уставе ООН и общепризнанных принципах международного права.

2) Договор не направлен против интересов третьих стран, основан на стремлении обеспечить мир и безопасность, развивать сотрудничество в СВА.

3) Предусмотрен механизм регулярных консультаций, а в случае возникновения опасности агрессии или угрожающей миру ситуации - незамедлительного вступления в контакт друг с другом.

4) Договор содержит обязательство сторон воздерживаться от заключения договоров и соглашений, участия в действиях, направленных против суверенитета, независимости и территориальной целостности друг друга.

5) Подтверждена приверженность сторон делу объединения Кореи на основе принципов самостоятельности, мирного воссоединения и национальной

консолидации (эти принципы были согласованы Севером и Югом Кореи еще в 1972 году).

б) Договор как основополагающий правовой документ создает правовую базу развития двусторонних отношений в различных областях⁴.

Теперь важно не «заиграться», не дать усмотреть в «российско-северокорейской смычке» даже теоретически противовес «американо-южнокорейско-японскому военному альянсу», не сделать из Корейского полуострова еще одну площадку российско-американского противостояния. Опасность этого есть, особенно после югославской войны, в том числе в контексте трудно решаемых американо-китайских противоречий.

Резервы отношений с Пхеньяном надо искать в других областях. Пока что они исчерпываются, главным образом, политическими жестами в адрес друг друга. Поле взаимодействия в экономике не широко, а о, скажем, гуманитарной и т.п. сферах и говорить особо не приходится (северокорейцы, к примеру, отказываются даже от государственных стипендий для обучения студентов в России).

Впрочем, с геополитической точки зрения важен не объем, а стабильность и предсказуемость отношений с КНДР. Они должны отвечать главному критерию: удерживать Пхеньян от неординарных, резких шагов и способствовать позитивному развитию ситуации в стране.

Горизонт отношений с *Южной Кореей* заметно сузился в связи с финансово-экономическим кризисом в обеих странах и значительным уменьшением свободы внешнеполитического маневра РК из-за возросшей финансовой зависимости от мировых центров силы, прежде всего США. Хрупкость политических отношений и прежде всего - с южнокорейской стороны - показывают периодически возникающие скандалы - такие, как «шпионский скандал» в 1998 г., история с передачей Китаю в конце 1999 г. семерых северокорейских перебежчиков, на которых «претендовала» Южная Корея. В Москве многие не могут взять в толк, почему столь незначительные, в общем-то, события вызывают в РК такую истерику (вплоть до отставки министров иностранных дел) и воспринимаются южнокорейцами как «преподанный великой державой унижительный урок». Это лишний раз говорит о том, что десять лет - недостаточный срок для того, чтобы полностью понять менталитет партнера.

Следует подчеркнуть, что пришедшая к власти в РК в 1998 г. администрация повысила приоритетность России в своей внешнеполитической иерархии. РК охотно идет на контакты с нами, учится учитывать наши интересы. Южнокорейцы, в отличие от прошлого, избегают ненужных обострений, не «зацикливаются» на раздражителях. Несмотря на резкую реакцию американцев, Сеул все же пошел на развитие военно-технического сотрудничества с Россией, хотя перспективы здесь, прямо скажем, пока не очень определенные. Южнокорейцы заинтересованы в нашем рынке, который, видимо, значит для них явно больше, чем отражает не вполне достоверная экспортная статистика. Даже несомненные потери вследствие августовского кризиса 1998 года не заставили многие южнокорейские фирмы свернуть свои операции в России.

Повысилась и доверительность контактов по международной и межкорейской проблематике. Российскими оценками стали в Сеуле интересоваться. Таким образом, усиливается управляемость, предсказуемость ситуации на Корейском полуострове, весомее звучит голос России. К чему, собственно, мы и стремимся.

Кульминацией нового подхода к России, по южнокорейским задумкам, очевидно, должен был стать визит в Москву Президента РК Ким Дэ Чжун в

мае 1999 г. Судя по всему, корейская сторона осталась довольна его итогами. В России же до сих пор гадают, действительно ли визит принес нам серьезные позитивные результаты? Российская сторона возлагала надежды на прогресс ряда проектов ВТС (в частности, продажа подводных лодок), реализацию проекта российско-корейского индустриального комплекса в Находке, продвижение идеи созыва многостороннего диалогового форума в Северо-Восточной Азии, в т.ч. в целях обеспечения участия России в корейском урегулировании.

Обещания на этот счет были даны, но никаких реальных сдвигов на сегодняшний ни по одному из направлений пока нет. Ощущение такое, будто для корейцев был важен сам факт визита. И похоже, к тому же, его кое-кто стремился использовать в антисеверокорейских целях: на все лады склонялся тезис о том, что Россия «полностью поддержала» политику «солнечного тепла» - а эту формулировку, как хорошо известно, на дух не воспринимают в Пхеньяне, считая, что политика «вовлечения» направлена на развал северо-корейской системы. Скажем, Монголии, публично поддержавшей «солнечное тепло», корейцы «отомстили» закрытием своего посольства. На самом же деле - и это зафиксировано в документах саммита - Россия поддержала новый, в отличие от предшественников Ким Дэ Чжуна, неконфронтационный подход к межкорейским отношениям, настрой на сотрудничество, а не на сведение счетов⁵. Ему действительно нет альтернативы.

Корейская ситуация настолько тесно переплетена с интересами *ведущих держав и вниманием международных организаций*, что эффективно оперировать в ней возможно только в тесном взаимодействии с ними. Здесь пока есть резервы. Впрочем, ведется плотный диалог по корейской теме с американцами, японцами, китайцами. Новое качество наших отношений с КНДР призвано, среди прочего, повысить наш авторитет в этих контактах. Сверхзадача - заставить партнеров осознать, что подвижки в корейской ситуации не могут происходить без учета интересов России и что эти интересы конструктивны и продуктивны, могут быть сопряжены с интересами других участников.

Исходя из такого понимания, сформировалась взвешенная позиция по четырехсторонним переговорам (КНДР, РК, США, КНР): четырехсторонние переговоры полезны, но повестка дня их ограничена подведением юридических итогов военного конфликта полувековой давности. Именно поэтому состав участников ограничен воевавшими в той войне. Даже в случае успеха итогом будет лишь создание новой системы поддержания мира на Корейском полуострове, но отнюдь не решение корейской проблемы, определение будущего «миропорядка» в СВА. Вместе с тем такой итог составит приемлемую основу для последующего обсуждения и поиска компромиссов. В этом уже должны участвовать все заинтересованные страны, без учета интересов которых противоестественно пытаться сконструировать сколь-либо устойчивую систему международных отношений в СВА. Уже сейчас надо, очевидно, не дожидаясь окончания четырехсторонних переговоров (с учетом и того, что они явно про-буксовывают), вести дело к сборке такого механизма

Вместе с тем принципиально важно участие в таком форуме КНДР, без чего он будет контрпродуктивен (именно поэтому не годятся уже имеющиеся в СВА форматы, зарекомендовавшие свой антисеверокорейский уклон).

В идеале компромиссным итогом диалога должно было бы стать предоставление сторонами друг другу гарантий безопасности (в т.ч. признание КНДР со стороны США, Японии, РК), обеспечение которых взяли бы на себя

помимо упомянутых стран Россия и Китай. В обмен США, Япония, РК могли бы добиться встречных шагов КНДР, снимающих озабоченность ее ракетными программами (ценность их как средства сдерживания для Пхеньяна снизится при получении политических гарантий выживания режима). Для этого, однако, оппоненты Пхеньяна должны на деле отказаться от цели реформирования и, в конечном счете, ликвидации северокорейской системы. Речь, таким образом, идет о своего рода «расширенной пакетной сделке». Пока ее потенциальные участники допускают возможность силовых решений, настроены на «ликвидацию контрагента», сближение позиций невозможно.

Так далеко «тройка» (американцы, японцы и южнокорейцы), однако, пока не готова пойти: «реформы и открытость» КНДР (а это для северокорейцев - анафема) инкорпорированы в число главных задач «политики вовлечения». Вскоре, вероятно, перед «тройкой» встанет вопрос: а что же дальше? Каковы следующие цели Запада, если Пхеньян на самом деле откажется от ОМУ, «некорректного поведения» на международной арене? Смирится ли «мировое сообщество» (от имени которого пытается говорить «тройка») с легитимностью нынешнего, кимченировского режима на Севере Кореи? И если да, то как и до каких пределов развивать сотрудничество Запада с КНДР, которая сейчас настроена главным образом на получение все возрастающего объема помощи, последствия прекращения которой могут быть непредсказуемы?

Особенность предлагаемого многостороннего диалога как раз и состоит в том, что он сможет помочь определить место КНДР в современном мире. Форум должен быть запрограммирован на то, чтобы все стороны могли свободно излагать свои позиции, для начала не стремясь к согласию. Для КНДР такая постановка вопроса может быть ценна возможностью объявить свои позиции по выводу американских войск, диалогу с Югом и т.п., для других участников - аргументированно их прокомментировать. В принципе, только так в международной практике и «притираются» оппоненты, поначалу казавшиеся непримиримыми.

Другой, быть может, более приземленный вариант - не трогая сразу болезненную тему корейского урегулирования, начать с обсуждения реально назревшей в субрегионе СВА тематики вызовов всеобъемлющей безопасности (в т.ч. финансово-экономических, экологических, а далее - и военных), политического измерения многостороннего регионального сотрудничества.

Идея, конечно, нуждается в подробной проработке с партнерами (пока не очень воспринимает ее Китай, но Япония, РК, в какой-то мере США ее либо поддерживают, либо «держат в уме»). КНДР, в принципе резко отрицательно настроенная к любым многосторонним процессам и «иностранному вмешательству в корейские дела», заявила лишь о «преждевременности» создания в Северо-Восточной Азии многосторонней структуры сотрудничества в области безопасности до того, как будет достигнут соответствующий «уровень отношений» и преодолены «враждебные отношения» (подразумеваются с США, Японией и РК), не отрицая идею как таковую.⁶

Так или иначе, вопросы сотрудничества в Северо-Восточной Азии, в особенности, крупные экономические проекты, чем дальше, тем в меньшей степени будут разрешимы на строго двусторонней основе. Такие, скажем, проекты, как магистральные нефтепроводы, газопровод, Туманганский проект затрагивают интересы всех соседей, и необходим механизм согласования этих интересов. Учет этого обстоятельства, очевидно, должен серьезно воздействовать на наши подходы к корейским делам и ситуации в СВА в целом. Это, как нам кажется, должно стать новой особенностью корейской политики России в XXI веке.

Наступающее десятилетие может стать на Корейском полуострове либо временем резких и не очень желательных перемен, либо ознаменуется складыванием более или менее устойчивого баланса сил и интересов, на основе которого в более отдаленном будущем не исключено «рассасывание» проблем. В интересах России, и так изрядно измотанной не только внутренними, но и внешнеполитическими кризисами, прилагать силы, как бы они ни были ограничены, к реализации второго сценария.

-
1. См. например, Дипломатический вестник МИД. 1999. № 6. С. 31. 1999. № 10. С.57.
  2. ИТАР-ТАСС. Пхеньян. 10 февраля 2000.
  3. ЦТАК. 12 февраля 2000.
  4. ИТАР-ТАСС. Пхеньян. 9 февраля 2000.
  5. В Соместном Российско-Корейском заявлении записано: «Российская сторона ... поддержала линию администрации Ким Дэ Чжуна по налаживанию межкорейских контактов и продуктивного диалога между Югом и Севером Кореи, реализация которой могла бы способствовать укреплению мира и стабильности не только на Корейском полуострове, но и во всем регионе...» // Российская газета. 1999. 01 июня.
  6. Бюллетень Центрального телеграфного агентства Кореи. Пхеньян. 1999. 14 октября.

Парламентские выборы в Малайзии

© 2000

С. Гончаренко

29 ноября 1999 г. в Малайзии состоялись очередные парламентские выборы. Победил Национальный фронт - коалиция из 14 партий, правящая в стране с 1974 г. Представители Национального фронта получили 148 из 193 мест в парламенте и таким образом сохранили за собой абсолютное большинство. Голосуя за Национальный фронт, малайзийские избиратели подтвердили поддержку курсу на политическую стабильность и процветание, укрепление экономического потенциала и международных позиций страны, ее роли и авторитета в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Конечно же, сыграло свою роль то, что многие годы усилия руководства Малайзии направлены на обеспечение всеобъемлющей интеграции страны в процессы экономического и политического сотрудничества в ЮВА; Малайзия активно участвует в деятельности ООН и крупнейших организаций Азиатско-Тихоокеанского региона - АТЭС, СТЭС и ТЭС, проводит линию на независимую политику в международных делах. Такой курс вызывает доверие и поддержку избирателей.

На протяжении нескольких последних десятилетий экономические и политические достижения страны, ее внешнеполитические успехи непосредственно связаны с именем известного политического деятеля и бессменного премьер-министра Малайзии с 1981 г., Махатхира Мохаммада. Поэтому очередная победа на ноябрьских парламентских выборах коалиции партий, возглавляемой Махатхиром, стала новым подтверждением одобрения большинством населения страны проводимого им курса, а результаты этих выборов стали еще одним личным успехом Махатхира Мохаммада - лидера Национального фронта и руководителя наиболее мощной политической силы страны - партии Объединенная малайская национальная организация (ОМНО)¹. Главный итог выборов - поддержка Махатхира со стороны широких слоев трех крупнейших этнических общин страны - малайской, китайской, индийской.

* * *

В исторической перспективе результаты последних парламентских выборов являются логичным итогом политического развития Малайзии последних десятилетий и выглядят следующим образом.

Как известно, Малайзия получила независимость в 1957 г. Страна является многонациональным государством, основную часть населения которого (больше половины из 22 млн. чел.) составляют малайцы, более трети - этнические китайцы и более 10 процентов - выходцы из Индии и Шри-Ланки. Важ-

ным компонентом населения являются также народности и племена (даяки, меланану, кадазаны и др.), общая численность которых, впрочем, незначительна.

Действующая сейчас в стране система парламентских выборов сложилась в начале 70-х гг., причем в ходе ее формирования был учтен опыт трагических событий 1969 г., когда после очередных парламентских выборов произошли столкновения между малайской и китайской частями населения страны, приведшие к многочисленным человеческим жертвам. В поисках выхода из сложившейся ситуации и был сформирован Национальный фронт - коалиция политических партий страны, пользовавшихся наибольшим доверием избирателей. При создании НФ был использован опыт Союзной партии - коалиции ведущих политических партий страны, и в состав НФ сразу вошли три крупнейшие политические партии, созданные по этническому принципу и объединившие, соответственно, малайцев, китайцев и индийское население: ОМНО, Китайская ассоциация Малайзии (КАМ)², Индийский конгресс Малайзии (ИКМ)³; к ним присоединились партия Геракан⁴ и некоторые другие партии.

За последнюю четверть века (1974-99 гг.) в Малайзии семь раз проводились парламентские выборы, и на всех этих выборах неизменным победителем оказывался Национальный фронт, всегда получавший поддержку большинства (от 52 до 65 %) избирателей. Традиция не изменилась и в 1999 г., хотя на этих выборах НФ получил меньше, чем в 1995 г., - 56 процентов голосов.

По итогам выборов распределяются места в парламенте, и представители НФ постоянно получают значительное количество таких мест, что позволяет коалиции уверенно и последовательно проводить свою политическую линию. В результате не только обеспечивается достаточно высокий авторитет Национального фронта в стране (а, следовательно, и поддержка населением проводимой им внутри страны и в международных делах политики), но и наглядно проявляются функциональные возможности правящей коалиции партий. В соответствии с конституцией страны, наличие 2/3 голосов в парламенте обеспечивает партии или коалиции партий возможность вносить поправки в конституцию⁵. Национальный фронт имеет такую возможность уже более четверти века и сохранил ее и по итогам выборов 1999 г.

Новое правительство, прежний курс

К середине декабря 1999 г., то есть практически сразу после выборов парламента, в Малайзии было сформировано новое правительство. Как и ожидалось, ключевые посты сохранены за сторонниками Махатхира. Заместителем премьер-министра (в Малайзии только один такой пост) вновь стал Абдула Ахмад Бадави - опытный политик, долгое время занимавший пост министра иностранных дел, и в этом качестве принимавший участие практически во всех важных для страны международных мероприятиях. В обновленном правительстве, помимо поста заместителя премьер-министра, он получил еще и пост министра внутренних дел - должность, которую до недавнего времени занимал сам Махатхир. Это обстоятельство, а также некоторые другие признаки позволяют, видимо, говорить о том, что Махатхир все активнее выдвигает Бадави в свои политические преемники. Это важно, поскольку свидетельствует даже не столько о консолидации власти в руках самого Махатхира (это давно свершившийся факт), сколько о том, что Махатхиру удалось сохранить свой политический авторитет в конфликте с недавним предшественником Бадави на посту заместителя премьер-министра Анваром Ибрагимом. Как известно (об этом немало писали и российские СМИ), в сентябре 1998 г. Анвар

был обвинен в коррупции (позднее добавились и другие обвинения), арестован и в 1999 г. осужден на шесть лет лишения свободы. Политическая оппозиция во многом воспользовалась этой ситуацией, активизировав свои выступления против Махатхира, однако, как показали результаты ноябрьских парламентских выборов, не смогла серьезно противостоять Махатхиру.

По оценкам различных, в том числе, малайзийских экспертов, новый состав кабинета не приведет к значительному изменению политики правительства ни во внутренних, ни во внешних делах. Для деловых кругов самой Малайзии и для зарубежных бизнесменов важным свидетельством преемственности прежнего курса стало сохранение поста министра финансов за Даимом Заинуудином, известным финансистом, видным политическим деятелем и последовательным сторонником Махатхира. Именно с Даимом многие связывают выработку экономической стратегии Малайзии последних лет, и в особенности достаточно быстрый и успешный выход страны из кризиса, поразившего Малайзию и другие страны ЮВА в 1997-98 гг. Как пишет гонконгский журнал "Эйшауик", Даим является "виртуальным заместителем премьер-министра", и похоже, что он уже сейчас заботится о том, чтобы сохранить за собой важную роль в жизни этой страны и после ухода Махатхира⁶. Ожидается, что Махатхир уйдет с политической сцены через пять лет, когда завершится его нынешний мандат - по крайней мере, он сам сделал такое заявление после завершения ноябрьских парламентских выборов.

Особое место Даима в малайзийском политическом истеблишменте в общем-то не вызывает сомнения, и дело здесь даже не только в том, что уже около 15 лет он ведет такой деликатный вопрос, как финансирование ОМНО, и с небольшими перерывами практически все годы пребывания у власти Махатхира возглавляет или курирует министерство финансов. Даим - важнейшая опора "команды Махатхира", и поэтому именно ему достался в обновленном правительстве новый, и, похоже, имеющий особое значение пост министра по политическим и международным делам. Предполагается, что теперь Даим будет координировать проблемы экономического развития страны, международные и внешнеполитические вопросы, имея особые полномочия. Видимо, на практике это будет означать, что его рекомендация будет иметь больше веса, чем мнение "обычного" министра.

Не появилось новых лиц и на других ключевых постах в правительстве. Министром иностранных дел остался Съед Хамид Албар, министром торговли и промышленности - Рафида Азиз, министром транспорта Линг Лионг Сик, министром общественных работ - Сами Веллу. Словом, Махатхир не склонен "менять на переправе" свою старую команду. Он доверяет тем, кто идет вместе с ним уже без малого два десятка лет.. Это вполне объяснимо по меркам любой страны, и Малайзия здесь не исключение.

Девять правительственных портфелей (из числа "второстепенных") поменяли владельцев, но это, похоже, не повлияет на политическую линию правительства. Все "новички" - сторонники Махатхира (что естественно). Но что, пожалуй, еще важнее (и на это уже обратили внимание многие обозреватели), они в то же время - и сторонники заместителя премьер-министра Бадави.

В этой связи важно, что, вопреки ожиданиям, двум главным соперникам Бадави на пути к посту премьер-министра не удалось укрепить собственные позиции в ходе выборов. Один из них, Наджиб Разак (сын второго премьер-министра страны, ныне покойного Тун Абдул Разака), выиграл выборы в своем округе с перевесом всего в 241 голос, что для такого известного полити-

ка явно не убедительный результат. Наджиб Разак получил пост министра обороны. Пост заметный, но не тот, который Наджиб Разак занимал до этого, - министра образования, который в Малайзии считают одним из наиболее престижных для политического деятеля, стремящегося стать премьер-министром. Другой влиятельный политик и реальный претендент на пост премьер-министра, Тенгку Разалей Хамза, некогда работавший министром финансов (а в 1987 г. даже составивший конкуренцию Махатхиру в соперничестве за пост премьера), место в парламенте получил, но не вошел в состав кабинета. Как полагают обозреватели, Махатхир таким образом обезопасил себя от двух главных конкурентов и претендентов на пост премьер-министра.

В отдельных штатах победа ОМНО и НФ была более чем впечатляющей. Так, например, в штате Джохор, где представители правящей коалиции получили одобрение избирателей во всех 40 избирательных округах, и в штатах Сабах и Саравак, где НФ получил 45 из 48 возможных парламентских мест. Впрочем, существенно окрепла и оппозиция которая теперь имеет в парламенте 45 мест (вместо 27 мест по итогам выборов 1995 г.). Но если раньше основным компонентом оппозиции были представители китайской этнической общины, то теперь наблюдается другая картина: оппозицию довольно широко поддерживают малайцы. Это - важная и во многом неожиданная особенность последних парламентских выборов в Малайзии.

Во многом поэтому сама ОМНО теперь имеет в парламенте меньше своих представителей, чем прежде, имея 72 места вместо 94, полученных ею по итогам выборов 1995 г. Как считают малайзийские политологи, это - в немалой степени результат конфликта между премьер-министром и его заместителем Анваром Ибрагимом в 1998-99 гг., следствие активизировавшихся действий оппозиции и недовольства определенной части населения тем, что Махатхир потворствует своему окружению и близким, дает им выгодные контракты, кредиты и др.

Некоторые назначения в правительстве удивили многих. Как, например, назначение министром известного ученого Мусы Мохамата Достаточно неожиданно для многих он был назначен министром образования. Впрочем, Муса Мохамат не только не избран в парламент, но и не является членом ОМНО, и поэтому, чтобы занять пост министра федерального правительства, потребовалось назначить его сенатором (конституция Малайзии предусматривает и допускает такую ситуацию). Назначение Мусы министром образования вместо влиятельного Наджиба, похоже, сделано для укрепления позиций Бадави. Сделано и еще одно удивившее многих назначение. На важный пост министра в Департаменте премьер-министра назначен Бернард Домпок, до этого занимавший пост главного министра штата Сабах. Несомненно, что такое назначение увеличит значение Восточной Малайзии (штатов Сабах и Саравак) в политической жизни страны.

Победа НФ - еще не окончательное поражение оппозиции.

Как оппозиция оправдывает доверие избирателей

Сразу после подведения итогов выборов вновь избранные члены парламента поспешили продемонстрировать, что их предвыборные обещания - не пустые слова. Особенно активные усилия в этом плане предприняли две оппозиционные партии - Исламская партия (ПАС), которую поддерживает фанатично исповедующая ислам часть населения⁷, и Партия демократического действия (ПДД), большинство сторонников которой состоит из радикально на-

строенной китайской молодежи⁸. Исламская партия добилась победы в ходе выборов в северных штатах Келантан и Тренггану, где преобладает малайское население, занятое сельским хозяйством и где традиционно сильны позиции исламистов, и получила большинство мест в законодательных ассамблеях этих же штатов. Исламская партия, являющаяся основой парламентской оппозиции в Малайзии, сразу же попыталась развить успех.

Уже 2 декабря (то есть на третий день после выборов) новый главный министр штата Тренггану Абдул Хади Аванг заявил, что правительство штата намерено обратиться к федеральным властям с требованием увеличить размер отчислений, которые ежегодно получает этот штат от федеральных властей за добываемые на его территории нефть и газ. Данная сумма составляет около 130 млн. долл. в год (или 5 процентов стоимости добываемых в штате энергоресурсов); власти штата заявили, что намерены увеличить эти выплаты вдвое⁹. Этот, несомненно, популистский шаг, был замечен малайзийской общественностью и СМИ, но пока не принес желаемого исламистами результата, поскольку единственный орган, правомочный принять решение по такому вопросу - федеральное правительство Малайзии, но оно пока не склонно увеличивать подобные отчисления.

Новь избранное правительство штата Тренггану, которое возглавила Исламская партия, сразу после выборов объявило о закрытии всех игорных и увеселительных заведений; была запрещена продажа алкогольных напитков. Эти меры тоже были замечены малайзийской общественностью.

45 из 193 мест в парламенте достались нескольким партиям, не входящим в Национальный фронт, и зарекомендовавшим себя достаточно последовательными критиками Махатхира. Поскольку его политика и действия в общем-то, ясны и предсказуемы (об этом уже вкратце сказано в начале данной статьи)¹⁰, местные обозреватели сразу после завершения выборов начали подсчет тех возможностей, которые открываются у парламентских противников Махатхира.

Во-первых, конечно же, принимается к сведению такой аргумент, что в новом составе парламента противников Национального фронта и Махатхира стало больше, чем прежде: на прошлых (1995 г.) выборах представители оппозиции получили 27 мест (а сейчас - 45). Такой "перелив" симпатий в общем-то закономерен, поскольку последние годы были нелегкими для страны и ее населения. Малайзия, как и другие страны ЮВА, оказалась затронута финансовым кризисом, существенно (почти в полтора раза) по отношению к американскому доллару подешевела национальная денежная единица - рингит, что незамедлительно сказалось на покупательной способности населения и на уровне его благосостояния.

Во-вторых, заметную и достаточно активную часть оппозиции составили сторонники опального малайзийского политика Анвара Ибрагима, а его жена Ван Азизах, которая ведет активную работу в его поддержку, стала членом парламента, победив в избирательном округе мужа. Она и возглавила новую партию Кеадилян. Политическая линия этой партии пока неясна, но очевидно, что главной ее задачей является освобождение Анвара из тюрьмы, на чем и сосредоточены практически все ее усилия. В 1998-99 гг. ситуация с арестом Анвара Ибрагима была достаточно широко использована оппозиционными партиями и группами для дестабилизации обстановки в стране, подстрекательства к беспорядкам и насилию; такие действия оппозиции продолжаются и сейчас.

В-третьих, общее укрепление оппозиции сопровождалось сменой оппозиционных лидеров. К удивлению многих, на ноябрьских выборах 1999 г. не смогли победить своих соперников два известных руководителя оппозиции - Лим Кит Сианг (генеральный секретарь ПДД и многолетний лидер оппозиции в парламенте) и Карпал Сингх, его заместитель по партии и одновременно адвокат Анвара Ибрагима на судебном процессе. Не исключено, что их аргументация просто "приелась" избирателям, которые надеются услышать более конструктивную и действенную критику действий правящих кругов.

Выше уже отмечено, что важным итогом последних парламентских выборов стало укрепление оппозиции в северных штатах страны - Келантан и Тренггану, где преобладает малайское население, склонное к исламскому фундаментализму. Но, кроме того, оппозиция получила большинство мест в законодательном собрании вотчины Махатхира - штата Кедах; позиции ПАС окрепли в городах (а не только в сельской местности) штатов Паханг, Пенанг, Перак и Селангор. Штаты Келантан и Тренггану играют особую роль в экономике Малайзии, поскольку здесь сосредоточена основная часть запасов ее нефти и газа; здесь же находятся крупные перерабатывающие предприятия. Как показывает сложившаяся в стране политическая традиция, неадекватные (для федерального правительства) действия руководства этих штатов вряд ли возможны, но их хозяйственная специализация привлекает к ним постоянное внимание общественности. А значит, есть надежда на то, что критика действий правительства парламентариями этих штатов будет услышана.

И еще один важный штрих. Пожалуй, впервые за многие годы пребывания НФ у власти значительная часть именно малайского населения поддержала оппозицию, и, прежде всего, ПАС, а лидером парламентской оппозиции впервые стал малаец - лидер ПАС Устаз Фадзил (вместо генерального секретаря ПДД Лим Кит Сианга). Вместе с тем, по данным политологов, весьма существенную поддержку Национальному фронту оказала китайская часть населения страны, и получилось так, что эта поддержка стала чуть ли не решающей для Махатхира. Дело в том, что существующая в Малайзии система парламентских выборов создана таким образом, что голосование за кандидата от одной из партий Национального фронта (в том числе и за представителей партий китайской общины) означает голосование и за весь НФ и в первую очередь за лидера этой коалиции, малайскую партию ОМНО.

Ранее китайцы еще не были склонны оказывать правительству столь единодушную поддержку; они традиционно предпочитали голосовать преимущественно за представителей своей этнической общины, при этом особой популярностью в Куала-Лумпуре, да и в других городах пользовались представители ПДД. Тем не менее в 1999 г. значительная часть китайского населения проголосовала против представителей ПДД, чем продемонстрировала недовольство имевшим место в 1995-99 гг. сближением китайской ПДД и малайской ПАС¹¹. Впрочем, поддержка Национального фронта китайским населением не привела к увеличению представительства китайской этнической общины в правительстве: китайцы сохранили свои прежние посты (их всего несколько, и это второстепенные должности), но не получили новых.

Итоги выборов воспринимаются по-разному

Большого ожидала оппозиция (что не удивительно). Но оказалось, что итоги выборов в Малайзии вызвали недовольство и в Вашингтоне. Об этом свидетельствует выпущенное практически сразу после оглашения результа-

тов выборов заявление госдепартамента США по данному вопросу, в котором ставился под сомнение тот факт, что выборы носили демократический характер.

Собственно говоря, такой подход легко прогнозировался: в США уже давно с немалым раздражением оценивают действия премьер-министра Махатхира. Не нравится его стремление к сбалансированности внешнеполитического курса страны и нежелание прибегать к помощи международных финансовых организаций (прежде всего МВФ) в процессе преодоления последствий финансового кризиса. В этой связи уместно вспомнить, что в свое время в мировой печати широко комментировалось замечание вице-президента США А.Гора, прозвучавшее на саммите АТЭС в Куала-Лумпуре в ноябре 1998 г.¹². К удивлению многих, тогда, в 1998 г., американский вице-президент фактически поддержал оппозицию в Малайзии – бывшего вице-преьера и министра финансов этой страны Анвара Ибрагима, к тому времени уже уволенного со своих постов. “Демократия ставит печать легитимности на реформах, делая их эффективными. И вот в странах, страдающих от экономического кризиса, мы продолжаем слышать призывы к демократии. Мы слышим их сегодня и здесь, и сейчас – среди храбрых малайзийцев”, заявил тогда А.Гор¹³. В Малайзии, да и в других странах Азии, выступление А.Гора было воспринято с возмущением, что, впрочем, существенно не повлияло на оценки в самом Вашингтоне ситуации в Малайзии.

Недружественную Малайзии оценку итогов ноябрьских парламентских выборов привел и британский журнал “Экономист”. Вкратце рассказав в своем первом декабрьском (1999 года) номере о событийной стороне выборов, журнал утверждал далее, что “некоторые члены ОМНО” раздражены распространением коррупции в стране и растущей концентрацией власти в руках Махатхира. Есть и такие, кто считает, что, если единство ОМНО будет подорвано, то ее перегруженный поезд сойдет с рельсов.¹⁴

Впрочем, эти и некоторые другие негативные комментарии итогов выборов не закрывают главного – того, что в Малайзии, этом многонациональном государстве, существует устойчивое политическое равновесие. Формирование устойчивого жизненного уклада явилось главной заслугой основателей НФ и самого Махатхира, а осознание необходимости быть выше национальных предрассудков стало залогом многолетнего бесконфликтного существования малайзийского общества. Последние парламентские выборы еще раз подтвердили готовность населения страны следовать этим принципам.

Как и любое крупное политическое событие, прошедшие выборы достаточно наглядно продемонстрировали и настроения малайзийского общества, и об этом немало говорилось в комментариях выходящих в Малайзии газет. Особое внимание привлекли комментарии известной малайзийской журналистки Хардев Каур (наверное, потому, что они были наиболее объективными и спокойными). Она считает, что теперь партии ОМНО и всему Национальному фронту следует правильно оценить результаты выборов и привлечь на свою сторону новых сторонников, учитывая при этом, что за последние годы существенно возрос образовательный уровень электората. Стабильной, мирной и процветающей Малайзии нужна объединенная и сильная ОМНО, пишет Х.Каур¹⁵. Впрочем, не все комментаторы оказались способны на такие обобщения; в малайзийской прессе были и гораздо более резкие высказывания.

Малайзийский электорат не удовлетворен действиями ОМНО, малайцы разделены и находятся в смятении, а в таком состоянии население не может быть надежным. Вот где заключена угроза национальному единству, отмеча-

лось в редакционной статье малайзийской газеты "Сан"¹⁶. Эта статья вышла сразу после выборов и поэтому, конечно, еще не могла адекватно учесть реакцию избирателей и настроения общества. Последующие комментарии показали, что в обществе в конечном итоге возобладали более умеренные и спокойные оценки.

Победа НФ - личный триумф Махатхира, который был главным объектом критики оппозиции, отметила газета местных китайских деловых кругов "Наньян сянбао"¹⁷. Однако в победе НФ есть и горький привкус: сохранив за собой большинство в две трети мест в парламенте, НФ утратил часть голосов малайцев, а за ПАС проголосовали многие известные малайские интеллектуалы, подчеркнул обозреватель этой выходящей на китайском языке газеты. Шире привлекая малайское население к участию в политической жизни страны, Национальному фронту следует не отталкивать другие этнические общины, а налаживать диалог с оппозицией и поддерживать неправительственные организации. В свою очередь, Исламской партии, чтобы добиться успеха, следует признать существование Малайзии как многонационального государства и предложить политику, устраивающую и другие (а не только малайскую) этнические общины¹⁸.

По мнению консервативных кругов местной китайской общины, итоги выборов позволяют говорить о развитии в Малайзии двухпартийной системы. Активные действия оппозиции могут помочь сгладить проявления этнических проблем в малайзийской политике, а итоги выборов в целом - способствовать политическому развитию страны¹⁹. Еще одна влиятельная местная газета, "Синчжоу жибао", считает, что поддержка китайской общиной Национального фронта показывает правильность выбранного малайзийским руководством курса на стабильное развитие страны, хотя Махатхиру пока и не удалось привлечь на свою сторону всех малайцев²⁰.

Подводя итоги парламентских выборов в Малайзии, не следует, видимо, переоценивать успехи оппозиции. Действительно, в результате выборов авторитет оппозиции немного окреп, но пока, тем не менее, оппозиция не представляет собой единого политического целого. Создается впечатление, что оппозиционные партии нужны друг другу как соратники для достижения определенной цели. ПДД, например, не поддерживает стремление ПАС повысить значение ислама в жизни страны. Как считает бывший генеральный секретарь ПДД Лим Кит Сианг, укрепление позиций ПАС будет представлять угрозу "для демократической светской Малайзии"²¹. Лидеры ПАС, в свою очередь, пытаются успокоить общество в отношении своих планов исламизации жизни в стране и разъясняют, что ПАС не посягает на права китайского населения и представителей других, немалайских этнических групп, что она намерена уважать их права - в том числе и право на свободу вероисповедания, закрепленное конституцией²².

Интересные соображения о перспективах политического развития страны высказывает известный малайзийский политический деятель, представитель Малайзии при ООН Абдулла Ахмад. ОМНО как лидер НФ должна лучше понимать надежды возрастающего числа малайзийцев и приспособляться к процессу глобализации, считает он. Политика ОМНО встретит поддержку в обществе, если лидеры этой партии смогут поддерживать баланс между развитием сельских и городских районов страны, между различными этническими группами и между процессом модернизацией страны и исламскими ценностями²³.

* * *

Парламентские выборы в ноябре 1999 г. завершили очередной этап политического развития Малайзии. Вместе с тем, с учетом малайзийской политической традиции, это событие стало важным подготовительным этапом другой политической кампании, которая будет проведена в Малайзии в первой половине 2000 г., - выборов в руководящие органы ОМНО. Такие выборы будут проведены в ходе очередного съезда ОМНО в мае 2000 г.

По существующей в стране политической традиции, съезды ОМНО проводятся ежегодно, и в ходе этих съездов регулярно происходят перевыборы высшего партийного руководства.

В январе 2000 г. было объявлено, что претендентами на эти высшие посты в ОМНО являются, соответственно, Махатхир и Бадави. 3 января 2000 г. верховный совет ОМНО "порекомендовал" членам партии поддержать кандидатуры Махатхира и Бадави на эти посты на безальтернативной основе. Как на эту просьбу среагируют сами члены ОМНО станет ясно в мае 2000 г., когда члены верховного совета ОМНО примут на основе голосования решение по выдвижению кандидатур на руководящие посты в партии.

По некоторым сообщениям, у Махатхира и Бадави более предпочтительный, чем у других политиков, шанс быть избранными на эти две высшие должности в партии. Поэтому основная борьба, видимо, развернется за другие места в руководстве: посты вице-президентов, членов верховного совета ОМНО и др. Среди тех, кого считают серьезными претендентами на эти посты, называют несколько человек. Это уже упоминавшиеся нами министр обороны Наджиб Разак, известный политический деятель Тенгку Разалей Хамза, министр иностранных дел Съед Хамид Албар, а также главный министр штата Джохор Абдул Гани Отман и некоторые другие.

1. Объединенная малайская национальная организация (ОМНО). Крупнейшая политическая партия Малайзии, ее членами являются более 1 млн.чел. Создана в 1946 г., перерегистрирована в 1988 г. По сложившейся политической традиции, лидер этой партии является премьер-министром страны. С 1981 г. лидер ОМНО - Махатхир Мохаммад.
2. Китайская ассоциация Малайзии (КАМ). Крупнейшая политическая партия китайской общины Малайзии, ее членами, по некоторым подсчетам, являются более 600 тыс.чел. Создана в 1949 г. Партия крупной китайской буржуазии. Является союзником ОМНО и неизменным участником Национального фронта. Несколько представителей руководства КАМ занимают должности министров и заместителей министров в федеральном правительстве. Лидер партии - Линг Лионг Сик .
3. Индийский конгресс Малайзии (ИКМ) Крупнейшая политическая партия индийской общины Малайзии, ее членами являются более 160 тыс. чел. Создана в 1949 г. Представители руководства ИКМ занимают один пост министра и один-два поста заместителей министров в федеральном правительстве. Лидер партии - Сами Веллу
4. Геракан. Крупная политическая партия Малайзии, ее членами являются около 160 тыс.чел. Создана в 1968 г. лидерами китайской общины как многонациональная, однако фактически в партии состоят главным образом представители китайской этнической общины. Представители руководства партии Геракан занимают один пост министра и один-два поста заместителей министров в федеральном правительстве. Лидер партии - Лим Кенг Яик
5. С 1957 г. в Малайзии было принято 29 поправок к конституции. В разработке наиболее важных поправок, оказавших существенное воздействие на формирование

демократических тенденций развития общества и демократизацию жизни в стране, принимал активное и непосредственное участие премьер-министр Махатхир.

6. Asiaweek, 31 декабря 1999, p.12.
7. Исламская партия Малайзии (ПАС). Преемник Мусульманской партии, основанной в 1952 году. Членами партии являются более 260 тыс.чел. Является сторонницей превращения Малайзии в теократическое мусульманское государство, пользуется поддержкой части мусульманского (малайского) населения страны. В 1959-78 гг. Представители ПАС занимали руководящие должности в штате Келантан, в течение нескольких лет они доминировали в штате Тренггану. В 1974-77 гг. партия была участником Национального фронта, но вышла из его состава вследствие несогласия с линией правящих кругов Малайзии в религиозных вопросах (ПАС добивалась усиления роли ислама в политической жизни страны). Лидер партии - Устаз Фадзил.
8. Партия демократического действия (ПДД). Одна из ведущих оппозиционных политических партий Малайзии, ее членами являются более 40 тыс.чел. Образована в 1966 г. Первоначально была малайзийским крылом сингапурской Партии народного действия. Генеральный секретарь ПДД - известный политический деятель оппозиции Лим Кит Сианг, который в 1969-99 гг. был членом парламента, а в 1973-99 гг. являлся еще и официальным лидером парламентской оппозиции (на парламентских выборах в ноябре 1999 г. он потерпел поражение и в парламент не избран). Согласно уставным партийным документам, ПДД является многонациональной партией, однако фактически выражает интересы малообеспеченных слоев главным образом китайского населения страны. Лидер партии - Чен Ман Хин.
9. New Straits Times (Business Section). 3 декабря.1999, p.1.
10. Российские читатели имели возможность предметно познакомиться с точкой зрения Махатхира на внешнюю политику страны и с внутренним курсом его правительства. См. изданный ИДВ РАН в 1998 г. сборник: Махатхир Мохамад. От имени своего народа./ Пер. с англ. М: Летопись, 1998. 280 С.7.
11. Asiaweek, 10. Desember, 1999, P.31.
12. См. ПДВ, 1999. № 1, 1999, С.36.
13. Известия, 1998. 18 November, С.1.
14. The Economist.4.December. 1999, P.27.
15. Hardev Kaur. UMNO and BN need critical self-examination: - Business Times. December 6, 1999. P.4.
16. Sun. 30 November 1999. P.2.
17. Наньян сянбао, 3.December.1999. С.17.
18. Там же.
19. Чжунго бао, 2.December1999. С.3.
20. Синчжоу жибао, 3.December1999. С.5.
21. Asiaweek, 27.December1999. P.27.
22. Ibid.
23. Far Eastern Economic Review. 9.December.19997 P.31.

Внешнеполитические ориентиры Японии 90-х гг.

© 2000

А. Семин

Происходивший в 90-х гг. процесс ломки биполярной структуры миропорядка открывал для Японии определенную возможность повышения ее международной роли. Одновременно в обществе усилились настроения в пользу проведения более независимой внешней политики Японии. Широко обсуждались вопросы, касавшиеся ее будущего места в решении глобальных и региональных проблем, выбора путей обеспечения национальной безопасности, сохранения американского военного присутствия в Азии, перспектив развития отношений с Китаем и другими государствами. В тот период одна за другой выдвигались амбициозные, соответствовавшие статусу второй экономической державы мира, правительственные программы: "построения технологического общества", "повышения качества жизни японцев" и др. Большую популярность приобрел лозунг приведения политической роли Японии в мире и особенно в Восточной Азии в соответствие с ее экономическим потенциалом.

В тот период могло сложиться впечатление, что Япония близка к пересмотру отношений с США. Тем более, что военно-политический альянс Токио с Вашингтоном никогда не был союзом равных: его основу составляла военная мощь США, японским силам самообороны отводилась главным образом вспомогательная роль. Находясь под защитой США и пользуясь их ядерным зонтиком, Япония была вынуждена мириться со своим подчиненным положением в системе международных отношений. Необходимо отметить, что за истекшие десятилетия образовалась стратегическая структура двусторонних связей и взаимозависимости, имеющая огромный запас прочности, в том числе по отношению к возникающим вне системы переменам. Более того, устойчивость японо-американского партнерства стала важнейшим условием стабильности мировой экономики в целом, бесконфликтного развития ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, стала важнейшим условием стабильности мировой экономической системы. Эти обстоятельства требовали от японского руководства крайней осмотрительности во всем, что касалось отношений с США.

С прекращением холодной войны перед правящими кругами Японии возникла задача уточнить свое отношение к послевоенной стратегии страны, получившей наименование "Доктрина Иосида". Ее основными постулатами являлись тесный союз с Соединенными Штатами, ускоренное развитие национальной экономики, жесткое ограничение военных расходов, при "умеренной" международной роли Японии и ее готовности жертвовать своим суверенитетом. В начале 90-х гг. в стране начали набирать силу тенденции в пользу проведения более самостоятельной внешней политики, обеспечения повышения

роли Японии на международной арене. В японском обществе выросло число сторонников активного пацифизма, выступавших за участие страны в деятельности ООН по поддержанию мира, в миротворческих инициативах. Неоднократно поднимался вопрос о пересмотре конституционных положений, снятии ограничений в отношении использования сил самообороны за пределами национальных границ, то есть тех ограничений, которые длительное время были неотъемлемой частью политики Японии. Наряду с осторожными заявлениями о необходимости корректировки внешнеполитического курса Японии, существовали и более радикальные настроения в пользу коренного пересмотра национальной политики, прежде всего по отношению к США.

Больше всего оппонентов сохранению односторонней ориентации на Вашингтон в японском обществе находилось среди представителей интеллектуальной элиты. Это было проявлением своеобразной традиции. Как отмечал профессор Токийского университета К.Хирано, политика Японии «с самого начала эпохи Мэйдзи (1868) была подвержена серьезным колебаниям между заинтересованностью в отношениях с Азией и сотрудничеством с Западом.»¹ Дискуссии между убежденными сторонниками следования Японии западным ценностям и приверженцами национальных духовных традиций не прекращались и в послевоенный период, когда между Японией и США устанавливались тесные связи во всех областях. В начале 90-х гг. в дискуссию о внешнеполитических ориентирах Японии свой вклад внесли те, кто выступал за приоритетное развитие связей с азиатскими странами. Одним из наиболее последовательных выразителей антиамериканских настроений в Японии стал С.Исихара, который в своей книге «Япония, которая может сказать «нет»,» изложил свои взгляды на цели и задачи японской политики. Позднее идею независимости Исихара попытался развить в другой работе - «Азия, которая может сказать «нет»,» написанной в соавторстве с малайзийским премьер-министром Махатхиром Мохамадом. Последний известен как жесткий критик США и их политики в Азии.

Сходные идеи и настроения нашли выражение в «паназиатской концепции», одним из идеологов которой называют бывшего заведующего экономическим отделом министерства иностранных дел Кадзуо Огура. Основная идея концепции сводилась к превращению стран Азии в главного политического и экономического партнера Японии за счет ослабления их связей с Америкой и Европой. Следует отметить, что «проазиатский синдром» был в довольно резкой форме осужден в японских средствах массовой информации. При этом подчеркивалась абсолютная неприемлемость предлагаемой модели, а в числе основных негативных ее сторон отмечались следующие:

« - Япония по собственной воле сузит свои рынки сбыта, лишившись наиболее емкого американского рынка;

- ухудшение японо-американских отношений, вызванное резким осуждением Америки, не ограничится лишь ущербом экономическим интересам Японии, но и послужит причиной драматического ухудшения ситуации в области обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе;

- одной из основных предпосылок стабильности современных политических и экономических отношений Японии с азиатскими странами является военное и политическое присутствие США в Азии, именно оно дает возможность избежать дестабилизации ситуации в АТР;

- курс, основанный на «паназиатской концепции», поставит Японию перед необходимостью своего рода концептуальной переориентации. Он означал

бы, что Япония отказывается от американской экономической модели, взятой за образец в процессе послевоенного восстановления японской экономики.²

В целом, как свидетельствует анализ умонастроений в японской общест-ве, в 90-е гг. приверженцев “Доктрины Иосида” в чистом виде значительно убавилось. Тем не менее не стали доминировать и откровенные противники этого курса. Наибольшее распространение получили взгляды тех, кого в Япо-нии стали именовать “новыми реалистами”. В США, между прочим, за ними закрепилось название “великодержавные интернационалисты”³, что, как ка-жется, наиболее соответствует их внешнеполитическим установкам. Носители этих взглядов исходили из того, что Япония должна проводить внешнюю по-литику, отвечающую ее экономическому потенциалу. Они выступали за уси-ление роли страны в обеспечении всеобщей безопасности, в развитии регио-нального сотрудничества, при одновременном сохранении опоры на развитие отношений с Вашингтоном. Следует подчеркнуть, что взгляды “новых реали-стов” претендовали на то, чтобы утвердиться в качестве определяющих пра-вительственный курс. В начале 90-х гг. они во многом разделялись влиятель-ной частью правящей Либерально-демократической партии (ЛДП).

Внешнеполитическая концепция “новых реалистов” нашла отражение в докладе “Роль Японии в международном сообществе” (1991)⁴, подготовлен-ном специальной экспертной группой ЛДП во главе с тогдашним генеральным секретарем партии И.Одзава (“комитет Одзава”). Некоторые положения док-лада до сих пор сохранили свою актуальность, другие же представляют сего-дня интерес с точки зрения их трансформации в соответствии с изменяющей-ся обстановкой.

Изложенная в документе программа ставила задачу добиваться повы-шения международной роли Японии при сохранении японо-американского союза и принятии Японией на себя большей ответственности в вопросах обе-спечения безопасности. Примечательны прогнозы, которые делались в докладе относительно формирования нового мирового порядка. Так, считалось малове-роятным создание однополярной структуры под эгидой США, предполагалось, в частности, что формирование новой системы международных отношений бу-дет осуществляться на основе усиления коллективного руководства Западного лагеря. Ожидалось, что станет возможным разрешение локальных конфлик-тов мирным путем, что международные отношения будут строиться без раз-деления на Восток и Запад.

Сходные взгляды легли в основу другой, академической по своему ха-рактеру, концепции, которая была изложена в опубликованной в Японии в 1992 и в России в 1993 г. коллективной монографии специалистов японского Института глобального мира “После “холодной войны” (Я.Мураками, С.Сато, С.Нисибэ и Я.Накасонэ)⁵. По оценке авторов, роль Японии в формировании но-вого миропорядка исключительно велика, а задача активизации политики страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе стоит в одном ряду с такими важ-нейшими задачами, как пересмотр конституции, реформирование политиче-ской системы, укрепление демократии.

Основная роль Японии, согласно этой концепции, должна состоять в содействии экономическому и культурному сотрудничеству стран региона. Выдвигалась идея создания самостоятельных региональных структур обеспе-чения безопасности и экономико-культурного сотрудничества, но японо-американский договор безопасности предусматривалось сохранить. США были названы главным гарантом международной безопасности в АТР. Подобно

“комитету Одзава”, аналитики Института глобального мира считали “ошибочными прогнозы о приходе на смену двухполюсной структуре однополюсного образования, сформированного вокруг военного и политического потенциала США.”⁶ Предполагалось, что на смену “пакс-американа” (“мир по-американски”) придет “пакс-консорциум” (“мир посредством международного сотрудничества”). “Новый подход, как указывали ученые Института, предусматривает стремление к упорядоченному миру на основе международных правил.”⁷

Уместно заметить, что последующие события на международной арене, разворачивавшиеся в течение 1999 г. вначале вокруг Косово, а затем Чечни, поставили под сомнение возможность реализации тех моделей развития, которые предлагались японскими специалистами в начале 90-х гг. Японской стороне еще предстоит до конца осознать обозначившуюся в последнее время тенденцию к утверждению однополярного мира, базирующегося на военном, политическом и экономическом превосходстве США как единственной сверхдержавы современного мира.

С окончанием холодной войны и исчезновением для Японии “угрозы с севера” в лице СССР, естественно, возник вопрос о перспективах японо-американского военно-политического союза. При рассмотрении вариантов дальнейшего развития событий не исключалась возможность вывода американских войск из АТР, в том числе из Японии. В этом случае последней пришлось бы заполнять образовавшийся вакуум влияния. Реально на это мог бы претендовать и Китай. В подобных обстоятельствах перспектива ремилитаризации Японии не подвергалась сомнению - и не устраивала, кажется, никого. Прежде всего - саму Японию с ее конституционными ограничениями и стойкими антимилитаристскими настроениями в обществе.

Возможность чрезмерного военного усиления Японии вызывает серьезную озабоченность не только соседних с ней стран, но и всех без исключения государств АТР, которые в период второй мировой войны стали жертвами японской агрессии. Возрождение Японии как крупной военной державы противоречит и интересам США. По утверждению бывшего командующего ВМС США в Японии генерал-лейтенанта Г.Стэкпоула, американские войска на Японских островах выполняют функцию “пробки в бутылке”⁸, удерживая Японию от возрождения милитаризма. Разумеется, вероятность ликвидации военного присутствия США в Японии даже в обстановке “постконфронтационной эйфории” не представлялась высокой, хотя соответствующие настроения и возникали в общественно-политических кругах обеих стран.

Неурегулированность ситуации не может не бросаться в глаза. Ведь спустя более полувека после окончания второй мировой войны и после почти десятилетия со дня прекращения войны холодной на японской территории остаются войска США, со всеми связанными с этими моральными, финансовыми и другими издержками. Военно-политическая зависимость не позволяет “второй экономической державе” современного мира обрести полновесный статус на международной арене. Довольно точно данное положение охарактеризовал американский политолог Питер В. Престон: “Перспективы перемен остаются весьма ограниченными. Пока экономическая мощь обеспечивает Японии возможность достигать успеха на мировой арене прежде всего экономическими средствами, отношения с США будут для Японии иметь жизненно важное значение. И это следует учитывать в первую очередь”⁹.

Позиция Вашингтона в вопросе, касающемся военного присутствия США в Японии, в новой ситуации в мире и АТР к середине 90-х гг. определилась в полной мере. В представленном в феврале 1995 г. в конгресс президентом Клинтонем докладе "Стратегия национальной безопасности США", первом после окончания холодной войны документе такого рода, были подтверждены планы сохранения военного присутствия в АТР (на уровне 100 тыс. чел.), в том числе в Японии. В развернутом виде американский подход был изложен в другом важном документе того периода - докладе министра обороны США "Стратегия безопасности США в АТР". В нем прямо говорилось: "Укреплению двусторонних отношений с Японией мы уделяем самое большое внимание. Они имеют фундаментальное значение как для политики безопасности США в АТР, так и для наших глобальных стратегических интересов."¹⁰ В документе содержалась характерная для Вашингтона мотивировка американского военного присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе: "Расходы на поддержание мира и сдерживание конфликтов при отсутствии нашего передового военного присутствия были бы значительно большими."

После 1995 г. стороны предприняли ряд шагов по укреплению двустороннего военно-политического альянса. Так, в апреле 1996 г. состоялась встреча в Вашингтоне премьер-министра Р.Хасимото с президентом Б.Клинтоном. В результате стороны достигли соглашения о том, что "присутствие США в Японии является неременным условием поддержания стабильности в АТР."¹¹

В том же месяце в Токио руководителями двух стран была подписана Совместная декларация о японо-американском сотрудничестве и японо-американском союзе безопасности на XXI век. Принятием этого документа во взаимоотношения союзников были внесены качественные изменения. Прежний японо-американский договор безопасности существенно дополнялся. Теперь на Токио стали распространяться обязательства по обеспечению безопасности в регионе. До этого, согласно договору 1960 г., гарантии безопасности предоставлялись американской стороной, а Япония, с ее конституционными ограничениями в военной сфере, не брала на себя обязательств участвовать в военных операциях США за пределами территории Японии. После подписания документа глава Белого дома с удовлетворением заявил, что Совместная декларация "прочистила зубы" японо-американскому альянсу. А японская общественность, как отмечал профессор Токийского университета К.Хирано, была "буквально шокирована внезапным принятием столь радикального выбора."¹²

Следует оговориться, что альтернативой этому выбору могло бы стать участие Японии в региональной системе коллективной безопасности, которая так и не была создана. По сути, то был "поворотный пункт, новая интерпретация договора безопасности, с упором на региональные проблемы, к которым Япония прежде подходила с чрезвычайной осторожностью"¹³, - подчеркивал профессор университета Кэйо Е.Соя.

Договоренности в дальнейшем были юридически закреплены принятием в сентябре 1997 г. японо-американским консультативным комитетом по безопасности пересмотренных "Основных направлений двустороннего сотрудничества в области обороны". Данным документом предусматривалось взаимодействие между силами самообороны Японии и вооруженными силами США в мирное время, в чрезвычайной ситуации и в случае вооруженного нападения на Японию. Она взяла на себя обязательства по оказанию США всесторонней помощи по материально-техническому и тыловому обеспечению в совместных операциях всех видов вооруженных сил в районах, прилегающих к Японии.¹⁴

Официальные лица обеих стран и в период подготовки и после принятия указанного документа неоднократно заявляли, что японо-американский договор в его новом виде никому не угрожает и служит исключительно целям обеспечения безопасности. Однако этот шаг по укреплению двустороннего альянса вызвал серьезную обеспокоенность в ряде стран АТР, и в первую очередь в КНР и России. Усилению опасений способствовали дополнительно факты активизировавшегося в тот период японского участия в военных планах Вашингтона, в частности, по созданию системы противоракетной обороны театра военных действий в Северо-Восточной Азии, что несло угрозу нарушения там стратегического баланса, усиления гонки вооружений.

Есть основания считать, что в условиях ухудшения в 90-е гг. финансово-экономического и внутривнутриполитического положения Японии Вашингтон заметно укрепил свои позиции в двусторонних отношениях, обеспечив для себя целый ряд преимуществ. Реализованы они были прежде всего в военно-политической области. Это привело к тому, что в обозримом будущем основные внешнеполитические ориентиры Японии, очевидно, будут определяться отношениями с США. В свою очередь, Вашингтон также не намерен менять свой курс в отношении Японии. Как утверждается в "Стратегии национальной безопасности США для нового столетия союзнические отношения между двумя странами "по-прежнему являются главным инструментом достижения целей безопасности и поддержания атмосферы стабильности и процветания в АТР в 21 веке."¹⁵

Что касается самой Японии, то она вступила в новый век, не разрешив своей главной внешнеполитической дилеммы: как, сохраняя военно-политическую зависимость от Вашингтона, формировать полностью самостоятельную внешнюю политику. Не удалось реализовать и ориентиры японской дипломатии, принятые вскоре после прекращения холодной войны.

В частности, не удалось претворить в жизнь расчеты на обеспечение лидирующей роли Японии в интеграционных процессах, в установлении "правил игры" в АТР. К середине 90-х гг. она стала все яростнее ощущать настигающий ее Китай, отчетливее обозначились перспективы соперничества с ним за лидерство в Восточной Азии. Не осуществились надежды на повышение международного статуса Японии, приведения его в соответствие с достигнутым экономическим и научно-техническим уровнем. Япония не обрела места постоянного члена Совета Безопасности ООН, на что весьма рассчитывала на рубеже 50-летия со дня окончания второй мировой войны, активно работая во всех ее структурах и играя одну из ведущих ролей в формировании бюджета международной организации.

Недостигнутые внешнеполитические цели, тем не менее, не изъяты из идеологического обращения правящих кругов страны. Об этом, к примеру, говорит и содержание новой внешнеполитической концепции, подготовленной для министерства иностранных дел японскими экспертами и изложенной в аналитической записке "Вызов 2001 года" (Внешняя политика Японии в канун XXI века)¹⁶. Среди положений этого документа наибольшее внимание привлекают следующие:

- Япония должна выступать носителем идей и активным игроком на мировой арене;
- основы японской внешней политики, включая японо-американский договор безопасности, который принес стране безопасность и процветание, должны быть сохранены и в следующем столетии;

- окончание холодной войны резко сократило вероятность глобального военного конфликта, однако опасность войн меньшего масштаба, равно как и других угроз, возрастает и становится ежедневной;

- в условиях, когда международное сообщество находится в поисках нового мироустройства, а Япония проходит проверку на способность внести свой вклад в этот процесс, существенно возрастает значение внешней политики;

- в канун XXI века существует три внешнеполитических вызова для Японии, а именно: необходимость "общего усиления внешней политики", "увеличения национальной мощи" и "укрепления дипломатических структур";

- Япония должна совершенствовать свой внешнеполитический инструментарий, а именно: обеспечить свой голос в международных структурах (статус постоянного члена СБ ООН); развить человеческие ресурсы в политических, административных и деловых кругах; проводить наступательную стратегию в средствах массовой информации; вести стратегическое планирование в распространении японской культуры и укреплять дипломатические структуры и учреждения;

- приоритетное значение для Японии имеет задача развития отношений с соседями и содействие региональному сотрудничеству. При этом "краеугольным камнем" японской внешней политики остается поддержание союзнических отношений с США - важнейшим партнером, с которым Японию объединяют общие интересы и ценности. Чтобы эта политика зиждилась на прочной основе и вызывала доверие, Япония должна видеть перспективу и иметь стратегию, принимающую во внимание связь между Азией и другими регионами мира.¹⁷

Данная концепция свидетельствует об устойчивости прежних подходов японской дипломатии. Другими словами, окончание холодной войны могло, но не привело к изменению внешнеполитической ориентации страны. Для этого как подчеркивал П.Престон, недоставало многого, требовалось "реформирование - политики, экономики, общества, культуры, перестройки отношений Японии со странами АТР."¹⁸

В том, что правящие круги Японии и в новой международной обстановке сохранили приверженность договору безопасности с США, существенную роль сыграло превращение Китая в активного участника политических процессов в АТР. Быстрый рост экономической и военной мощи и соответственно политического веса КНР воспринят в Японии как потенциальная угроза ее интересам. Со своей стороны, Китай усматривает для себя угрозу в укрепляющемся союзе Японии с США. Это не способствует снятию напряженности в японо-китайских отношениях, затрудняет налаживание политического партнерства между Токио и Пекином именно тогда, когда оно намечается между Вашингтоном и Пекином. Это беспокоит японцев.

Тому, что "краеугольный камень" внешней политики Японии, каким являются для нее отношения с США, может создавать определенные проблемы и в дальнейшем, свидетельствуют факты недавнего времени. К примеру, Японии не удалось сыграть существенной роли в ходе разворачивавшейся в 1997-1998 гг. "многополярной дипломатии" четырех держав - США, Китая, Японии и России. США эту роль оставили за собой. Не получила какого-либо развития без поддержки США и выдвинутая в тот же период японским правительством "Евразийская дипломатия", в рамках которой предпринималась попытка сочетать ориентацию на Вашингтон с активизацией дипломатии на китайском и российском направлениях.

1. Japan Review of International Affairs. Vol. 10. N 4. Fall 1996. P. 314-334.
2. Тью корон. № 7, 1994, июль.
3. Нихон кэйдзай симбун. 1993, 13 сентября.
4. Бунгэй синдзю. 1992, апрель. С. 132-145.
5. Я.Накасонэ и др. После "холодной войны". М., 1993. С. 41.
6. Там же. С. 154-155.
7. Там же.
8. Майнити симбун. 1998, 7 июня.
9. Peter W. Preston. Domestic Inhibitions to leadership role for Japan in Pacific Asia // Contemporary South - East Asia. Vol. 16. N 4. March 1995. P. 371.
10. Стратегия безопасности США в АТР. М., 1995. С. 17-18.
11. The Daily Iomiuri. June 6, 1997
12. Japan Review of International Affairs. Vol. 10. N 4. Fall 1996. P. 314-334.
13. E.Soya. The Japan - US Alliance in Changing Asia. 33 Japan Review of International Affairs. Vol. 10. N 4. Fall 1996. P. 265-275.
14. The Daily Iomiuri. September 24, 1997.
15. Независимая газета. Ежемесячное прилож. N2. 1999.
16. Документ подготовлен профессорами Токийского университета Т.Иногути, М.Ямаути, С.Китаока, С.Ямакагэ, А.Танака, университета Аоямагакуин - С.Хакамада, университета Кэйо - Р.Кокубун.
17. Независимая газета. Прилож. "НГ - Сценарии". N4. 1999.
18. Peter W. Preston. Op. cit. P. 356.

Государство и право

Об уголовном кодексе КНДР

© 2000

Н. Кобозев

Для такой закрытой страны как КНДР, где законы, затрагивающие гражданские права, почти не публикуются, особенно примечательным является действие Уголовного кодекса, текст которого был опубликован 13 лет назад. Принимая во внимание тот факт, что Северная Корея давно подвергается критике в ООН за нарушения прав человека, важно, по возможности, объективно выяснить на примере УК КНДР, какие принципы лежат в его основе, каковы воззрения на понятие преступления, какова система наказаний, как Кодекс защищает интересы государства и личности.

Изучая УК КНДР, нельзя не учитывать то обстоятельство, что проблема соблюдения прав человека в КНДР используется пропагандой Республики Корея в полемике с Пхеньяном. Важно уяснить, даёт ли УК КНДР, её Конституция, а главное, правоприменительная практика поводы для того, чтобы заявить о нарушениях прав граждан.

В итоге нужно, очевидно, ответить на вопросы: 1) каков подход в КНДР к праву, к законности вообще? 2) каковы особенности УК КНДР?

3) как соотносятся в КНДР Уголовный кодекс и такой важный документ Трудовой партии Кореи, как "Десять принципов единства партии"?

Конституция КНДР определяет отношение граждан к закону следующим образом: "Граждане обязаны соблюдать законы государства и социалистические нормы поведения..."¹. Отдельная статья предписывает людям "постоянно повышать революционную бдительность и самоотверженно бороться за безопасность государства"². Ещё в 1970 г. ставший ныне фактическим лидером КНДР Ким Чен Ир указал на следующие категории политических преступников, с которыми следует вести борьбу:

- а) шпионы;
- б) диверсанты;
- в) подрывные элементы;
- г) проводники буржуазной идеологии;
- д) люди, заражённые ревизионизмом и другими оппортунистическими идеями³.

Об общеуголовной преступности Ким Чен Ир высказывался так: "Уголовные преступления, ещё имеющие место в социалистическом обществе, в большинстве своём являются выражением крайнего индивидуализма и эго-

изма. Не будучи контрреволюционными актами, они, тем не менее, носят антигосударственный и антинародный характер, ущемляя интересы государства и народа и разъедавая социалистический строй. Вот почему необходимо подвергать санкциям и наказанию по закону преступников, поднявших руку на интересы государства"⁴.

Таким образом борьба с преступностью рассматривается прежде всего с точки зрения сохранения установленного политического режима.

В учебнике уголовного права КНДР, который вышел в свет ещё при жизни президента КНДР Ким Ир Сена, следующим образом разъяснялась сущность и понимание уголовного закона: "Наш уголовный кодекс является оружием диктатуры пролетариата, которое наша партия и государство создали для практического осуществления политики нашей партии в области уголовного права. Будет невозможно правильно понять кодекс и привести его в исполнение без полного знания учения и идеологии Великого вождя (имеется в виду Ким Ир Сен - Н.К.) и Дорогого руководителя (имеется в виду сын и преемник Ким Ир Сена Ким Чен Ир - Н.К.), содержащихся в каждом положении кодекса"⁵.

Известно, что КНДР исповедует идеологию чучхе. Суть этой идеологии выразил Ким Чен Ир в речи от 15 июля 1986 года, опубликованной спустя год: "В основе идей чучхе лежит принцип, что люди - творцы истории, равно как и всего мира, и поэтому природу и общество можно изменить руками этих творцов. Но наиболее важным аспектом идей является теория, заключающаяся в революционном взгляде на вождя, в которой говорится, что, хотя массы-творцы истории и движущая сила революции, они не могут спонтанно принять какое-либо революционное направление, если они не организованы и не возглавлены вождём. Они могут действовать как творцы только под руководством Великого вождя, если он укажет светлый путь"⁶.

Поскольку, согласно этой теории, вождь является источником всех истин в революции, то он стоит в том числе выше закона, права. Закон - это только орудие, оружие вождя. В КНДР слово вождя - закон. Это однозначно отражено в упомянутых "Десяти принципах единства партии"⁷.

К этому документу мы ещё вернёмся. А сейчас рассмотрим очень кратко историю уголовного законодательства КНДР. Сразу после освобождения Советской Армией с ноября 1945 года в Северной Корее действовал тогдашний Уголовный кодекс РСФСР⁸. Сначала общественный порядок поддерживала советская военная администрация. После образования КНДР 3 марта 1950 г. был введён в действие собственный УК, разработанный на основе советского⁹. В декабре 1974 г. первый УК был значительно пересмотрен. Обновленный УК был введён в действие с 1 февраля 1975 г. В нём было 17 глав и 215 статей¹⁰. Кодекс не публиковался в течение примерно 15 лет.

Ныне действующий Уголовный кодекс КНДР был принят постановлением No 2 Постоянного Совета Верховного Народного Собрания 5 февраля 1987 г. Он состоит из 8 глав и 161 статьи.

Чтобы определить некоторые тенденции эволюции уголовных законов КНДР, сравним УК 1974 г. и УК 1987 г. Прежде всего видны различия в терминах. В УК 1974 г. в некоторых случаях применяется термин "контрреволюционный"¹¹. Вообще УК 1974 г. более насыщен идеологическими штампами (империализм, контрреволюционное преступление и т.п.), нежели УК 1987 г. В УК 1950 г. смертная казнь предусматривалась по 50 видам преступлений¹², в УК 1974 г. - по 16 статьям¹³, а в УК 1987 г. - по 4 статьям¹⁴. Ясно прослеживается положительная тенденция к сокращению случаев применения высшей меры наказания. УК КНДР 1987 г. менее декларативен, менее идеологизирован, чем УК 1974 г. В УК 1987 г. общее количество статей со-

кращено. Например, в УК 1974 г. была ст. 111, которая предусматривала кару за ввоз в КНДР и распространение зарубежных печатных и иных материалов, "выражающих буржуазные идеи"¹⁵. В УК КНДР 1987 г. этой статьи нет. Возможно, что данный состав преступления отнесён там к ст. 46, которая гласит: "Пропаганда и агитация, направленная на свержение, дезорганизацию и ослабление власти в республике, а равно призывы к совершению преступлений против государства, наказываются исправительно-трудовыми работами сроком до 7 лет".

Маловероятно, что теперь в КНДР не преследуют за распространение буржуазных идей, ибо с 1974 г. (а фактически раньше) официально там была установлена единая идейная система ТПК. Это означает, что в обществе и государстве господствует только одна идеология - "идеи чучхе Великого вождя Ким Ир Сена"¹⁶. Все другие рассматриваются как враждебные, а их носители наказываются.

В ст. 56 прежнего УК говорилось о наказуемости распространения и хранения литературы, содержащей реакционные идеи и клевету на политику ТПК и правительства страны, особенно подчеркивались строгие санкции за подрыв авторитета вождя и его сына, вплоть до смертной казни. В УК 1987 г., как показано выше, аналогичная статья не предусматривает смертную казнь. УК 1987 г. не содержит статьи о наказуемости бандитизма. В прежнем УК ст. 74 предусматривала суровые кары за бандитизм, вплоть до смертной казни¹⁷.

Почему из УК 1974 г. изъяли эту и другие статьи? Возможно, это объясняет ст. 10 действующего УК: "Если в уголовном законе нет пункта, который мог бы точно квалифицировать совершённое преступление, то выбирается пункт, определяющий в максимальной степени сходное с содеянным по характеру и опасности преступление. В том случае, когда в кодексе отсутствует статья, определяющая сходное по характеру и тяжести преступление, уголовная ответственность не наступает. Ибо недопустимо применять аналогию, расширительно толкуя определяемые соответствующей статьей закона объекты посягательства и общественные отношения, субъективные признаки и характерные черты преступника"¹⁸.

С одной стороны, эта статья вроде бы отвергает применение аналогии, а с другой - фактически узаконивает её. Между тем аналогия исключает из числа признаков преступления противоправность. Это в теории. А на практике она ведёт к обоснованию массовых репрессий. До 1958 г. институт аналогии существовал в СССР и привёл к большим издержкам в уголовно-правовой сфере.

На каких вообще принципах основан УК КНДР? В ст. 2 об этом говорится так: "В борьбе с преступлениями государство твёрдо основывается на принципах рабочего класса и сочетает юридические санкции с мерами общественного воспитания, отдавая предпочтение последним"¹⁹. Иными словами, в основу уголовного закона положен принцип так называемой революционной целесообразности. Ведь согласно Конституции КНДР на суды там возложена обязанность "добиваться от всех учреждений, предприятий, организаций и граждан строгого соблюдения законов государства и активного участия в борьбе против классовых врагов и любых правонарушителей"²⁰.

Применение аналогии в УК КНДР далеко не случайно. Поскольку задачей УК является защита государственной власти и социалистического строя²¹ от происков классовых врагов, то судебная система КНДР применяет особую теорию. Одно из ключевых положений гласит: "Классовые враги, по которым революцией нанесён сокрушительный удар, отчаянно борются за свержение социалистической системы и за восстановление своих прав. Почти

невозможно перечислить все виды антисоциалистической деятельности по категориям, поэтому уголовный кодекс даёт только определённые стандарты, которые должны использоваться в разбирательстве таких преступлений. Кроме того, невозможно предсказать все виды деятельности, которые могут осуществляться этими контрреволюционерами в будущем"²².

В УК КНДР, к тому же нет указания на широко известный принцип "nullum crimen sine lege" (нет преступления без указания на то в законе). Приходится признать, что Уголовный кодекс КНДР может применяться произвольно, исходя из принципа политической целесообразности.

Другой известный принцип "nulla poena sine lege" (презумпция невиновности) не только не упоминается ни в конституции, ни в УПК КНДР, но он объявлен там теорией, созданной буржуазией и оппортунистами²³. А ведь Всеобщая декларация прав человека, принятая ГА ООН 10 декабря 1948 г. требует: "Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путём гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты"²⁴.

В УК КНДР нет упоминания и о других общепризнанных принципах права, таких как принцип законности, принцип вины (понятие вины почти не раскрыто), принцип справедливости, принцип гуманизма.

Теперь рассмотрим, как УК КНДР представляет понятие преступления. Известно, что в зависимости от определения понятия преступления, раскрытия его содержания зависит решение многих (если не всех) вопросов уголовного права. В статье 9 указано: "Преступлением признается опасное до степени уголовного наказания деяние, умышленно или по непредусмотрительности посягающее на государственную власть и правопорядок"²⁵.

Это определение достаточно краткое и ёмкое. В этом его достоинство. Опасность здесь выступает как важный признак преступления. Ещё один признак - подпадение под действие уголовного наказания. Третий признак - умысел или неосторожность. Цели посягательства определены предельно обобщенно, а именно - государственная власть и правовой порядок в государстве, т.е. закон, прежде всего уголовный закон.

В таком определении, однако, не дано четкого представления, что не считается преступлением. К примеру, УК Китайской Народной Республики (в редакции 1979 г.) формулировал понятие преступления следующим образом: "Все действия, угрожающие суверенитету и территориальной целостности государства, системе диктатуры пролетариата, подрывающие социалистическую революцию и строительство, общественный порядок, посягающие на общенародную собственность или на собственность трудовых коллективов, а равно на законную частную собственность граждан, нарушающие гражданские, демократические и иные права личности, и другие общественно опасные деяния являются преступлениями, если по закону они подлежат уголовному наказанию. Однако в том случае, если обстоятельства явно незначительны и ущерб от них небольшой, они не считаются преступлениями"²⁶.

УК КНДР не похож на УК КНР и на УК РСФСР (принятый в 1960 г. и действовавший до 1997 г.). В УК КНДР заметна определённая неразработанность, если сравнивать с УК Китая или с УК бывшей РСФСР. Почему сравнение производится с этими странами? Потому что Китай и КНДР близки культурологически, а также политически, а прежний Советский Союз на раннем этапе существования КНДР играл большую роль в процессе её становления и долгое время был её союзником.

Какие наказания предусматривает УК КНДР? Согласно ст. 21 наказания предусмотрены следующие:

- 1) смертная казнь;
- 2) исправительно-трудовые работы;
- 3) лишение избирательных прав;
- 4) конфискация имущества;
- 5) постоянное или временное лишение квалификации.

Ст. 22 определяет, что основными наказаниями являются смертная казнь и исправительные работы. Остальные наказания - дополнительные.

Для сравнения в УК КНР основными видами наказаний являются:

- 1) надзор;
- 2) краткосрочный арест (уголовный арест);
- 3) лишение свободы на определённый срок;
- 4) пожизненное лишение свободы;
- 5) смертная казнь²⁷.

В КНДР, как в КНР, смертная казнь является основным видом наказания. В советском уголовном законодательстве она считалась исключительной мерой наказания. Фактически, как уже мы видели, смертная казнь в УК КНДР предусмотрена по очень ограниченному числу составов преступлений. Однако надо учитывать, что в КНДР за воинские преступления судят особые суды согласно отдельному уголовному закону. Ст. 155 Конституции КНДР указывает, что "народные заседатели специальных судов избираются на собраниях военнослужащих или персонала соответствующих коллективов"²⁸. Следовательно, УК КНДР, рассматриваемый здесь, распространяет своё действие только на гражданских лиц, закон о воинских преступлениях не опубликован. Легко сделать вывод о том, что в нём предусмотрены более суровые наказания.

Как часто в КНДР применяется смертная казнь? По данным правозащитной организации "Международная амнистия", опубликованным в феврале 1998 г., в Северной Корее были публично казнены 23 уголовных и политических преступника за период с 1970 по 1992 г.²⁹. Здесь речь идёт о публично казнённых. Данные о тех, кого казнили непублично, нет. Исправительно-трудовые работы - самый распространённый вид наказания. Согласно ст. 24 УК КНДР, "срок наказания ими составляет от 6 месяцев до 15 лет. Трудовое исправление исполняется путём принудительного привлечения к труду в исправительных учреждениях". В КНДР есть 12 или 13 лагерей, где содержится, примерно, 200 тысяч заключённых. Лагеря разделяются на зоны революционизации³⁰. Очевидно, что далеко не все заключённые политические.

К недостаткам УК КНДР можно отнести неразработанность понятия вины. Нет градации умысла на прямой и косвенный. На практике рассмотрение уголовных дел это может сказываться тем, что есть опасность вынесения несправедливых приговоров.

В УК КНДР (ст. 42) определены сроки давности, по истечении которых лицо не подлежит привлечению к уголовной ответственности. Сроки давности, однако, не распространяются на совершивших преступления против государства или умышленное убийство (ст.42, пункт 3). Ст. 5 значительно смягчает последнее жёсткое правило. В ней указано: "Государство не спрашивает за прошлое и не привлекает к уголовной ответственности лицо, хотя и совершившее измену родине и нации, но впоследствии активно выступившее за объединение и независимость родины". Интересно, что в главе III УК КНДР есть параграф 2, который посвящён преступлениям против национально-освободительной борьбы.

В УК КНДР ст. 105 являет собой пример нечёткого формулирования состава преступления. Она гласит: "Распространение ложных либо неточных слухов, могущих породить обстановку неуверенности в обществе и недове-

рие к государству, наказывается исправительно-трудовыми работами на срок до 1 года". Малейшее недовольство жизнью можно представить и истолковать как попытку породить недоверие к государству. Такой важный юридический документ, решающий судьбы людей, должен быть изложен предельно точно и однозначно. Малейшая нечёткость может вести к осуждению людей по произволу, а не по закону.

Если судить по объёму статей отдельных разделов УК КНДР, самый большой вопрос там - борьба с преступлениями в экономической сфере (примерно, 40 статей). Экономический кризис, острая нехватка продовольствия, разумеется, не способствуют сокращению числа преступлений в экономике. В УК КНДР ст. 130 определяет получение взятки как преступление, а дача взятки в Кодексе не упомянута вообще. Вероятнее всего, за дачу взятки судят по аналогии.

Как уже было сказано, ст. 2 УК провозглашает, что государство отдаёт предпочтение мерам общественного воспитания, применяя юридические санкции. Однако о воспитании в УК говорится ещё только в ст.11: "К уголовной ответственности привлекаются только лица, достигшие к моменту совершения преступления 14-летнего возраста.

При совершении преступления лицом в возрасте от 14 до 17 лет к нему могут быть применены меры воспитательного характера".

В УК нет понятия судимости. В связи с этим встаёт вопрос, почему ст. 2 упоминает об общественном воспитании? Это "ритуальное" упоминание? Нет. Скорее всего речь идёт о разного рода лагерях, где люди, совершившие проступки, перевоспитываются. В ст. 41 указано: "Лица, получившие амнистию или помилование, а равно лица, срок исполнения наказания которых истек, считаются как не совершавшие преступления с момента объявления амнистии или помилования, либо со дня окончания исполнения наказания. Юридически они не ущемляются в правах".

Очевидно, что наказание исправительно-трудовыми работами фактически является каторгой. Условия содержания в тюрьмах и лагерях КНДР значительно хуже, чем в России. Перевод в воспитательный лагерь после отбытия наказания на каторге является, скорее всего, мерой административного воздействия. Это уже не является уголовным наказанием. Это просто воспитание. Там и режим уже другой, хотя по европейским меркам, видимо, суровый.

Лагерями для заключённых ведаёт 7 управление МОБ КНДР. Госплан определяет объём работ для этого управления. Заключенные обязаны выполнять тяжелые работы. Пока не выполняют нормы, они не имеют права идти отдыхать. За малейший проступок - смертная казнь³¹.

Очевидно, в каторжных лагерях в отношении проступков действуют иные инструкции, а не Уголовный кодекс.

На какие категории людей рассчитан УК КНДР? Видимо, он применяется для "низов". Руководящих работников, членов ТПК наказывают за нарушение "Десяти принципов единства партии". Их могут выслать с семьёй из Пхеньяна или из другого большого города в глубинку, в село или на шахту. Могут заключить в воспитательный лагерь. На рядовых должностях эти люди могут оставаться какой-то определенный срок или пожизненно.

В документе о единстве партии сказано, в частности, следующее: "Власть великого товарища Ким Ир Сена абсолютна. Необходимо до конца бороться против самых малых попыток нанести ущерб власти и престижу великого товарища Ким Ир Сена. Нужно защищать его власть!"³².

Организационные отделы ТПК в центре и на местах взаимодействуют с органами МОБ и Министерства охраны государственной безопасности (МОГБ). Они проводят идеологическую проверку неблагонадежных, а затем

органы МОГБ заключают тех в тюрьму для предварительного следствия и суда. Поскольку, как уже было сказано, принцип презумпции невиновности в КНДР не действует, то человека заставляют признать свою вину, ибо это есть, как признавал в СССР ещё Вышинский, "царица доказательств"³³.

МОБ и, вероятно, МОГБ издают свои подзаконные акты, которые действуют помимо УК КНДР. Так, нам известны два документа МОБ такого плана. Первый - это инструкция - извещение "О строгом наказании лиц, занимающихся изъятием продовольствия у населения" от 1 августа 1992 г. Второй - предписание "О строгом наказании лиц, незаконно потребляющих электроэнергию и теплоэнергию" от 26 января 1996 г.³⁴

Если сопоставить УК КНДР и базовый документ ТПК "Десять принципов единства партии", то оказывается, что УК не содержит никаких положений о защите вождя и его преемника (Ким Чен Ира). Между тем, в преамбуле Конституции КНДР (от 1998 г.) Ким Ир Сен упомянут 13 раз. Значит, УК КНДР 1987 г. на деле "стоит на порядок ниже "Десяти принципов..."

Можно привести немало примеров, когда высокопоставленных лиц отправляли на так называемую "революционизацию" в глушь из столицы КНДР. Это делалось именно за нарушение "Десяти принципов...". Например, с 1978 по 1980 г. муж дочери Ким Ир Сена и член политбюро ЦК ТПК, Чан Сон Тхэк был отправлен на Кансонский сталеплавильный завод, где работал в качестве рядового рабочего. Это не было "плановой революционизацией", которую проходят все руководящие работники. В конце 1977 г. секретарь ЦК ТПК Ю Чан Сик и вице-президент КНДР Ким Дон Гю были обвинены в нарушении "Десяти принципов..." и негласно заключены в лагерь в Пучоне (провинция Юж.Хамгён)³⁵.

В КНДР, как видно, существует многоуровневая система наказаний (просто высылка из столицы и из крупных городов, заключение в разного режима лагеря, заключение в тюрьму, смертная казнь (публичный и тайный расстрел).

Теперь можно ответить на вопросы, поставленные в начале статьи.

1. Закон в КНДР строится по разрешающему типу (то есть запрещен всё, что не разрешено конкретным нормативным актом) и не является единственным регулятивом социального поведения. Нормативы политического поведения задаются высшим идеологическим авторитетом - вождём (после кончины Ким Ир Сена в этой роли оказался его сын Ким Чен Ир).

2. Уголовный кодекс КНДР выполняет функции защиты политического режима страны. Он имеет следующие особенности:

а) основывается на классовом подходе, исходит из принципа аналогии (в силу этого часть статей отсутствует);

б) относит смертную казнь не к исключительной мере наказания, но рассматривает её основным видом такового;

в) не содержит составов военных преступлений. Для этого есть специальный военно-уголовный закон;

г) не содержит упоминания о недопустимости объективного вменения;

д) не упоминает о судимости;

е) по сравнению с прежними УК КНДР 1987 г. не употребляет понятия "контрреволюционного преступления". Смертная казнь предусмотрена по очень небольшому числу преступлений.

3. УК КНДР по своему значению стоит ниже, чем документ ТПК "Десять принципов единства партии".

Судя по Уголовному Кодексу, в КНДР суды не играют важной роли. Ибо закон там служит для проведения в жизнь указаний вождя. Юридиче-

ские нормы существуют как бы для внешнего антуража, а главный критерий поведения личности - степень личной преданности правителю.

В КНДР, в отличие от развитых стран, иное понимание демократии, законности. По-иному там понимают и права личности. Маловероятно, что эта страна может сразу перейти к общепризнанным стандартам демократии и законности. Остаётся лишь ждать, когда общество в Северной Корее созреет для того, чтобы принять принципы демократии и законности передовых стран. Внешнее "подталкивание" КНДР к стандартам, сложившимся в других странах, вряд ли даст позитивные результаты.

1. Социалистическая Конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян, 1998. С. 82.
2. Там же. С. 85.
3. Ким Чен Ир. Избранные сочинения. Пхеньян, 1995. Т.2. С. 67 (на русском яз.).
4. Там же. С. 76.
5. Цитируется по: Права человека в Северной Корее: реальность мнимого рая. М.: "Галарт" 1993. С. 33.
6. Нодон Синмун. 1987. 15 июля.
7. Десять принципов единства партии. Инструкция ЦК ТПК No 2. Пхеньян, 1974. (на корейском яз.).
8. North Korea's Criminal Law. Seoul, 1991. P. 3.
9. Там же.
10. Там же.
11. Пукхан Чхонрам. Сеул, 1994. С. 1085. Ст.51, 62, 66 (на корейском яз.).
12. White Paper on Human Rights in North Korea. Seoul, 1999. P. 25.
13. Пукхан Чхонрам. Сеул, 1994. С. 1085-1095.
14. Уголовный кодекс КНДР. Пхеньян, 1987 (на корейском яз.).
15. Пукхан Чхонрам. Сеул, 1994. С. 1090.
16. См. Десять принципов единства партии. Инструкция ЦК ТПК No 2. Пхеньян, 1974. принцип 4.
17. Пукхан Чхонрам. С. 1087.
18. УК КНДР. Пхеньян, 1987. Ст. 10.
19. Там же. Ст. 2.
20. Социалистическая конституция КНДР. Пхеньян, 1998. Ст. 156.
21. УК КНДР, 1987. Ст. 1.
22. Учебник уголовного права КНДР, цит. по: Права человека в Северной Корее: реальность мнимого рая. М., 1993. С. 34.
23. Там же. С. 33.
24. Международное право в документах. Справочник. М., 1982. См. Всеобщую декларацию прав человека. Ст. 11.
25. УК КНДР, 1987. Ст. 9.
26. УК КНР, 1979. Ст. 10 (в сб. Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты. Москва, 1984. С. 333).
27. Там же. С. 337.
28. Конституция КНДР. Пхеньян, 1998. Ст. 155.
29. Korea Annual. Seoul, 1998. P. 27.
30. Там же. С. 271.
31. Пукхан, август 1998. С. 87-91 (на корейском яз.).
32. Десять принципов единства партии. Инструкция ЦК ТПК No 2. Пхеньян, 1974, принцип 3 (на корейском яз.).
33. Пукхан, февраль 1997. С.167-173 (на корейском яз.).
34. См. Актуальные проблемы Корейского полуострова. Сб. статей. ИДВ РАН. М., 1996. С. 107.
35. Ким Хен Сик, Сон Гван Чу. Ким Чен Ир. Сеул, 1997. С. 130, 125 (на корейском яз.).

Борьба с наркопреступностью, проституцией и порнографией в КНР (Письмо из Китая)

© 2000

Н. Ахметшин

Проблемам здоровья населения и общественной нравственности в современном Китае уделяется повышенное внимание. Важная роль в комплексной и систематической работе отводится законодательству, в том числе нормативным актам, которые призваны вести решительную и последовательную борьбу с противоправной деятельностью в области медицины и социальными "язвами". Нынешний Уголовный кодекс¹, принятый 14 марта 1997 г. на пятой сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) восьмого созыва и вступивший в силу 1 октября того же года, содержит широкий спектр статей, предусматривающих различные виды наказаний за преступления против здоровья и нравственности нации. Особый интерес в данном контексте вызывают его положения, направленные против преступных деяний в таких сферах, как наркотики, проституция и порнография.

Примечательна история разработки в уголовном законодательстве КНР норм, касающихся борьбы с наркотиками. При подготовке УК 1979 г.² исходили из предпосылки, что хотя с наркотиками и наркоманией в Китае в основном покончено, однако существует некоторая вероятность совершения преступлений на их почве и возможны противоправные действия преступников из-за рубежа. Поэтому статья 171 устанавливала, что производство, торговля и перевозка опиума, героина, морфия или других наркотиков наказываются арестом или лишением свободы на срок до пяти лет, в качестве дополнительного наказания может применяться штраф. Систематическое или в большом количестве производство, торговля, перевозка наркотиков наказывались лишением свободы на срок пять и более лет, в качестве дополнительного наказания могла применяться конфискация имущества.

Однако события развивались стремительно. В 1979 г. сотрудники полиции провинции Юньнань впервые задержали международного наркокурьера, пересекавшего государственную границу. В 1980 г. органами общественной безопасности Китая было зарегистрировано 900 случаев торговли наркотиками, а в 1984 г. их число подскочило до 3100. 16 августа 1986 г. полиции удалось разгромить преступную группу, у которой было изъято более 22 килограммов героина. Указанное дело стало первым в истории нового Китая проявлением деятельности организованной преступности, связанной с наркобизнесом³. В дальнейшем на страну обрушился настоящий шквал подобного рода преступлений.

Постановление об усилении наказаний в отношении лиц, совершивших серьезные хозяйственные преступления, принятое на 22-м заседании Посто-

---

Ахметшин Наиль Хасанович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИГП РАН.

янного комитета (ПК) ВСНП пятого созыва уже в марте 1982 г., вносило изменения в статью 171. Отныне в санкциях за торговлю наркотиками допускались также лишение свободы на срок 10 и более лет, пожизненное лишение свободы и смертная казнь⁴. 28 декабря 1990 г. на 17-м заседании ПК ВСНП седьмого созыва было принято Постановление о запрете оборота наркотиков⁵, с тем, чтобы обеспечить правовую основу для "беспощадного подавления наркопреступности".

В ныне действующем варианте УК в главе 6 "Преступления против общественного порядка и порядка управления" Особенной части параграф 7 "Контрабанда, торговля, перевозка, производство наркотиков" объединяет 11 статей (ст. 347-357). Статья 347 (самая пространный в кодексе) предусматривает уголовную ответственность за контрабанду, торговлю, перевозку, производство наркотиков. Четко определены объемы последних. Контрабанда, торговля, перевозка, производство 1000 граммов и более опиума, 50 граммов и более героина либо синтетического наркотика "лед" или других наркотиков в большом количестве наказываются лишением свободы на срок пятнадцать лет, пожизненным лишением свободы либо смертной казнью, в качестве дополнительного наказания применяется конфискация имущества. Аналогичные преступные деяния с 200 и более, но менее 1000 граммами опиума, с 10 и более, но менее 50 граммами героина либо "льда" или с другими наркотиками в значительном количестве наказываются лишением свободы на срок семь и более лет; с менее 200 граммами опиума, менее 10 граммами героина или "льда" либо с другими наркотиками в малом количестве наказываются лишением свободы на срок до трех лет, арестом либо установлением надзора и т.д. В любом случае в качестве дополнительного наказания применяется штраф. Кодекс в данной ситуации, естественно, предусматривает и уголовную ответственность юридического лица.

Строго карается незаконное хранение наркотиков. Так, незаконное хранение 100 и более граммов опиума, 50 и более граммов героина либо "льда" или других наркотиков в большом количестве наказываются лишением свободы на срок семь и более лет либо пожизненным лишением свободы; 200 граммов и более, но менее 1000 граммов опиума, 10 граммов и более, но менее 50 граммов героина либо "льда" или других наркотиков - до трех лет, арестом либо установлением надзора и т.д. Во всех случаях в качестве дополнительного наказания применяется штраф (ст. 348).

К числу наркотиков в УК отнесены опиум, героин, "лед", морфий, гашиш, кокаин и другие наркотические средства и психотропные вещества, квалифицируемые таковыми в соответствующих государственных установлениях и способные вызвать у людей пристрастие к ним. При контрабанде, торговле, перевозке, производстве, незаконном хранении их количество определяется из фактически установленного объема без учета качества их переработки (ст. 357). В настоящее время в КНР борьба с наркотиками объявлена одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов.

В августе 1999 г., выступая на совещании по борьбе с наркотиками, министр общественной безопасности Цзя Чуньван подчеркнул, что Китай из страны, через которую осуществлялся транзит наркотиков, становится государством, где непрерывно растет потребление наркотиков. По статистике, число наркоманов в 1998 г. достигло почти 600 тысяч человек, это в 8 раз больше, чем в 1990 г. Как считают специалисты, в действительности количество потребляющих наркотики в стране намного больше.

Героин, конфискованный в 1998 г. на территории КНР, составил 84% от общего количества этого наркотика, захваченного в странах Юго-Восточной Азии. Было изъято 7,3 тонны героина, почти 3 тонны наркотика "лед", не-

сколько тонн других наркотических препаратов. Всего за 1997-1998 гг. захвачено более 18 тонн различных видов наркотиков⁶. Печальные рекорды в этом плане устанавливает провинция Юньнань, которая граничит с известным "золотым треугольником" - районом интенсивного производства наркотиков, расположенным на территории Мьянмы, Лаоса и Таиланда. В период с 1990 по 1998 гг. в провинции было раскрыто 47 тысяч дел, связанных с наркобизнесом. Число арестованных составило 66 тысяч человек, конфисковано 10 тонн опиума, 27 тонн героина и 1300 тонн химического сырья для изготовления наркотиков⁷.

В УК предусмотрена уголовная ответственность за операции с сырьем, смесями, используемыми в производстве наркотиков. По статье 350 незаконные перевозка, переноска при пересечении границы уксусного ангидрида, хлороформа, этилового спирта или другого сырья либо смесей для изготовления наркотиков или незаконная торговля внутри страны этим сырьем наказываются лишением свободы на срок до трех лет, арестом либо установлением надзора; при большом количестве - от трех до десяти лет, в качестве дополнительного наказания применяется штраф. В то же время заведомая доставка указанного сырья лицу, изготавливающему наркотики, рассматривается как соучастие в производстве наркотиков. К уголовной ответственности привлекаются также юридические лица, совершившие такого рода преступления.

В отдельную статью выделено культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества (ст. 351). При переводе статьи использовано слово "культивирование" в качестве понятия, включающего и посев, и выращивание растений. При сравнении со статьей 231 УК РФ возникает определенное разночтение, так как в ней "культивирование", "посев" и "выращивание" наркосодержащих растений поставлены в один ряд. Представляется, что правы авторы "Комментария к УК РФ", полагающие, что российский законодатель исходил из переносного значения слова "культивирование"⁸. В пользу применения именно этого понятия в указанном значении при переводе УК КНР следует рассматривать и положения статьи 352 - незаконные торговля, перевозка, переноска, хранение жизнеспособных семян или рассады опийного мака или других растений, содержащих наркотические вещества. Китайский законодатель закрепляет уголовную ответственность за различные операции как с уже произведенными, так и с потенциальными наркотиками, но лишь в одной статье зафиксированы наказания за непосредственный процесс возделывания наркосодержащих растений, обработку, рыхление почвы и др.

Лишением свободы на срок до пяти лет, арестом либо надзором наказываются культивирование пятисот единиц и более, но менее трех тысяч единиц опийного мака или других растений, содержащих наркотические вещества, в значительном количестве; повторное культивирование после мер, принятых органами общественной безопасности; сопротивление уничтожению посевов наркосодержащих растений. В качестве дополнительного наказания применяется штраф. Незаконное культивирование трех тысяч единиц и более опийного мака или других наркосодержащих растений в большом количестве наказывается лишением свободы на срок пять и более лет, в качестве дополнительного наказания применяется штраф либо конфискация имущества.

Широко представлен круг преступных деяний по оказанию содействия наркодельцам: выгораживание преступников, занимающихся контрабандой, торговлей, перевозкой, производством наркотиков, укрывательство, перемещение, утаивание их наркотиков или преступных доходов, а также укрывательство, выгораживание указанных преступников работниками по борьбе с наркопреступностью или другими работниками государственных органов (ст.

349). Одновременно в статьях 353-355 очевидно стремление законодателя к предотвращению распространения наркомании в стране.

В статье 354 устанавливается уголовная ответственность за размещение других лиц для употребления наркотиков, наркотических инъекций. В УК РФ, как известно, есть норма об организации либо содержании притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ (ст. 232). В отечественной юридической литературе под притоном в данном случае понимается жилое или нежилое помещение, систематически предоставляемое винным для потребления наркотических средств или психотропных веществ⁹. Китайский Уголовный кодекс не ограничивает указанное преступное деяние рамками "помещения". "Размещение" может происходить и "на воздухе" - в саду, парке, на берегу моря и т.д.

Практика применения положений УК, направленных на борьбу с наркотиками, свидетельствует о чрезвычайной суровости выносимых судами приговоров. Например, в декабре 1998 г. в провинции Гуандун были казнены рыбаки Хуан Шан, Сюй Тао и Линь Хэ¹⁰. Вместе с подручными в международных водах они перегрузили с грузового судна на свои шхуны 219 ящиков марихуаны общим весом в 4354 килограмма и попытались ввезти их в страну. Указанные трое получили аванс в 35 тысяч юаней (4,2 тысячи долларов США) в счет оплаты за перевозку. После суда первой инстанции осужденные подали кассационные жалобы, ссылаясь на то, что им назначено наказание, не соответствующее тяжести их преступления. Однако суд второй инстанции оставил первоначально вынесенный приговор без изменений.

Примерно в то же время в Пекине к смертной казни был приговорен некто Ма Юн - безработный, приезжий из провинции Ганьсу. Он был арестован в одном из столичных парков при попытке продажи героина. У Ма Юна и его сообщницы было изъято 299 граммов порошка. Последняя была приговорена к пожизненному лишению свободы¹¹. По сообщению агентства Синьхуа от 25 августа 1999 г., шанхайский суд приговорил двух местных жителей к 15 и 8 годам лишения свободы за контрабанду наркотиков с помощью международной почты. В первую посылку, направляемую в Токио, преступники вложили 38 граммов героина и несколько ампул с наркотической жидкостью. При второй попытке переправить 22 грамма героина в другом почтовом отделении они были арестованы. Как заявил представитель управления общественной безопасности Шанхая, только за последнее время в мегаполисе было зафиксировано 20 таких случаев.

Как известно, китайское законодательство допускает приведение в исполнение приговора к смертной казни не только через расстрел, но и путем введения инъекций со смертельными дозами яда, а также другими способами. В двух случаях (из известных трех) введением инъекций были казнены наркодеальцы в провинции Юньнань (в марте и ноябре 1997 г.).

Проблеме борьбы с проституцией традиционно уделялось большое внимание. Опыт Китая в данном отношении весьма любопытен и поучителен. Согласно официальной точке зрения, с этим явлением в стране в основном было покончено в достаточно короткое время после образования КНР. Однако с началом политики реформ и открытости, провозглашенной в конце 70-х гг., вновь возникли очаги проституции в стране, и прежде всего в приморских районах и портах. В УК 1979 г. мы находим две статьи, касающиеся "древнейшей профессии". Принуждение женщины к занятию проституцией наказывалось лишением свободы на срок от трех до десяти лет (ст. 140), а вовлечение, размещение женщин для занятия проституцией с целью извлечения прибыли - до пяти лет, арестом либо установлением надзора; при отягчающих обстоятельствах - на пять и более лет, в качестве дополнительного наказания могли

применяться штраф или конфискация имущества (ст. 169). По мере распространения этой деятельности подобные санкции уже не могли удовлетворить законодателя, и в принятом 2 сентября 1983 г. на 2-м заседании ПК ВСНП шестого созыва Постановлении об усилении наказаний преступников, серьезно нарушающих общественный порядок¹², предусматривалось ужесточение наказаний, вплоть до смертной казни, за вовлечение, размещение, принуждение женщин к занятию проституцией при особо отягчающих обстоятельствах п. 6 ст. 1).

Тем не менее "спрос" по-прежнему рождал "предложение", возникли новые проблемы. Практически были малоуязвимы с точки зрения уголовного преследования те, кто организовывал или содействовал организации других лиц для занятия проституцией. Формально их деяния приравнивались к вовлечению, размещению для занятия проституцией, но правоохранительные органы постоянно сталкивались с трудностями при сборе доказательств. Другая проблема оказалась неожиданной - мужская проституция, получившая распространение во второй половине 80-х гг. 4 сентября 1991 г. ПК ВСНП на своем 21-м заседании седьмого созыва принял Постановление о строгом запрете действий сексуального характера, связанных с проституцией¹³, в котором среди прочего выделил 4 новых вида состава преступлений, в том числе организацию других лиц для занятия проституцией и содействие организации других лиц для занятия проституцией; объектом преступления, связанного с принуждением другого лица к занятию проституцией, определил отныне не только женщину, но и мужчину, ужесточил санкции за совершенные преступления. Проституция с конца 80-х гг. стала заметным явлением в жизни крупных городов.

УК 1997 г. отразил все те изменения, которые произошли в этой сфере преступной деятельности. В пяти статьях параграфа 8 "Организация, принуждение, вовлечение, размещение, сводничество в занятии проституцией" (ст. 358-362) главы 6 Особенной части выделены семь видов состава преступлений. По статье 358, организация или принуждение других лиц к занятию проституцией наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет, в качестве дополнительного наказания применяется штраф. Лишением свободы на срок десять и более лет либо пожизненным лишением свободы наказываются организация других лиц для занятия проституцией при отягчающих обстоятельствах; принуждение девочек, не достигших четырнадцати полных лет, к занятию проституцией; принуждение многих лиц к занятию проституцией или неоднократное принуждение другого лица к занятию проституцией; принуждение к занятию проституцией после изнасилования; при тяжком телесном повреждении, смерти человека, принужденного к занятию проституцией, или при других тяжких последствиях. Одна из перечисленных ситуаций при особо отягчающих обстоятельствах наказывается пожизненным лишением свободы либо смертной казнью. В качестве дополнительного наказания применяется штраф либо конфискация имущества. Содействие организации других лиц для занятия проституцией наказывается лишением свободы на срок до пяти лет, при отягчающих обстоятельствах - от пяти до десяти лет. В любом случае применяется штраф.

Как уже говорилось выше, уголовная ответственность за вовлечение, размещение для занятия проституцией предусматривалась еще в УК 1979 г. Понятие "сводничество" впервые употребляется в статье 3 Постановления о строгом запрете действий сексуального характера, связанных с проституцией. В нынешнем УК вовлечение, размещение и сводничество других лиц для занятия проституцией объединены в одной статье (359). В соответствии с положениями статьей 358, 359 квалифицируется и наказывается организация, принуждение, вовлечение, размещение, сводничество в занятии проституцией

персоналом гостиниц, служб обеспечения продуктами и напитками, культурно-развлекательных, таксомоторных и других организаций с использованием имеющихся возможностей (ст. 361). В санкциях двух из пяти статей упомянутого 8-го параграфа допускается применение смертной казни.

Реакцией на современные реалии в стране можно считать положения статьи 362, согласно которым передача преступникам, нарушившим закон, конкретных сведений персоналом гостиниц, служб обеспечения продуктами и напитками, культурно-развлекательных, таксомоторных и других организаций во время выявления органами общественной безопасности мест совершения действий сексуального характера, связанных с проституцией, при отягчающих обстоятельствах квалифицируется и наказывается в соответствии с положениями статьи 310 кодекса - предоставление убежища, ценностей, помощь в сокрытии или дача ложных показаний для выгораживания лица, заведомо совершившего преступление.

Естественно, возникает вопрос о наказании в Китае лиц, которые непосредственно нарушают запрет на действия сексуального характера, связанные с проституцией, т.е. партнеров по сексу "за деньги". В УК, за исключением упомянутой и специфической статьи 360, нет других норм, предусматривающих уголовную ответственность за эти действия. В то же время в приложении 2 Дополнительной части Уголовного кодекса содержится список законодательных актов, которые остаются в силе в части, касающейся административных наказаний. Среди них Постановление 1991 г. о строгом запрете действий сексуального характера, связанных с проституцией. По статье 4 постановления, указанные лица подвергаются правовому, нравственному воспитанию, а также приобщаются к производительному труду на срок от 6 месяцев до 2 лет. Конкретные аспекты этой работы определяются установлениями Государственного совета. При повторных действиях после мер, предпринятых органами общественной безопасности, они направляются на трудовое воспитание, кроме того на них налагается штраф в размере до 5 тысяч юаней. Вопросы трудового воспитания регулируются Постановлением Государственного совета о трудовом воспитании от 1 августа 1957 г., утвержденным на 78-м заседании ПК ВСНП первого созыва и дополненным в ноябре 1979 г.¹⁴. Стоит напомнить, что срок трудового воспитания устанавливается в пределах от одного года до трех лет. В необходимых случаях он может быть продлен еще на один год. В Постановлении о строгом запрете действий сексуального характера, связанных с проституцией, предусмотрены и другие административные меры.

В конце 1998 - начале 1999 гг. острой критике подверглись "ресторанные девушки", предоставляющие в увеселительных заведениях (не только в ресторанах) широкий спектр услуг, в том числе и довольно невинных: вместе спеть, потанцевать, поговорить. Особенно жесткую позицию заняла Всекитайская федерация женщин. По словам ее представителей, многие "ресторанные девушки", работая в ночных клубах, практикуют предоставление "сексуальных услуг", и без действенных и быстрых шагов "эту проблему в будущем будет очень трудно решить"¹⁵. Вскоре Государственный совет обнародовал Положение о контроле за увеселительными заведениями, которое вступило в силу 1 июля 1999 г.¹⁶. Отныне "девушки сопровождения" (дословный перевод с китайского) оказались "под колпаком".

Уголовное преследование за порнографию в УК 1979 г. было зафиксировано в статье 140 - производство, торговля порнографическими книгами, картинками с целью извлечения прибыли. Максимальное наказание - лишение свободы на срок до трех лет. Как и в случае с проституцией, изменения в экономической ситуации в стране, вызванные развитием товарно-денежных отношений, сыграли и здесь свою роль. В борьбу с порнографической продукцией

вначале вступил Государственный совет, который с середины 80-х гг. обнаружил ряд соответствующих постановлений и циркуляров, а с 1988 г. к нему присоединился и ПК ВСНП. В принятых им в январе того года Дополнительные установления о наказании за контрабанду, в частности, лишением свободы на срок от трех до десяти лет либо пожизненным лишением свободы наказывалась контрабанда порнографических кинокопий, видео- и аудиозаписей, изображений, литературы или других порнографических предметов с целью извлечения выгоды¹⁷. Именно эти положения в конце концов легли в основу статьи 152 нынешнего УК.

28 декабря 1990 г. ПК ВСНП седьмого созыва на своем 17-м заседании принял Постановление о наказании преступников, виновных в контрабанде, производстве, торговле, распространении предметов порнографического характера¹⁸. Его часть, касающаяся уголовной преступности, воспроизведена в целом в действующем кодексе, прежде всего в параграфе 9 "Производство, торговля, распространение предметов порнографического характера" (ст. 363-367) главы 6 Особенной части. По статье 363 УК, производство, копирование, издание, торговля, распространение предметов порнографического характера с целью извлечения выгоды наказывается лишением свободы на срок до трех лет, арестом либо надзором; при отягчающих обстоятельствах - от трех до десяти лет; при особо отягчающих обстоятельствах - десять и более лет либо пожизненным лишением свободы. В качестве дополнительного наказания применяется в зависимости от основного наказания штраф либо конфискация имущества. Предоставление другому лицу издательского индекса для выпуска порнографической литературы наказывается лишением свободы на срок до трех лет, арестом либо установлением надзора, в качестве дополнительного или самостоятельного наказания применяется штраф.

С 1994 г. начался новый этап интенсивной борьбы исполнительных органов с порнографией и незаконной издательской деятельностью. По сообщению агентства Синьхуа от 27 декабря 1998 г., в 1994-1998 гг. было изъято более 30 миллионов экземпляров незаконных печатных изданий, 35 миллионов лазерных дисков и видеокассет, в том числе около 300 тысяч экземпляров политического характера и более 2,7 миллиона - порнографического и эротического. В конце августа 1999 г. в городе Шанью на юге страны были уничтожены около полутора миллионов "пиратских" компакт-дисков и видеокассет. Свыше 400 тысяч из них были порнографического и эротического содержания¹⁹. Китайские средства массовой информации буквально переполнены подобного рода сообщениями, хотя и не считают нужным проводить четкую грань между эротикой и порнографией.

В кодексе под порнографическими предметами понимаются литература, кинокопии, видео- и аудиокассеты, изображения и другие предметы порнографического характера, детально описывающие сексуальные действия или натуралистически пропагандирующие эротику. Научные труды в области физиологии человека, медицинских знаний не носят порнографического характера. Не рассматриваются в качестве предметов порнографии произведения литературы, искусства эротического содержания, имеющие художественную ценность (ст. 367).

Последнее обстоятельство весьма существенно. Так, на протяжении десятилетий в КНР был запрещен знаменитый средневековый эротический роман "Цзинь, Пин, Мэй", переведенный на многие языки мира. Во второй половине 90-х гг. наряду с другими древнекитайскими литературными произведениями этого жанра он появился в продаже в виде специализированного издания.

Статьи 364 и 365 предусматривают конкретные санкции соответственно за организацию показа порнографических кинофильмов, видео- и другой ау-

диовизуальной продукции, а также за организацию порнографического шоу. Кстати, "порнографические шоу" в КНР стали популярны среди определенной части публики только в начале 90-х гг., поэтому в Постановлении 1990 г. о наказании преступников, виновных в контрабанде, производстве, торговле, распространении предметов порнографии, нет нормы, их запрещающей. По мнению юристов, включение этих положений в кодекс должно способствовать искоренению зрелищ порнографической направленности, изменению атмосферы в обществе и строительству социалистической духовной культуры²⁰. К различным срокам лишения свободы могут быть приговорены виновные в распространении порнографической литературы, кинокопий, компакт-дисков, изображений или иных предметов порнографического характера при отягчающих обстоятельствах и в производстве, копировании порнографических кинофильмов, видео- и другой аудиовизуальной продукции с целью организации показа. Закон устанавливает уголовную ответственность юридических лиц за совершение указанных преступлений.

Динамично развивающееся современное китайское общество многогранно и неоднозначно. Однако совершенно очевидно рациональное стремление властей контролировать сложные внутрисполитические процессы и активно препятствовать негативным тенденциям переходного периода.

1. См. Уголовный кодекс КНР. Пекин, 1997. С. 1-96 (на кит. яз.).
2. См. КНР. Конституция и законодательные акты. М., 1984. С. 331-366.
3. См. Китай: борьба с наркотиками. Пекин, 1998. С. 7-8.
4. См. КНР. Конституция и законодательные акты. С. 372.
5. См. Энциклопедия уголовного права. Шанхай, 1993. С. 914-915 (на кит. яз.).
6. См. Жэньминь жибао. 1999. 10 августа.
7. См. Информационный бюллетень агентства Синьхуа. 1999. 28 июня.
8. См. Комментарий к УК РФ. М., 1999. С. 529.
9. См. Там же. С. 531.
10. См. Информационный бюллетень агентства Синьхуа. 1998. 9 декабря.
11. См. China Daily. 16 December 1998.
12. См. Энциклопедия уголовного права. С. 901.
13. См. Там же. С. 920-921.
14. См. КНР. Конституция и законодательные акты. С. 433-436.
15. См. China Daily. 3 March 1999.
16. См. Бэйцзин цинняньбао. 1999. 2 июля.
17. См. Энциклопедия уголовного права. С. 905.
18. См. Там же. С. 917-918.
19. См. Информационный бюллетень агентства Синьхуа. 1999. 28 августа.
20. См. Энциклопедия нового Уголовного кодекса. Пекин, 1997. С. 1214-1215 (на кит. яз.).

Глобализация в понимании зарубежных ученых

© 2000

В. Михеев

(Окончание. Начало в № 1, 2000)

Развивающиеся страны.

Так же как и в НИДС, в развивающихся странах акцент делается на исследование практических последствий глобализации для национальных экономик и обществ. Отличительными чертами таких исследований выступают, во-первых, больший акцент, в отличие от западных исследований и работ авторов из НИДС, на негативные аспекты глобализации. Во-вторых, — присутствие выраженной антиимпериалистической риторики, базирующейся на трактовке глобализации как новой формы неокOLONIALИЗМА. В-третьих, — обвинение Запада в нежелании «справедливо» делиться плодами глобализации.

Индийский ученый и критик-искусствовед Г. Капур полагает, что термин «глобализация» «отражает идеологию рынка, правила работы которого диктуются МВФ, Всемирным Банком, лидерами «большой семерки», причем США играют на этом глобализирующемся рынке роль «морального дирижера — победителя в холодной войне».¹ По ее мнению, успехи мирового капитализма сильно преувеличены. Несмотря на пропагандистскую риторику сторонников глобализации и либерализации, в странах богатого Севера, считает Капур, падают зарплаты и растет безработица. Что же касается бедного Юга, то его населения в максимальной мере страдает от глобализации: привносимые новые западные ценности разрушают традиционные социальные структуры, не успевая создавать работающие альтернативы взамен. «Поскольку большая часть населения мира не получает благ от глобалистов, то идея «единого мира» является не более чем потребительской утопией ... единственное, что действительно глобализируется, это капитализм американского типа», — заключает Капур.²

Другой индийский ученый Б.П. Саха, понимая глобализацию как «интенсификацию и расширение сферы международного взаимодействия»,³ полагает, что для Индии ее начало связано с колонизацией страны. «Империализм

Михеев Василий Васильевич, доктор исторических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН.

или колониальное правление, - пишет Саха, - без сомнений, открыли дорогу глобализации ... хотя и в далеком от сегодняшнего понимании этого слова».⁴ Оппонируя своим коллегам, считающим глобализацию субпродуктом «вестернизации» либо результатом общемирового соразвития (своего рода «баланса сил»), Саха полагает, что глобализация отражает особый вид баланса сил в международных делах - «баланса сил при доминировании одной из них в рамках этого баланса».⁵ Связывая глобализацию с распространением в мире современных средств связи и коммуникаций, ученый считает этот процесс необратимым и приносящим пользу - однако в том случае, если он не вступает в противоречие с «моралью, этикой и фундаментальными ценностями индийского общества»; в противном случае информациональная глобализация несет в себе угрозу индийскому обществу и традициям⁶.

Профессор Пандит рассматривает глобализацию в контексте нового предела «международной силы» после окончания «холодной войны» и развала Советского Союза. На место конфронтации между СССР и США, считает Пандит, приходит противостояние «глобализирующегося Севера» и «глобализирующегося Юга» на мировом уровне, противостояние таких крупных сил, как Индия и Китай на региональном уровне и противостояние цивилизаций, в частности индийской и западнохристианской цивилизаций. В условиях отсутствия глобальных средств обеспечения безопасности и отстаивания интересов Юга в целом, Индии и индийской цивилизации в частности; считает Пандит, приходится самостоятельно искать такие средства. К последним Пандит относит создание и испытание Индией ядерного оружия.⁷

О. Мишра, рассматривая глобализацию как процесс интеграции и взаимодействия государств, обращает внимание на существование в реальном мире другой тенденции - к дезинтеграции, автаркии, изоляционизму, которую ученый определяет как «фрагментацию» мирового развития. «Глобализация и фрагментация, - пишет Мишра, - не просто являются интернациональными процессами, но и влияют на региональную ситуацию и даже на целостность самих государств».⁸ Именно явлением фрагментации Мишра объясняет продолжающийся военно-политический конфликт между Индией и Пакистаном и другие локальные конфликты. «Вследствие относительной автономности конфликтов в Южной Азии, - отмечает индийский ученый, - окончание холодной войны не дало никакого позитивного эффекта для региона».⁹ Отсюда Мишра делает вывод о недостаточности использования одной лишь концепции глобализации, без учета происходящей фрагментации международных отношений, для понимания существа продолжающихся этнических и региональных конфликтов.

Пакистанский ученый Ф.Х. Сайед обращает внимание на то, что в вопросах изучения таких новых явлений как глобализация, ученые из развивающихся стран «не имеют достаточно возможностей, таких как научное образование, критическое мышление и финансирование, для глубокого исследования новых идей и понимания их истинного воздействия на менее развитые страны».¹⁰ Усматривая возможность для развивающихся стран оказаться в стороне от выгод глобализации, Сайед выступает в поддержку идеи разработки развитыми странами («большой семеркой») «механизмов, которые не заставили бы бедные страны страдать от глобализации и не допустили бы снижения уровня экономического развития развивающихся стран как вероятного следствия глобализации».¹¹

Министр иностранных дел Бангладеш, профессор Т. Али, определяя глобализацию как «объединяющий страны единый экономический зонтик»,¹² считает, что это явление несет с собой не только возможности, но и ловушки. К последним он относит пагубное влияние мировых потоков финансового капитала на развивающиеся страны, возлагая ответственность за правильное

(т.е. позволяющее избежать кризиса) управление иностранными инвестициями как на международные корпорации, так и на правительства развивающихся государств. В глобализации Али усматривает также прямое влияние экономической ситуации в США и Японии на все развивающиеся страны.¹³

Другой бангладешский исследователь А.М. Али, комментируя утверждение о связи глобализации с информационной революцией, ставит под сомнение сам позитивный смысл понятия «информационная революция». По мнению Али, «информационная революция – это миф... это по сути контроль над людьми и манипулирование сознанием людей при помощи современных информационных средств и технологий».¹⁴ Ответственность за это Али возлагает на США – главного проводника мирового «культурного империализма».¹⁵

Египетский ученый Ш. Хетата трактует глобализацию как господство транснациональных корпораций, контролирующих 80% мировой торговли и 75% мировых инвестиций,¹⁶ не приносящую выгод развивающимся странам. По его мнению, предлагаемые Всемирным Банком и МВФ программы структурной перестройки национальных экономик в соответствии с требованиями глобализации являются «потенциальным экономическим геноцидом», новый экономический порядок ведет к усилению политического влияния Запада в развивающихся странах, а сама глобализация лишь усиливает противостояние богатого Севера и бедного Юга в рамках «биполярного Север/Юг мира».¹⁷

Рассматривая отношение к глобализации на африканском континенте, американец африканского происхождения М. Диавара обращает внимание на единое негативное отношение к глобализации, которое объединяет африканских интеллектуалов, представителей политических элит и торговцев.¹⁸ Ученый видит корни этого протеста в противоречии между длительной борьбой африканских лидеров и народов за обретение государственности и национального суверенитета, с одной стороны, и размыванием суверенитета и независимости как следствия глобализации, с другой. Вместе с тем Диавара полагает, что принципы глобализации, будучи положенными в основу создания новой политической карты Африки, которая бы укрупнила государства и лишила смысла этнические и приграничные войны, могут принести мир Черному континенту.¹⁹

Китай.

Китайский подход основывается на известном принципе разделения политики и экономики. В политической глобализации Китай усматривает угрозу вмешательства Запада в его внутренние дела по таким вопросам как независимость Тибета и Тайваня, права человека, реформирование политической системы, обеспечивающей власть компартии Китая. В таком контексте Китай трактует глобализацию не иначе как опасный и неприемлемый для Китая новый вариант гегемонизма, или, говоря словами председателя КНР Цзян Цзинься, как «нео-интервенционизм».²⁰

В подходах китайского руководства к экономической глобализации прослеживается определенная двойственность. С одной стороны, Китай стремится использовать экономическую глобализацию для решения внутренних экономических и финансовых задач, вытекающих из курса реформ. Прежде всего – получить выход на товарные рынки развитых стран, доступ к их капиталам и современным технологиям. Практической целью номер один в политике Пекина в отношении экономической глобализации является скорейшее вступление в ВТО. Серьезным стимулом, подтолкнувшим Китай к позитивному восприятию экономической глобализации и к более активному участию в ней, стал азиатский финансовый кризис. Пекин увидел в событиях 1997-1998 гг. угрозу распространения финансового кризиса на китайскую экономику и опасность его повторения в будущем. Увидел и поспешил объявить о своей го-

товности к международному сотрудничеству, направленному на предотвращение подобных явлений.

С другой стороны, Китай, как и многие менее развитые страны, втягиваемые сегодня в экономическую глобализацию, рассматривает глобализацию прежде всего как возможность получить от развитых стран дополнительные ресурсы развития, возможность «справедливо» перераспределить финансовые и интеллектуальные ресурсы развитых стран в пользу развивающихся. При этом вопрос об обратной стороне глобализации – необходимости «делиться» суверенитетом, остается пока без адекватного решения. Китай пока далек от внутреннего обсуждения тех пределов, тех рамок, в которых он был бы готов делегировать международным экономическим институтам часть национальных полномочий – чего объективно требуют процессы хозяйственной глобализации. В этом, пожалуй, состоит главный вызов экономической глобализации, на который Китай должен будет дать ответ.

В работах китайских ученых, занимающихся разработкой проблематики глобализации, доминирует больше утилитарный, нежели теоретический, подход, который скорее ближе к подходам азиатских НИДС, нежели развитых или развивающихся государств. Однако существенным отличием китайских исследований глобализации является присутствие в них темы взаимоотношений китайского социализма и глобальной экономики.

Профессор Лю Кан, отмечая, что Китай остается социалистической страной и при этом демонстрирует высокие темпы экономического роста, считает, что Китай представляет собой «вызов глобализации», трактуемой как «результат развала социализма советского типа». ²¹ «Китайский вызов глобализации, – пишет Лю Кан, – может быть истолкован в двух аспектах: первое, как вызов глобальному капитализму как идеологии и, затем, как вызов новому мировому порядку. Китай, будучи глубоко интегрированным в глобальную экономическую систему, сохраняет свою идеологическую и политическую самоидентификацию как страна третьего мира и как социалистическая страна». ²² Рассматривая глобализацию, в ее понимании на Западе, как «стратегию делегитимирования идеологической гегемонии глобального капитализма», ²³ Лю Кан усматривает в китайском опыте возможность постановки вопроса о «некапиталистических альтернативах капиталистической глобализации». ²⁴ По мнению китайского ученого, такая постановка вопроса может задать новое направление теоретическим исследованиям в Китае.

Профессор Дин Цзиньпинь связывает участие Китая в экономической глобализации с началом проведения политики «открытости» в 1978 г. ²⁵ Ученый полагает, что более активное участие Китая в процессах глобализации относится к 90-м годам и связано с возрастанием доли внешней торговли в ВВП страны (до 30%) ²⁶, притоком иностранного капитала, увеличением числа поездок китайских граждан за рубеж и числа иностранных граждан, посещающих Китай, вовлечением Китая в обмен международной информацией. Дин Цзиньпинь считает, что глобализация несет Китаю плюсы и минусы, содержит преимущества и недостатки, с точки зрения развития китайской экономики. К преимуществам глобализации ученый относит рост объемов внешней торговли Китая, увеличение национального ВВП, создание новых рабочих мест, приток в бюджет страны налоговых платежей, осуществляемых иностранными компаниями (около 10% всех налоговых поступлений в бюджет). ²⁷ К негативным последствиям глобализации для китайской экономики Дин Цзиньпинь относит: (1) особое, «экстра национальное», ²⁸ отношение к китайским компаниям, которое создает у китайцев ощущение, что иностранцы более желанны для страны, чем свои люди, (2) завышение иностранными компаниями стоимости ввозимого в Китай оборудования, которое составляет до 70%

всего объема иностранных инвестиций, в результате чего китайский экспорт за рубеж, более половины которого приходится на компании с иностранным участием, оказывается недооцененным, и китайские предприниматели несут убытки, (3) захват иностранцами большей доли собственности в совместных предприятиях, что, по мнению многих китайцев несет в себе стратегические угрозы, (4) загрязнение окружающей среды вследствие того, что иностранные инвесторы меньше внимания обращают на проблемы защиты окружающей среды в Китае, чем в своих странах, (5) обострение торговых противоречий с США и другими развитыми странами вследствие переноса в Китай трудоемкого производства из Гонконга и Тайваня, уменьшившего в свою очередь торговые трения между Гонконгом и Тайванем, с одной стороны, и США, с другой, по поводу дешевой трудоемкой продукции, (6) увеличивающийся разрыв в уровне социально-экономического развития между прибрежными и внутренними (более отсталыми) районами Китая. В целом, однако, по мнению Дин Цзиньпина, «Китай больше извлек выгоды из глобализации, чем понес потерь, благодаря правильной политике адаптации к глобализации».²⁹ «Местная культура и традиции, - считает ученый, - не противоречат глобализации, в случае если между ними обеспечивается баланс, хорошим примером чего служит опыт Японии и Южной Кореи».³⁰

Ван Хэсинь, признавая, что «глобализация является тенденцией развития современного мира», вместе с тем отмечает, что «люди из разных стран мира, прежде всего из развивающихся государств, не обладают на сегодня достаточными знаниями и представлениями о глобализации».³¹ Ван Хэсинь также обращает внимание на преимущества и негативные последствия глобализации. К первым он относит открываемую глобализацией возможность для развивающихся стран осуществить индустриальную перестройку экономики, получить доступ к современным технологиям и богатым рынкам, следовать в русле основных тенденций развития мировой экономики. К негативным последствиям автор относит, в частности, распространение начавшегося в Таиланде азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг. на другие страны Азии и его косвенное влияние на китайскую экономику. В этом контексте Ван Хэсинь призывает с осторожностью относиться к таким компонентам экономической политики Китая, связанным с экономической глобализацией, как финансовая либерализация и дерегулирование банковской сферы. «Несмотря на необратимый характер глобализации, - пишет китайский ученый, - необходимо проводить экономическую политику в соответствии с конкретными обстоятельствами и не забывать о тех приемах, которые могут уменьшить риски глобализации».³²

Юань Цзянь, ссылаясь на высказывание Дж. Сакса о том, что «краеугольным камнем политических вызовов глобализации является влияние торговли на распределение доходов», посвящает свое исследование влиянию глобализации на развитие американской промышленности и динамику заработной платы американских рабочих.³³ В результате исследований автор приходит к выводу, что либерализация мировой торговли наряду с преимуществами создает реальные угрозы для американской экономики. В зависимости от того, насколько США «удастся справиться с негативными социально-экономическими последствиями глобализации ... будет зависеть общий подход США к проблеме дальнейшей либерализации мировой торговли», - пишет автор.³⁴

Так же как и в новых индустриальных и демократизирующихся странах Азии, в Китае появлению новых подходов к практическим аспектам глобализации способствовал азиатский финансовый кризис 1997-1998 годов. Китайские ученые, задумываясь о причинах и экономических последствиях, стали больше говорить о необходимости корректировки китайской политики открытости. В частности, о необходимости поддержания баланса между открытостью и либерали-

зацией внутренних рынков, с одной стороны, и темпами осуществления реформы промышленности и реформы китайского банковского сектора, с другой.

Так, известный китайский экономист Фань Ган пишет: «Многие сторонники глобализации считают, что глобализация путем притока капиталов и передачи технологий предоставляет развивающимся странам шанс. Это не вызывает сомнений ... Однако в реальной жизни такое утверждение не совсем точно. Перед нами встает вопрос: почему экономики большей части развивающихся стран не получают должных выгод от глобализации, а, напротив, испытывают бедность, социальную нестабильность, финансовые потрясения и экономические кризисы? Почему большая часть прежних колоний, где степень либерализации была высокой, оказалась в рядах отсталых стран? Почему такое хорошее дело, как глобализация, всегда высоко ценится правительствами и международными организациями развитых стран, а развивающиеся страны относятся к ней с подозрением или принимают ее не без колебаний?»³⁵ Фань Ган вводит понятие «неравного положения в глобализации», под которым он понимает то обстоятельство, что развитые страны получают больше дивидендов от глобализации, чем развивающиеся. Однако в отличие от ряда авторов из развивающихся государств, возлагающих ответственность за неравенство в глобализации на развитые страны, Фань Ган полагает, что менее развитые экономики, в том числе и китайская, сами должны искать пути преодоления такого неравенства и прежде всего обратить внимание на соответствие степени открытости экономики, требуемой глобализацией, внутренним возможностям страны успешно участвовать в глобальной конкуренции. При этом, по мнению китайского ученого, необходимо исходить из того факта, что «вся экономическая теория построена на основе ограничения условий ... любые чрезмерные изменения приводят к нарушению равновесия ... иногда при прочих равных условиях (в случае полных изменений – В.М.) возможен даже худший результат, чем при неполных изменениях».³⁶ Фань Ган в качестве разумного ответа на вызовы глобализации со стороны Китая предлагает «сбалансировать реформу и открытость», добиваться «скоординированной открытости» посредством «искусства экономической политики». «Ты должен, – пишет Фань Ган, – открываться, однако думать при этом о реформе внутри страны и развитии экономики в целом, нельзя действовать слишком быстро, нельзя чрезмерно открываться».³⁷

Международные организации (МВФ, ООН)

МВФ и Всемирный Банк выступают наиболее активными и последовательными сторонниками финансовой глобализации, как составной и наиболее уязвимой составляющей мировой экономической глобализации в целом. МВФ связывает с глобализацией возможность повысить эффективность работы национальных финансовых систем в менее развитых странах и, тем самым, всей мировой финансовой системы путем введения единых правил функционирования национальных финансовых институтов и придания последним большей прозрачности, предсказуемости, а, в итоге – надежности.³⁸

ООН стремится занять более объективную позицию в оценке влияния глобализации на мировое развитие. В своем докладе по проблемам развития человека «Глобализация благоприятствует богатым нациям» (12 июля 1999 г.) эксперты ООН отмечают, что в 85 странах мира (из 174 обследованных) люди по показателям «индекса человеческого развития» (human development index) стали жить хуже, чем они жили 10 лет назад. Тогда как пятерка ведущих стран – Канада, Норвегия, США, Япония, Бельгия – улучшила свои показатели человеческого развития. В соответствии с данными доклада в мире существуют следующие главные диспропорции в социально-экономическом развитии:

к концу 90-х годов 20% людей, живущих в богатых странах, контролирует 82% мирового экспорта, 68% прямых инвестиций, 75% телефонных линий. На 20% людей из наименее развитых стран мира приходится по 1,5% и менее по указанным трем показателям индекса человеческого развития.

200 наиболее богатых людей мира в 1994-1998 гг. удвоили свое богатство, доведя его до 1 трлн. долл. (2,5% мирового ВВП).³⁹

Эксперты ООН считают, что прокатившаяся по миру волна слияний крупных корпораций разрушает принципы свободной конкуренции на глобальных рынках и ведет к концентрации промышленной власти в руках «мегакорпораций». Например, в 1998 г., иллюстрируют свою мысль эксперты, 86% мирового рынка телекоммуникаций объемом в 262 млрд.долл. контролировалось 10 крупнейшими мировыми монополиями. ООН выступает за «более равное распределение доходов от глобализации».⁴⁰

Россия

В России пока еще не сформулировано взвешенное и рациональное отношение к экономической глобализации. Угрозы и возможности глобализации не учитываются в практической экономической политике. Наиболее распространено негативное отношение к идее глобализации мировой экономики. Аргументы противников глобализации сводятся к следующему:

глобализация ведет к потере государствами суверенитета и иностранному вмешательству во внутренние дела независимых государств;

глобализация на деле означает усиление американского влияния и насаждение американского образа жизни в мире и вынуждает слабые страны идти на уступки Америке;

глобализация оторвана от российской экономической реальности и не дает никаких выгод России – свидетельством чего является игнорирование России при разработке концепций глобального (на уровне «большой семерки»), к экономической стороне работы которой Россию не допускают) и регионального, в частности азиатского, экономического взаимодействия;

глобализация – это утопия или мечта, относящаяся к будущему и не имеющая реального содержания сегодня.

Данному негативному подходу к глобализации можно противопоставить свои возражения. Во-первых, глобализация не ставит сегодня вопрос об утрате суверенитета. Вопрос создания Единого мира на основе единого экономического правопорядка – это вопрос завершающегося этапа глобализации мировой экономики, а не нынешнего. Поэтому не корректно выдвигать аргумент утраты суверенитета в споре против глобализации.

Во-вторых, если задаться целью противопоставить что-то американскому влиянию в рамках глобализации, то рациональнее делать это не пряча за национально-государственный суверенитет, а активно участвуя в процессах глобализации, в создании единого экономического правопорядка и в построении Единого мира. *России выгоден такой общемировой экономический правопорядок и такие законы и правила Единого мира, которые учитывали бы интересы и особенности России и в создании которых голос России был бы слышен.*

В-третьих, экономическая глобализация уже сейчас может быть использована к выгоде России. Ведь именно экономические и политические интересы Запада, понимаемые в контексте глобализации, дают России возможность привлекать внимание развитых стран к своим социально-экономическим проблемам и получать финансовую и экономическую помощь. Другой пример – российская наука. Признание того, что российская наука является частью,

причем все еще важной частью, мировой науки приводит к выводу о том, что крах российской науки невыгоден не только России, но и миру в целом.

В-четвертых, экономическая глобализация, понимаемая как единая мировая экономика, сегодня, верно, еще утопия. Однако экономическая глобализация как тенденция – одновременно объективная и подталкиваемая Человеком – это реальность. *И роль, и место России* в том, чтобы:

быть одним из значимых *источников интеллектуальной* (пока нет экономических сил) *инициативы* в развитии глобализации *и конструктивным оппонентом* другим поборникам идеи глобализации, будь то США или ЕС или, кто знает, в будущем, Китай,

обеспечить *слышимый другими голос России* при создании единого экономического правопорядка,

разрабатывать и отстаивать *российские варианты развития экономического регионализма в Европе и Азии* – на двух континентах, частью которых является Россия, в том числе в виде идей *о российско-японском монетарном союзе или о форуме СНГ-Азия*.

Анализируя отношения (сформулированное или возможное, исходя из общих политических позиций) к глобализации различных политических сил России, трудно отделаться от ощущения, что неприятие глобализации носит больше эмоциональный, нежели концептуальный характер. Ведь глобализация связана с втягиванием России в мировые хозяйственные связи, а десятилетие реформ (90-е годы) показало, что опора на внешние силы не приносит в Россию социальной справедливости и экономического процветания. Хотя, конечно, можно возразить, что виноваты не внешние силы, а российские власти, не сумевшие выработать эффективной экономической политики, в том числе и политики по рациональному использованию внешних факторов развития.

Более логический взгляд на российскую политическую палитру приводит к выводу о том, что ни у левых, и у правых сил российского общества не может быть принципиальных возражений против глобализации. Что касается левых, то необходимо отметить, что марксистская идеология по своей сути интернациональна. Концепция пролетарского интернационализма, наложенная на компромиссное мышление наших дней, позволяет говорить не о классовой борьбе с мировым капиталом, а о поисках варианта глобального трудового компромисса – достижимого по мере углубления глобализации мировой экономики и политики. Концептуальные позиции правых, основанные на идее вовлечения России в мировые тенденции развития, также логически соответствуют идеям глобализации.

Реальное сопротивление глобализации – на концептуальном уровне – логично ожидать лишь от националистов или от патриотически настроенных представителей центра. Последние, впрочем, в случае их прихода к власти, будут поставлены перед необходимостью решать конкретные экономические проблемы, используя любые возможности, в том числе или даже прежде всего, возможности внешних факторов социально-экономического роста. То есть, сам прагматизм центристов-патриотов будет побуждать их, если не идеологически, то практически, искать варианты адаптации России к вызовам глобализации.

-
1. Geeta Kapur. Globalization and Culture: Navigating the Void // The Cultures of Globalization: Duke University, USA, 1998. P. 192.
  2. Ibid. Pp.191-192.
  3. B.P. Saha. Globalization and Global Information Society: Threat to Indian Society and Cultural Ethos. Calcutta, India, 1999. P.1.
  4. Ibid.
  5. Ibid. P.2.

6. Ibid. P. 16-17.
7. Santishree D.N.B. Pandit. The South Asian Security Predicament – India's Nuclear Policy. Maharashtra, India, 1999. Pp.3, 8-9, 14-16.
8. Omprakash Mishra. Globalization and Low Intensity Security Issues in South Asia. Calcutta, India, 1999. P.3.
9. Ibid. P.8.
10. Fasahat H. Syed. Dynamics of Globalization and Security Concern in the South Asian Region. Islamabad, Pakistan, 1999. P.1.
11. Ibid. P.20.
12. Towfic Ali. Globalization and Private Financial Flows: the Dilemma for Developing Countries. Dhaka, Bangladesh, 1999. P.1.
13. Ibid. P.11.
14. Ahaduzzaman M. Ali. The Myth of Information Revolution. Dhaka, Bangladesh, 1999. P.1.
15. Ibid. P.3.
16. Sherif Hetata. Dollarization, Fragmentation, and God // The Cultures of Globalization. Duke University, USA, 1998. P. 274.
17. Ibid. Pp.276-277.
18. Manthina Diawara. Toward a Regional Imaginary in Africa. USA, 1998. P.103.
19. Ibid. P. 124.
20. South China Morning Post. 1999. 26 August.
21. Liu Kang. Is There an Alternative to (Capitalist) Globalization? The Debate about Modernity in China // The Cultures of Globalization: Duke University, USA, 1998. P. 164.
22. Ibid.
23. Ibid. P.183.
24. Ibid.
25. Ding Jingping. China // Domestic Adjustments to Globalization. Tokyo, 1999. P. 160.
26. Ibid. Pp.160-161.
27. Ibid. P.170-171.
28. Ibid. P.171.
29. Ibid. P.191.
30. Ibid.
31. Wang Hexing. Perspectives on the Economic Globalization in Light of Asian Financial Turmoil. International Studies: China Institute for International Studies, China Foreign Ministry. Beijing, 1998. N 8-9. P.3.
32. Ibid. P.5.
33. Yuan Jian. The Challenge of Globalization. Debating the Impact of Trade on Income Distribution in the United States. International Studies: China Institute for International Studies, China Foreign Ministry. Beijing, 1999. N 3-4. Pp.1-14.
34. Ibid. P.14.
35. Фань Ган. Цюньцюхуа чжун дэ бу пиндэн вэньти (Проблема неравенства в процессе глобализации) // Синьхуа вэньчжай. 1999. №7. С.51. / Пер. с кит. в.н.с. ИДВ РАН к.э.н. О. Борох.
36. Там же. С.54.
37. Там же.
38. См., например, The IMF Response to the Asian Crisis, <http://www.imf.org/External/pr/exr/facts/asia.HTM>. Представления МВФ о вариантах реформирования мировых финансов будут рассмотрены в следующих главах.
39. UN Report: globalization favors rich nations. <http://cnn.cjm/WORLD/america/9907/12/un.globalization>
40. Ibid.

Китай на пути в мировое хозяйство: проблемы и поиски

© 2000

В.Портяков

Развитие Китайской Народной Республики на протяжении всех пятидесяти лет ее существования неразрывно связано с внешнеэкономической деятельностью. 50-е годы памяты закладкой основ тяжелой промышленности и современной инфраструктуры страны с использованием советского комплектного оборудования и массовой подготовки технической интеллигенции в тогдашних странах народной демократии. Даже в 60-е годы, когда Китай официально придерживался лозунга опоры на собственные силы, а ежегодный объем внешней торговли составлял всего несколько миллиардов долларов, критически важным для функционирования народного хозяйства оставался импорт запчастей к раннее ввезенной технике, хлопка, а в отдельные годы – зерна и сахара. С начала 70-х годов КНР возобновила закупки машин и оборудования, а в конце десятилетия, с провозглашением программы модернизации и реформ, перешла к широкой внешнеэкономической открытости.

Ставка на внешнеэкономические связи как важный рычаг экономического роста, источник капиталов, технологий и грамотного менеджмента оправдала себя. Нарастив объем внешней торговли с 20,6 миллиардов долларов в предреформенном 1978 г. до 325 миллиардов в 1997 г., Китай вошел в десятку ведущих торговых держав мира. К началу 1999 г. страна привлекла более 265 миллиардов долларов прямых иностранных инвестиций и 127 миллиардов долларов кредитов, создала около 300 тысяч предприятий с участием иностранного капитала. Заслуженную славу принесли Китаю специальные экономические зоны, доказавшие эффективность поэтапной, «очаговой» либерализации внешнеэкономической деятельности. Да и в целом модель развития Китая в период реформ в значительной мере оказалась опосредованна стратегической ставкой на форсированный рост производства и экспорта трудоемких изделий, прежде всего в приморском поясе страны.

Естественно, что подготовленные в середине 90-х годов китайскими учеными прогнозы социально-экономического развития Китая на длительную перспективу – до 2020 и даже до 2050 г. – предполагали не просто самое активное участие страны в разнообразных мирохозяйственных связях, но и неуклонное увеличение доли КНР в мировом экспорте товаров – с нынешних примерно трех процентов до чуть ли не десяти. Стремясь улучшить условия для экспорта своих товаров (а многие из них все чаще стали сталкиваться с разного рода ограничениями на рынках развитых стран), Китай выразил го-

товность стать членом Всемирной торговой организации, принял на себя обязательства по будущей либерализации условий движения товаров, услуг, капиталов в рамках организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. В 90-е гг. неоднократно снижался уровень тарифов на импортируемые страной товары, были предприняты первые шаги по либерализации таких, ранее закрытых для иностранного бизнеса, сегментов китайского рынка, как внутренняя торговля, банковская деятельность, включая операции с национальной валютой – юанем.

Однако многое говорит о том, что, столкновение на практике с теоретически весьма привлекательными тенденциями глобализации и «транснационалкорпоративизации» (да простит меня великий русский язык) заставило Китай попристальнее присмотреться к возможным воздействиям этих процессов на экономику страны, строже оценить возможности внешнеэкономического комплекса и отечественных производителей, выдержать усиливающуюся иностранную конкуренцию на внешнем, а потенциально – и на внутреннем рынке. Азиатский финансовый кризис, приведший к первому за 15 лет сокращению годового объема внешней торговли страны (до 324 миллиардов долларов) и к относительному удорожанию китайского экспорта при недевальвированном юане, особенно остро поставил вопрос о прочности тылов открывающейся миру китайской экономики, о темпах и последовательности открытия финансовых рынков и введения полной конвертируемости юаня, а в целом – о необходимости определенного переосмысления всей внешнеэкономической политики Китая на долгосрочную перспективу.

Сегодня вряд ли можно точно предугадать, в каких именно направлениях пойдет эта корректировка. Однако выбор путей и темпов дальнейшей интеграции КНР в мировую экономику будет в значительной степени зависеть от того или иного ответа на такие вопросы, как оптимальная степень опоры экономики страны на внешние рынки, соотношение открытости и национальной безопасности, реальная степень конкурентоспособности Китая на мировых рынках товаров, капиталов, услуг и перспективы ее повышения.

Китай в мировой торговле товарами

Среди специалистов существуют две полярные точки зрения на степень вовлеченности Китая в мирохозяйственные связи. Если исходить из объема ВВП, рассчитанного по официальному курсу юаня к доллару (примерно 900 млрд. долл. в 1997 г. и 960 млрд. в 1998 г. при курсе 8,3 юаня за 1 доллар США), то соотношение объема внешней торговли к ВВП составляет в Китае в последние годы 35–36%, а подчас повышалось и до 40%. Если же ВВП рассчитывается по паритету покупательной способности национальных валют, который в настоящее время для юаня вчетверо превышает официальный курс, то доля внешней торговли Китая в ВВП сокращается до 9–10%. В самом Китае ученые-экономисты нередко склонны оперировать первым соотношением и даже делать на его основе вывод о большей вовлеченности КНР в мирохозяйственные связи, нежели многих других ведущих держав мира¹. Так, в 1995 г. соотношение экспорта товаров и услуг и ВВП, рассчитанного по официальному курсу валют, было в КНР (23,96%) на уровне таких стран, как Германия (24,38%) и Франция (24,70%) и существенно выше, чем в США (10,65%) и Японии (9,87%). Примерно такой же порядок цифр имел место и в соотношении импорта товаров и услуг и ВВП: соответственно 22,5% (КНР), 23,8 (Германия), 22,8 (Франция), 12,4 (США) и 8,9% (Япония)².

Многие иностранные китаеведы полагают подобную статистическую аберрацию экономически абсурдной и предлагают использовать соотношение объема внешней торговли к ВВП, рассчитанного по паритету покупательной способности юаня к доллару. Недавно в пользу именно такого подхода высказались российские китаеведы А.И.Салицкий и В.И.Фетисов³. Однако, на наш взгляд, и в данном случае степень вовлеченности Китая в мирохозяйственные связи не находит адекватного выражения. По расчетам Салицкого и Фетисова получается, что в период 1985–1997 гг. доля внешней торговли в ВВП Китая практически не росла, незначительно меняясь в ту или иную сторону в диапазоне от 6,8 до 8,8%. На деле это явно не так. В связи с этим уместно вспомнить возражения ряда китайских ученых против самого метода расчета ВВП по паритету покупательной способности, поскольку в этом случае потребительские качества товаров, прошедших “проверку” мировым рынком, экстраполируются на все производимые в стране товары. Представляется, что такой подход дает особенно значительное завышение ВВП именно в случае с КНР, где, во-первых, соответствие производимой продукции даже национальным стандартам качества не превышало в 90-е годы 75% (такова обратная сторона развития массового мелкого производства) и, во-вторых, иное, чем в развитых странах, соотношение цен на потребительские и инвестиционные товары, приводящие к тому, что и без того относительно дорогие (в юаневом выражении) инвестиционные товары оцениваются по взятому из потребительской корзины высокому показателю “покупательной” способности юаня относительно доллара. Поэтому высказываются предложения брать за основу некий средний коэффициент внешнеторговой зависимости Китая, составивший, по оценке М.А.Потапова, 12–13% в 1995 г.⁴

Видимо, еще более точную картину взаимодействия с мировой экономикой дали бы данные о доле чистого импорта тех или иных товаров во внутрикитайском потреблении и чистого экспорта в общекитайском производстве, особенно в натуральном выражении, там, где это возможно. Однако соответствующие расчеты затруднены, прежде всего из-за отсутствия данных о потреблении тех или иных товаров (статистика за редким исключением отражает лишь производство). Вместе с тем, даже доступные нам разрозненные данные свидетельствуют, что в результате проведения политики открытости зависимость Китая от внешних рынков по ряду позиций достигла весьма высоких значений.

Так, уже в начале 90-х годов доля чистого экспорта в производстве трикотажных изделий превышала 36%, а в производстве швейных, кожевенно-меховых, спортивных товаров составляла 25–26%⁵. То есть малейшие сбои экспортом этой продукции были чреваты перепроизводством и необходимостью жесткой реструктуризации соответствующих отраслей, что и случилось в период азиатского финансового кризиса. Например, экспорт одежды из текстиля – крупнейшей статьи китайского экспорта – снизился в 1998 г. на 5,7% и в первой половине 1999 г. еще на 25,1%⁶. Не случайно, что именно в текстильной промышленности имеет место наиболее радикальное сокращение числа занятых – на 660 тысяч человек за один только 1998 г.⁷

С другой стороны, доля импортного оборудования в промышленности с 1985 по 1995 год возросла почти на 30 процентных пунктов и составила 47,6%. Импортируется 80% оборудования для нефтехимии; свыше 70% рынка оборудования, изготовленного на базе новых и высоких технологий, занято импортными изделиями. При этом, как подчеркивают в Китае, зарубежные партнеры

под разными предложениями сплошь и рядом “зажимают” наиболее современную технику.

Даже выход на первое место в мире по выплавке стали не избавил Китай от необходимости импортировать ее в значительных количествах. Секрет прост: только 9 млн. тонн проката из почти 100 млн. тонн производимых соответствуют качественным параметрам мировым стандартам⁸.

Несомненно, ключевой для всей внешнеэкономической стратегии Китая вопрос – это повышение его конкурентоспособности. Прежде всего речь идет о создании новой – взамен или в дополнение к текстилю, одежде, игрушкам, спортоварам – группы высококонкурентных трудоемких изделий массового спроса (на ближайшие годы это – телевизоры, холодильники, аудиовидеотехника). В перспективе же Китаю предстоит завоевывать место под солнцем в только осваиваемых им капиталоемких и наукоемких производствах.

В контексте вышесказанного есть смысл отдельно рассмотреть три вопроса, которые, на наш взгляд, будут в обозримой перспективе оказывать существенное влияние на внешнеторговую деятельность Китая.

Во-первых, хотя в деле улучшения структуры экспорта страна добилась несомненных успехов, однако объективно позиции Китая на мировом рынке высокотехнологичных товаров весьма скромны и еще долго будут оставаться таковыми. Так, по китайским оценкам, доля капиталоемкой и наукоемкой продукции в экспорте страны выросла с 32% в 1997 г. до 36,2% в 1998 г.⁹ Однако при этом доля высокотехнологичной продукции составляла всего 5,1% экспорта (1996), что ниже среднего уровня развитых стран на 10 процентных пунктов. При этом доля Китая в мировом экспорте высокотехнологичной продукции составляла 1,32% – в 9 раз меньше доли Германии и в 13 раз – Японии¹⁰. Совершенно очевидно, что шанс на принципиальное решение проблемы может дать только коренная перестройка всей структуры экономики и прежде всего структуры промышленности, все еще далекой от современных преобразований (Таблица 1).

Таблица 1.

Международное сопоставление отраслевой структуры добавленной стоимости в промышленности

(вся промышленность – 100 процентов)

Отрасль	США	Япония	Развитые страны в среднем	КНР	Разница между КНР и развитыми странами
Пищевая	9,58	8,66	9,06	5,80	3,26
Текстильная	2,77	2,77	2,50	7,36	-4,86
Кожевенная	0,13	0,19	0,21	1,64	-1,43
Черная металлургия	2,23	4,74	2,91	8,62	-5,71
Металлообработка	5,26	7,48	6,93	3,15	3,78
Полиграфия	7,89	5,74	5,49	1,76	3,73
Промышленная химия	4,93	4,52	4,46	7,71	-3,25
Транспортное оборудование	11,8	10,72	11,21	6,58	4,63
Специальное и научное оборудование	5,80	1,26	2,53	1,00	1,53

Источник: Доклад о развитии международной конкурентоспособности Китая. 1997. Исследование структуры производства. Пекин, 1998. С. 100–101 (на кит. яз.).

Процесс этот не быстрый и дорогостоящий. Пока же КНР находится далеко не в первых рядах в мире по уровню конкурентоспособности. По данным швейцарского ежегодника о международной конкурентоспособности, КНР по комплексному показателю конкурентоспособности заняла в 1998 г. 24-е место среди 46 оцениваемых стран и территорий (в 1994 г. – 34-е). И зарубежные, и китайские оценки выявили такие слабые стороны конкурентоспособности Китая, как низкий конечный потребительский спрос (40-е место, прямо отражает невысокий, по международным меркам, уровень доходов населения), финансово-банковской системы (42-е место), защита прав интеллектуальной собственности (38-е), инвестиции в науку (35-е), образование (40-е)¹¹.

Во вторых, найти полноценную замену ведущим экспортным товарам, вывоз которых сегодня либо растет крайне незначительно, либо снижается, Китаю будет весьма сложно. Слишком уж велик сегодняшний отрыв объемов вывоза текстиля и обуви от продаж следующих за ними экспортных товаров, прежде всего бытовой техники (Таблица 2).

Таблица 2.

Ведущие товары китайского экспорта в 1998 году

Наименование	Стоимость экспорта (млн. долларов)	Доля в экспорте (%)
Мебель	2190	1,19
Лампы и светильники	1488	0,81
Товары для туризма, включая сумки	3232	1,76
Одежда	30057	16,36
Обувь	8391	4,56
Пластмассовые изделия	3823	2,08
Игрушки	5142	2,80
Изделия из драгметаллов	1438	0,78
Морепродукты	1733	0,94
Зерновые	1576	0,86
Овощи	1473	0,80
Уголь	1068	0,58
Сырая нефть	1527	0,83
Медицинские товары	1692	0,92
Ткани и текстильные изделия	12831	6,98
Стальные изделия	1687	0,92
Электрические моторы и генераторы	1290	0,70
Статические конверторы	1055	0,57
Оборудование для телефонной связи	1304	0,71
Аудиоаппаратура	2720	1,48
Телекоммуникационное оборудование	1226	0,66
Контейнеры	1587	0,86
Аппаратура по защите электрических цепей	1156	0,63
Суда	1731	0,94

Источник: Данные China's Customs Statistics. Hong Kong, 1998. № 12. P. 24-27 и расчет по ним.

Обращает на себя внимание, что в перечень товаров, экспорт которых в 1998 г. превысил 1 млрд. долларов, не попали такие позиции, как телевизоры (686 млн.долл.), наручные часы (981 млн.), фотоаппараты (994 млн.).

В-третьих, вслед за наращиванием собственного производства и изменением конъюнктуры Китай пошел на резкое сокращение импорта таких, долгие годы остававшихся для него критически важными, товаров, как мочевина (с 6 млн.т в 1996 г. до 3,42 млн.т в 1997 г. и всего 120 тыс.т в 1998 г.), хлопок (750 тыс.т в 1997 г. и 200 тыс.т в 1998 году, 33 тыс.т в первой половине 1999г.), синтетические (полиэстер и полиакрил) волокна¹². Представляется, что речь идет не о случайном эпизоде, а о принципиальной готовности Китая к активной политике импортзамещения и защиты национальных производителей в тех сегментах рынка, где для этого складываются подходящие условия.

Китай в мировой торговле услугами

Участие Китая в мировой торговле услугами пока носит более скромный характер по сравнению с его позициями в мировой торговле товарами. В 1995 г. доля Китая в мировом экспорте услуг составила 1,2% по сравнению с 2,4% в мировом экспорте товаров и услуг в целом, а в импорте соответственно 1,5 и 2,2%¹³. По данным Всемирной торговой организации, в 1994 г. экспорт Китаем услуг составил 16237 млн. долл., а импорт - 15683 млн. долл. Хотя Китай и переместился с 25 места в мире по экспорту услуг в 1984 г. на 16-ое¹⁴, объем торговли Китая услугами в 1994 г. (31,9 млрд. долл.) был почти в десять раз меньше США, и примерно в пять раз меньше, чем у Японии, Франции и Германии (соответственно 162, 159 и 154 млрд. долл.)¹⁵.

В структуре торговли Китая услугами доминируют традиционные их виды: перевозки грузов, портовые услуги, туризм, подрядное сооружение объектов за границей (в том числе с участием китайской рабочей силы). При значительных колебаниях ситуации от года к году, в целом, Китай остается нетто-экспортером услуг в сфере туризма и нетто-импортером - в сфере транспортных перевозок. Данные о платежном балансе КНР позволяют дать следующую картину торговли Китая рядом основных видов услуг (Таблица 3)

Таблица 3.

Китай в международной торговле услугами в 1985-1996 гг. (млн. долларов)

	1985		1990		1994		1995		1996	
	экс	имп	экс	имп	экс	имп	экс	имп	экс	имп
Грузоперевозки	867	1292	2163	2263	3765	8806	4330	13000	2956	10317
Снабжение и трудовые услуги в портах	360	300	289	1106	760	695	874	799	237	228
Туризм	1250	314	2218	470	7323	3036	8730	3688	10200	4474

Источник: Чжунго тунци няньцзянь 1997. Пекин, 1997. С. 627.

Растущее вовлечение Китая в систему мирохозяйственных связей, наряду с его стремлением стать полноправным членом Всемирной торговой организации, предопределили постепенное открытие ранее закрытых для иностранного капитала сегментов китайского рынка услуг, в том числе финансового рынка, внутренней розничной торговли, рынка информационных услуг и т.д. Это нашло отражение и в статистике торговли Китая услугами в 1997 г. (Таблица 4).

Таблица 4.

Структура торговли Китая услугами в 1997 г.
(млн. долларов)

	Экспорт	Импорт	Баланс
Услуги, всего	24583	30308	-5725
Грузоперевозки	2968	10248	-7280
Туризм	12074	10167	1907
Связь	272	290	-18
Строительство	590	1209	-619
Страхование	174	1045	-871
Финансовые услуги	27	325	-298
Компьютерные и информационные услуги	84	231	-147
Расходы на патенты	55	543	-488
Консультации	346	468	-122
Реклама	238	241	-3
Кино, аудио и видеопродукция	10	44	-34
Прочие коммерческие услуги	7679	5253	2426
Правительственные услуги, неклассифицированные	65	243	-188

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь 1998. Пекин, 1998. С. 92.

Если говорить о конкретных видах услуг, то наиболее сильны позиции Китая на мировом рынке туристических услуг, причем достигнуты они всецело в годы реформ. Доходы КНР от туризма выросли с 616 млн. долл. в 1980 г. до 12 млрд. долл. в 1997 г. и 12,6 млрд. долл. в 1998 г. В 1996 г. Китай, по данным Всемирной торговой организации, занял пятое место в мире по количеству принятых туристов с долей в 4,4% от общемирового показателя (лидер – Франция с 10,39%), но только девятое место – по объему доходов от туризма с долей в 2,48% от общего показателя (лидер – США с 15,22%)¹⁶. Данная ситуация объясняется прежде всего преобладанием в структуре предоставленных Китаем туристических услуг краткосрочных поездок в КНР жителей Гонконга и Макао и «шопинг-туристов» ряда соседних государств, в том числе России. Так, в 1997 г. из общего количества туристических поездок в Китай, превысившего 57,5 млн. человеко-раз, поездки собственно иностранцев составили 7,4 млн. человеко-раз, а жителей Гонконга и Макао – почти 48 млн. человеко-раз (отдельно выделяются также категории туристов с Тайваня и хуацяо). Среди собственно иностранных туристов по поездкам в Китай лидируют японцы (1582 тыс. человек), россияне (813 тысяч), жители Южной Кореи (781 тысяча) и США (616 тысяч)¹⁷.

Перевозка внешнеторговых грузов Китая составила 369 млн.т в 1996 г. (206 млн.т импорт и 163 млн.т экспорт) и 400 млн.т в 1997 г. (215 млн.т импорт и 185 млн.т экспорт). Большая часть перевозилась морским транспортом – 314 млн.т в 1996 г. и 350 млн.т в 1997 г. Перевозка грузов железнодорожным транспортом составила в 1997 г. 9,35 млн.т (3,064 млн.т экспорт и 6,286 млн.т импорт), автомобильным транспортом – 45,87 млн.т, трубопроводным (экспорт) – 510 тыс.т, воздушным – 640 тыс.т (260 экспорт и 380 импорт). Быстро росла перевозка Китаем международных контейнерных грузов – менее 5 млн. штук в 1996 г. и 10,76 млн. штук в 1997 г.¹⁸ В 1998 г. под влиянием азиатского финансового кризиса объемы перевозок внешнеторговых грузов, сократились, например морским транспортом – до 340 млн. т.

Крайне тяжело дается Китаю укрепление позиций на мировом рынке подрядно-строительных и трудовых услуг, где его доля (по состоянию на 1997 г. соответственно 1,4 и 1%) пока остается заметно ниже потенциальных возможностей страны. В 1997 г. объем заключенных Китаем в данной сфере контрактов составил свыше 11 млрд. долл., а фактически выполненный объем работ – 8383 млн. долл., в т. ч. 6036 млн. – подрядное строительство, 2165 млн. – трудовые услуги, 182 млн. – проектные и консультативные услуги. По контрактам данного рода за рубеж выезжали 334 тыс. человек¹⁹. Основные потребители китайских проектно-строительных и трудовых услуг – страны Азии, прежде всего Гонконг, Сингапур, Пакистан.

Как видно из вышеприведенных данных, объемы торговли Китая наиболее современными видами услуг пока невелики. Однако растущее оснащение народного хозяйства страны современной техникой и технологиями, развитие сферы услуг в самом Китае, продолжающаяся реформа госсектора, процессы акционирования, банкротства, слияния предприятий различных форм собственности создают дополнительный спрос на новые виды услуг. Так, только рынок аудита в Китае в 2000 г. оценивается в 12 млрд. юаней, а рынок компьютерных информационных продуктов и услуг – в 150 млрд. юаней²⁰ (весь мировой рынок компьютеров, программного обеспечения и услуг на 2000 г. оценивается в 900 млрд. долл.). Растущий потенциал китайского рынка услуг подогревает интерес к нему со стороны иностранного бизнеса. Особенно настойчивые усилия по более быстрому и широкому открытию китайского рынка предпринимаются в банковском деле и в страховании (в 1997 г. доходы иностранных страховых компаний, действующих в Китае, составили только 0,69% от общих внутренних страховых доходов в стране).

Китай связан определенными обязательствами по постепенной либерализации своего рынка услуг в рамках провозглашенной Организацией Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества концепции «открытого регионализма». Естественно, в случае вступления КНР во ВТО объем и жесткость обязательств по либерализации рынка услуг существенно возрастут. В то же время страна сохраняет ряд ограничений на допуск иностранного капитала в сферу услуг. Полностью запрещен его допуск на рынок почтовых и телеграфных услуг, телепрограмм, в радиовещание и печатные средства массовой информации, существенно ограничен – в образовании, внутреннюю и внешнюю торговлю, операции с ценными бумагами. Закон КНР о внешней торговле запрещает международную торговлю услугами, угрожающую общественным интересам или безопасности государства, нарушающую международные обязательства КНР или уже запрещенную законом (например азартные игры). Основанием для ограничений могут также служить необходимость балансирования валютных доходов и расходов страны, потребности защиты окружающей среды.

В целом КНР стремится сохранить в своих руках достаточно действенные рычаги контроля за ситуацией на рынке у себя в стране и в то же время воспользоваться теми выгодами, которые может дать ей либерализация режима мировой торговли услугами.

Китай на международном рынке капиталов

Определенные изменения претерпевают в последнее время и позиции КНР на международном рынке капиталов. Объем привлеченных кредитов в 1998 году сократился на 8,5% по сравнению с предшествующим годом, а масштабы фактически использованных прямых иностранных инвестиций впервые за весь период проведения политики открытости практически не выросли по

сравнению с предыдущим годом (45,6 млрд.долл., прирост - 0,7%)²¹. Более того, в первой половине 1999 г. их объем составил всего 18,5 млрд.долл., т.е. существенно меньше половины объема предыдущего года²². Следует отметить также беспрецедентное сокращение объема привлеченных Китаем портфельных инвестиций. В 1998 г. он сократился на 89% (говоря проще, составил одну десятую от уровня 1997 г.), а доля портфельных инвестиций в общем объеме использованных Китаем прямых иностранных инвестиций с 10,8% в 1997 г. снизилась до 1,3%²³. Пока не вполне ясно, отражают ли эти данные односторонний уход большей части иностранных инвесторов с китайского рынка акций типа В, специально эмитируемых для иностранцев, или же имели место и действия самого Пекина по корректировке политики привлечения иностранного капитала.

В целом, похоже, для Китая закончился тот поистине "золотой век", когда иностранные инвестиции текли в Китай, словно замороженные миражом бездонного китайского рынка. Дальнейшее их крупномасштабное привлечение все в большей степени зависит от реального открытия китайского рынка внешнему миру, способности страны производить самую широкую гамму конкурентоспособных товаров, наконец, от приближения к международным стандартам банковской системы, валютного регулирования и т.п. Здесь Китаю предстоит еще пройти немалую дистанцию, ведь пока, занимая 28-е место среди 44 обследованных стран и регионов по общему индексу привлекательности для капитала, по оценке Института Милкена (Санта Моника, США), Китай находится только на 42-ом месте по качественным показателям, отражающим несовершенство банковской системы, низкий уровень защиты прав иностранных инвесторов и практическую недоступность для них внутри китайского рынка капиталов (Таблица 5).

Таблица 5.

Оценка привлекательности стран и регионов для капитала

	Место	Общая оценка	Количественная оценка	Оценка риска	Качественная оценка
США	1	100,0	97,5	93,5	89,5
Гонконг	3	94,4	96,4	82,1	82,5
Республика Корея	19	71,7	72,7	45,6	68,7
Япония	26	66,4	77,0	76,0	43,3
Китай	28	58,8	82,6	64,6	25,8
Бразилия	36	50,1	69,6	29,3	31,4
Россия	44	29,2	46,4	19,0	12,1

Источник: Capital Access Index. Milken Institute, Policy Brief. Santa Monica, USA, May 1999. № 4. P. 2.

Все более важной для Китая проблемой становится борьба с незаконной утечкой капитала из страны. Наверное, далеко не все обратили внимание на то, что в 1998 г. на второе место по прямым иностранным инвестициям в Китай вслед за Гонконгом вышли... Виргинские острова (4,03 млрд. долл. инвестиций против 2,91 млрд. у Тайваня, 3,40 млрд. - у Японии и 3,90 млрд. долл. у США²⁴). По сути дела, речь идет о возвращении из оффшорной зоны ранее вывезенного туда китайского капитала, ныне выступающего в качестве иностранного и претендующего на те или иные льготы.

Однако далеко не весь "сбежавший" капитал возвращается обратно в страну, хотя бы и под вывеской иностранного. Об этом, в частности, свидетельствует первая известная нам попытка систематизированно оценить мас-

штабы утечки капитала из КНР, предпринятая учеными Института национальной экономики при фонде "Реформа" во главе с Фань Ганом (Таблица 6).

Таблица 6.

Оценка утечки капитала из Китая (млн. долл.)

		1987	1990	1992	1994	1996	1997
Общий объем вывоза капитала (1)		1868	10222	22515	24082	29264	55587
Законный вывоз капитала (2)	трансфер банковских депозитов	2079	3947	5381	3199	3111	12432
	вывоз капитала небанковскими организациями	1071	1333	4506	2514	3132	6563
Вывоз капитала по поддельным документам (3)		1544	461	1395	2140	3126	12304
Объем утечки капитала (4) 4=1-2+3		262	5403	14023	20509	26147	48896

Источник: Анализ макроэкономической ситуации в Китае. Институт национальной экономики при Фонде "Реформа". Пекин, 1999. № 1. С. В3 (на кит. яз.).

Примечания: 1. Под общим объемом вывоза капитала подразумевается разница между чистым притоком иностранного капитала в страну, с одной стороны, и сальдо операций по текущим статьям и изменению валютных резервов - с другой.

2. Сумма вывоза капитала по поддельным документам рассчитана на основе сопоставления различий в данных внешнеторговой статистики КНР и пятнадцати ее крупнейших торговых партнеров.

Несомненно, ужесточение валютного регулирования в Китае в 1998 г. стало отчасти ответом на усиление попыток незаконного вывоза капитала, отчасти - превентивной "заградительной" мерой. Очевидно, однако, что в сфере привлечения капитала Китаю предстоит решить в ближайшие годы такие сложные, но неминуемо встающие перед ним проблемы, как введение конвертируемости юаня по операциям, связанным с движением капиталов, принципиальное расширение доступа иностранных инвесторов на китайский рынок акций, наконец, дальнейшая диверсификация круга инвесторов.

* * *

1998 г. стал своеобразным водоразделом в процессе взаимодействия Китая с мировым хозяйством. Небольшое, но весьма симптоматичное снижение индекса международной конкурентоспособности Китая (по расчетам Экономического форума в Давосе - на 0,15 пункта²⁵) свидетельствует, о том, что наряду с вышеописанными подвижками во внешней торговле и привлечении иностранного капитала Китай не сможет и впредь продолжать опираться на сложившуюся количественно-экспансионистскую модель развития внешнеэкономических связей. Многие здесь предстоит менять.

1. Такой вывод, например, присутствует в последнем издании известной книги Линь Ифу, Цай Фана и Ли Чжоу "Китайская экономика: реформа и развитие" (Чжунго цзинцзи гайгэ юй фачжань". Пекин, 1999).

2. Чжунго гоцзи цзинчжэнли фачжань баогао (1997) - Чанъе цзегоу чжуги яньцзю (Доклад о развитии международной конкурентоспособности Китая - 1997. Исследование структуры производства). Пекин, 1998. С. 415-417.
3. См.: Салицкий А.И., Фетисов В.И. Китай и кризисы 90-х годов. М., 1999. С. 38.
4. Потапов М.А. Внешнеэкономическая политика Китая: проблемы и противоречия. М., 1998. С. 39.
5. Линь Байпэн, Чжан Шэнпин. Чжунго сяофэй цзегоу юй чанъе цзегоу гуаньлянь яньцзю (Исследование взаимосвязи структуры потребления и структуры производства в Китае). Пекин, 1993. С. 459.
6. Гоцзи маои. Пекин, 1999. № 2. С. 63; № 8. С. 63.
7. Жэньминь жибао. 1999. 27 февраля.
8. Ма Хун, Ван Мэнкуй чжубянь. 1999 бань Чжунго фачжань яньцзю: Гоуюань фачжань яньцзю чжунсинь яньцзю баогао сюань. Ма Хун, Ван Мэнкуй (гл. ред.). Исследование развития Китая - 1999: сборник исследовательских докладов Центра исследования проблем развития при Госсовете КНР. Пекин, 1999. С. 42-43.
9. Чжунго шичан фачжань баогао 1999 (Доклад о развитии рынка в Китае 1999). Пекин, 1999. С. 142.
10. Ма Хун, Ван Мэнкуй. Указ.соч. С. 80.
11. Гоцзи цзинцзи шинлунь (Международное экономическое обозрение). - Пекин, 1998. № 7-8. С. 29-31.
12. Чжунго тунцзи няньцзянь 1998 (Статистический ежегодник Китая). - Пекин, 1998. С. 632-633; China's Customs Statistics, Hong Kong, 1998, № 12. P. 28; Гоцзи маои. Пекин, 1999. № 2. С. 63.
13. Бай Чунъяо. Чжунго фуу маои фанлюе (Бай Чунъяо (гл.ред.) Китай в торговле услугами). - Пекин, 1998. С. 18.
14. См: Чжунго дуйвай цзинцзи маои байпишу (Белая книга по внешнеэкономическим связям Китая). Пекин, 1997. С. 213.
15. Чжунго дуйвай цзинцзи маои няньцзянь 1997/1998 (Ежегодник внешнеэкономических и торговых связей Китая). Пекин, 1997. С. 835-841.
16. Чжунго фуу маои фанлюе. С. 47, 51, 52; Жэньминь жибао. 1999. 27 февраля.
17. Чжунго цзинцзи няньцзянь (Экономический ежегодник Китая). Пекин, 1998. С. 333.
18. Чжунго цзятун няньцзянь 1997 (Ежегодник транспорта Китая). Пекин, 1997. С.350,604; 1998 Чжунго цзинцзи няньцзянь, с. 344.
19. 1998 Чжунго цзинцзи няньцзянь. С. 343-344.
20. Чжунго фуу маои фанлюе. С. 194, 209.
21. Жэньминь жибао. 1999. 27 февраля.
22. Гоцзи маои. 1999. № 8. С. 62.
23. Ма Хун, Ван Мэнкуй чжубянь. Чжунго цзинцзи синши юй чжаньван: 1998/1999.- Ма Хун, Ван Мэйкуй (гл.ред.). Экономическая ситуация в Китае и прогноз: 1998/1999.- Пекин, 1999. С. 204.
24. Гоцзи маои, 1999. № 2. С. 58.
25. Чжаньлюе юй гуаньли (Стратегия и управление). Пекин, 1999. № 3. С. 50.

Российско-южнокорейское экономическое сотрудничество (на примере Якутии)

© 2000

С. Суслина

На фоне действительно особо значительного события в истории человечества - наступления нового тысячелетия - десятилетие официального установления торгово-экономических отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея, которым также ознаменован нынешний год, выглядит довольно скромной датой. Юбилей "местного значения" обеим странам предстоит отметить в обстановке неполного удовлетворения достигнутым и известного разочарования от несбывшихся надежд.

Тем не менее следует еще и еще раз проанализировать сложившуюся ситуацию, чтобы определить ее глубинные причины и выработать правильную стратегию и тактику действий. Попытаемся для этого несколько отойти от общепринятого рассмотрения вопроса исключительно на федеральном уровне, а совместить его с региональным аспектом - конкретно с Республикой Саха (Якутия).

Выбор этого субъекта Российской Федерации здесь не случаен: положение Якутии несколько предпочтительнее и благополучнее, чем России в целом. Географически она сравнительно близко расположена к Южной Корее. Да и Южная Корея проявила такой интерес к данному российскому региону, что в терминологии именно этих двух административно-географических образований речь пошла о создании действительно глобального проекта сотрудничества.

Как показывают материалы, южнокорейцы играют более значительную роль во всем международном экономическом сотрудничестве Якутии и, что особенно важно, в иностранной инвестиционной деятельности на якутской территории, чем в масштабах всей России.

Поэтому региональный аспект анализа всего российского сотрудничества с Южной Кореей через призму состояния дел только на якутском направлении если и недостаточно репрезентативен, то важен именно с точки зрения выявления степени серьезности сложившейся ситуации. Действительно, пусть даже Москва и Сеул в целом и не удовлетворены сотрудничеством, но как обстоят с этим дела на относительно благополучном участке - в Якутии? Если неплохо, то это могло бы послужить положительным опытом для всей нашей страны, для России и Южной Кореи как экономических партнеров в целом.

Итак, какими же основными показателями характеризуется состояние торгово-экономического сотрудничества России, и Якутии в ее составе в том числе, с Южной Кореей на исходе XX века?

Прежде всего отметим, что весь объем сотрудничества составил в 1999 г. не менее 3 млрд. долл.¹ В основном эта цифра включает поставки по офици-

---

Суслина Светлана Серафимовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН.

альным каналам, которые в истекшем году достигли около 2,2 млрд. долл. (в 1998 г. 2,1 млрд. долл.²). При этом вклад Республики Саха в эту торговлю предположительно находился на уровне 1% ;³ : объем якутской торговли с Южной Кореей в 1995 г. составил 22,4 млн. долл.⁴

Без преувеличения можно сказать, что такой объем сотрудничества ни в коей мере не соответствует экономическим потенциалам России (как и Якутии в ее составе) и Южной Кореи. Например, Китай, который позже нашей страны установил дипломатические отношения с Сеулом, всего лишь за пять лет сотрудничества почти в 7 раз превзошел оборот российско-южнокорейской торговли⁵.

Сравнительно небольшой торговый оборот стал главной причиной того, что каждая из стран играет весьма незначительную роль в мирохозяйственных связях друг друга. Удельный вес России в южнокорейском внешнеторговом обороте до самого последнего года лишь немного превышал один процент. При этом в 1998 г. доля нашей страны в южнокорейском экспорте составляла 1,2%, а в импорте и того меньше - 0,8%⁶. В период перед кризисом 17 августа 1998 г. наша страна занимала довольно незавидное, 16-е, место среди всех внешнеэкономических партнеров Южной Кореи, хотя среди стран с переходной экономикой все же смогла быть второй (после Китая)⁷.

Но и обратная ситуация не многим лучше. Южнокорейская доля во всей внешней торговле России в последние годы в целом также была невелика - около полутора процентов.⁸ Зато во внешнеторговом товарообороте Якутии на начало второй половины 90-х годов она достигала едва ли не 5%⁹.

По данным российской таможенной статистики, Южная Корея не занимала ведущих позиций и в российском экспорте и импорте: в 1998 г. - 0,7 и 2,5% соответственно¹⁰. Эти показатели намного уступают экспорту и импорту с Китаем: на него всего лишь за год до этого приходилось более 8 % внешне-торгового оборота Южной Кореи и только около 5 % - на Россию¹¹.

Довольно неоднозначна ситуация с балансом операций партнеров во взаимном сотрудничестве - в 1999 г. он впервые за целый ряд лет сложился в пользу Москвы. В 1998 г. в рамках официальной торговли российский экспорт в Южную Корею был менее 1 млрд. долл., а импорт - 1,2 млрд. долл.¹² Среди экспертов превалирует мнение, что в истекшем году эти показатели скорее всего составили, соответственно, 1,5 -1,6 млрд. долл. и 0,6- 0,7 млрд. долл., то есть положение дел поменялось принципиальным образом.¹³

Как видно из этих данных, Россия завершила истекший год с положительным сальдо в торговле с Южной Кореей. При этом профицит российско-корейского торгового баланса оценивается в 900 млн. долл., тогда как в 1998 г. был дефицит в размере около 200 млн. долл.¹⁴ Для Москвы в ее нынешнем сложном международном валютно-финансовом положении это не может не иметь важного практического значения. Предварительные расчеты показывают, что тем самым на долю Южной Кореи в общем объеме положительного сальдо, которым был отмечен весь внешнеторговый оборот нашей страны в 1999 г., пришлось свыше 3% (что в полтора-два раза больше южнокорейского удельного веса собственно во всей российской внешней торговле)¹⁵.

В известной мере незначительность объема взаимных экономических связей объективно относится на счет того, что они характеризуются пока заметной ограниченностью и неоднородностью его форм. Так, в российско-южнокорейском сотрудничестве абсолютно доминирует традиционная торговля (обычная купля-продажа на коммерческой основе), помимо которой, правда, занимают сравнительно заметное место также инвестиционное, кредитное и научно-техническое направления сотрудничества. Необходимо особо отметить неоправданно (с точки зрения потенциала и потребностей сторон) слабое раз-

витие всего комплекса сферы международных услуг в сотрудничестве, включая лизинг, концессионные отношения и лицензионный обмен.

При этом на торговлю приходится, видимо, до 95% всего массива взаимных экономических связей. Помимо уже упомянутой общей проблемы - недостаточной масштабности - этой торговле свойственны серьезные недостатки товарной структуры. Она типична для торговых отношений между более передовой, индустриально развитой страной, с одной стороны, и более отсталым государством со слабой экономикой - с другой. Поэтому в южнокорейском экспорте преобладает продукция обрабатывающей промышленности, а в российском - сырье и морепродукты.

Так, поставки из России в Южную Корею состоят из сырьевых товаров не менее, чем на 4/5 (основными позициями являются черные и цветные металлы, химическая продукция, древесина, целлюлоза, энергоносители). Однако в оставшейся части все же лидирующее положение занимают машины и оборудование. Кроме того, поставляются товары народного потребления.

Что же касается Якутии, то ее основными экспортными статьями в Южную Корею в 90-е годы являлись алмазы, бриллианты, уголь, олово, сурьма, круглый лес, металллом, пушно-меховое сырье, панты северного оленя, сувениры из кожи. Примером кооперационного сотрудничества могут служить поставки якутским предприятием "Якутуголь" коксового концентрата крупнейшей южнокорейской металлургической компании "ПОСКО".

Структура южнокорейских поставок разительным образом отличается от приведенной выше картины. Почти наполовину они состоят из продукции электротехнической и электронной промышленности, машин, оборудования и транспортных средств. Оставшаяся часть распределяется между продукцией добывающей промышленности, текстилем и текстильными изделиями и другими товарами широкого потребления.

При этом Якутия в 90-е годы ввозила из Южной Кореи примерно на 3/4 машиностроительную продукцию, и прежде всего - трубы, автотехнику, приборы и медицинское оборудование. Кроме того, она импортировала продукты питания и товары народного потребления.

Инвестиционное сотрудничество между обеими странами значительно уступает по масштабам и своему нынешнему значению взаимной торговле. И тем не менее оно играет самостоятельную немаловажную роль. На конец 1998 г. объем накопленных южнокорейских инвестиций в России составлял 132 млн. долл., вложенных в 88 проектов¹⁶. В то же время за весь 1998 г. в Россию из Южной Кореи поступило инвестиций, по официальным данным, на общую сумму 16,8 млн. долл.¹⁷ При этом есть основания считать, что в истекшем году они в общем итоге составили не менее 230-240 млн. долл. (в том числе уже на конец первого полугодия - 217,5 млн. долл.¹⁸).

Следует признать, что в настоящее время инвестиционное сотрудничество и совместное предпринимательство между Южной Кореей и Россией пока не достигли достаточно крупных масштабов, особенно в сравнении с другими странами - объектами южнокорейской инвестиционной активности. В 1998 г. весь объем осуществленных Южной Кореей за границей прямых инвестиций достиг 3,72 млрд. долл., вложенных в реализацию 550 проектов¹⁹. Тем самым в общем объеме южнокорейских прямых инвестиций за рубежом на Россию стало приходится в стоимостном выражении 3,5% (а по количеству объектов - 16%), что несоизмеримо меньше аналогичного показателя сотрудничества с Китаем, достигшего к тому же времени 22,8% по стоимости²⁰.

На 1 января 1998 г. на территории РФ было зарегистрировано 107 южнокорейско-российских СП; 3/5 из них приходилось на торговлю и общественное питание, коммерческую деятельность, а остальные - на материальное про-

изводство (добыча нефти и газа, выпуск электротехнических изделий, производство автомобилей, добыча и переработка рыбы и морепродуктов)²¹. Более половины всех южнокорейских проектов приходится на Дальний Восток; второе же место занимает Москва.

Инвестиционному сотрудничеству между обеими странами также присуща несбалансированность, выражающаяся в том, что незначительному объему южнокорейских капиталовложений противостоит на порядок ниже объем российских инвестиций в Южной Корее, достигший в 1998 г. около 10 млн. долл. в рамках 82 проектов²². В основном российские инвестиции направляются в сферу услуг и торговлю.

В Якутии, как и в России в целом, не совсем довольны тем, как развивается их инвестиционное сотрудничество с Южной Кореей. В 90-е годы в Республике Саха были созданы совместные с южнокорейцами предприятия по добыче угля, огранке алмазов, производству бытовых электроприборов и телевизоров ("Сахагук ЛТД", "Якор Алмаз Корпорейшн", "Эрэл ЛТД", "СДА Алмаз" и др.). С начала этого процесса в 1993 г. весь объем накопленных южнокорейских вложений в якутскую экономику достиг во второй половине 90-х годов около полутора миллионов долларов (что составляет не менее чем десятую часть всех иностранных инвестиций в республику)²³. Причем в отдельные годы на Южную Корею приходилась чуть ли не половина всего притока иностранных инвестиций в Якутию (например, 46,6% в 1997 г.).

Наконец, что касается кредитного сотрудничества, то в контексте всей совокупности экономических связей между Россией и Южной Кореей оно характеризуется тем, что оказывает на них несоизмеримо большее отрицательное влияние, чем величина его. Дело в том, что развитие кредитных отношений между Россией и Южной Кореей, начавшееся с предоставления в 1990 г. Сеулом Москве займа в размере 3 млрд. долл., очень скоро натолкнулось на серьезное препятствие в виде непогашения Россией этой задолженности (в настоящее время российский долг с процентами составляет свыше 1,7 млрд. долл.²⁴). Это не только вызвало отказ южнокорейцев выделять дальнейшие государственные кредиты, но и стало серьезно сдерживать развитие Сеулом всех других форм сотрудничества с нашей страной. Проблема до сих пор так практически и не решена, хотя в ходе состоявшегося в мае 1999 г. в Москву визита президента РК Ким Дэ Чжуна и была согласована процедура погашения задолженности посредством отсрочки платежей и получения южнокорейцами в счет долга сырья и оружия из России.

Проблема неурегулированности российской задолженности Южной Корее лежит с нашей стороны в плоскости ответственности центра, однако при этом имеет и косвенный региональный аспект. Та же Якутия не отвечает по федеральным долгам Сеулу, но, разумеется, разделяет известным образом отрицательные последствия "подмоченной" репутации центра в своих собственных взаимоотношениях с южнокорейскими партнерами.

Таким образом, к основным проблемам российской-южнокорейского экономического сотрудничества можно отнести: недостаточный объем взаимных операций, несбалансированность торговли, общее несовершенство форм хозяйственных связей (в особенности слабое развитие перспективных направлений - лицензионного, информационного сотрудничества и торговли услугами), отсталую товарную структуру обмена, непогашение кредитной задолженности.

При характеристике взаимного сотрудничества обеих стран не обойтись без выявления и анализа его динамики. К сожалению, за последние годы стоимостный объем взаимного сотрудничества практически застыл на отметке несколько ниже 3 млрд. долл.

Зато, напротив, как раз на рубеже веков максимальной динамикой характеризовалось сальдо взаимного экономического сотрудничества. В 1999 г. активное сальдо стало принадлежать, причем с заметным перевесом, России, тогда как всего лишь за год до этого им устойчиво владела Южная Корея. Южнокорейский экспорт в Россию в январе - ноябре прошлого года не только не вырос, а даже упал на 46% по сравнению с тем же периодом 1998 г., тогда как встречный импорт, наоборот, увеличился почти на 60%²⁵.

Динамика же товарной структуры российско-южнокорейской торговли весьма слабая. России, правда, удастся несколько более активно продвигать на экспорт в Южную Корею свою промышленную продукцию.

И, наконец, заслуживает быть отмеченным даже на относительно коротком временном отрезке после 17 августа 1998 г. вновь некоторое оживление инвестиционной деятельности Южной Кореи в России, особенно по предварительным итогам истекшего года. Всего лишь за первые шесть его месяцев объем инвестиций составил более 80 млн. долл. против почти 17 млн. долл. за весь предыдущий год²⁶.

Динамические изменения последних лет в сотрудничестве, как видим, могут служить лишь относительной основой для прогнозов насчет дальнейших перспектив развития российско-южнокорейских экономических отношений (включая также и их якутский компонент). Более подходящим для этого выглядит факторный анализ, и он приводит к следующим важным выводам.

Скорее всего после нескольких лет сравнительной неподвижности объем сотрудничества начнет возрастать: в России ожидается некоторое улучшение хозяйственной ситуации, а в Южной Корее - дальнейший рост экономики, то есть материальный потенциал взаимной торговли с обеих сторон, видимо, возрастет. Надо полагать, что Сеул попытается преодолеть дисбаланс торговли с Москвой. Наконец, будем надеяться, что наметившееся достижение большей определенности в российской политической ситуации обеспечит рост привлекательности нашей страны для зарубежных деловых кругов, и в том числе южнокорейских.

Предположительно, по крайней мере, в ближайшие год-два, все-таки сохранится положительный баланс внешнеторговых операций в пользу России, пусть даже и в меньшем размере. Прежде всего потому, что, скорее всего, будет продолжать действовать (правда, уже не в прежнюю силу) фактор гораздо более значительной девальвации российского рубля, чем южнокорейской воны.

Некоторое оживление инвестиционного сотрудничества в рамках двусторонних отношений должно произойти благодаря, будем надеяться, улучшению инвестиционного климата в России и облегчению финансового бремени Южной Кореи. Разумеется, львиная доля прироста подобной инвестиционной активности будет пока еще идти за счет роста капиталовложений из-за рубежа в нашу страну, а не наоборот.

Хотя проблема российской задолженности перед Южной Кореей еще не получила окончательного разрешения, представляется все же наиболее вероятным, что, достигнутая в мае 1999 г., договоренность между президентами обеих стран будет в той или иной мере реализована, а потому вопрос о непогашенной задолженности не будет больше столь же серьезно сдерживать развитие кредитного сотрудничества, а также других форм экономического взаимодействия двух стран.

Отмеченные перспективы затронут скорее всего и отношения Южной Кореи с Якутией, хотя они проявятся все же в меньшей степени. Тем не менее в пользу развития и совершенствования якутско-южнокорейских эконо-

мических связей свидетельствуют достаточно весомые объективные предпосылки с обеих сторон.

Для Республики Саха торговля с Южной Кореей будет и дальше играть важную роль, поскольку промышленное производство Якутии сориентировано в первую очередь на добычу, переработку и экспорт минеральных ресурсов. Топливо, сырье и металлы занимают более 90% в общем объеме якутского экспорта, - как раз то, в чем весьма заинтересована южнокорейская сторона.

Якутия, и не только как поставщик сырья, может стать довольно перспективным емким рынком для южнокорейских продовольственных товаров, машин и технологического оборудования, транспортных средств, товаров широкого потребления.

Таким образом, в экономическом сотрудничестве между двумя странами немало проблем. Решение их невозможно без правильного понимания причин сложившегося положения вещей.

При более конкретном рассмотрении причин в целом не вполне удовлетворительного состояния нашего сотрудничества следует различать те из них, которые носят либо долгосрочный, либо краткосрочный характер. В поставленной проблематике будет правомерным также выделить причины, зависящие отдельно либо от центра, либо от регионов (хотя они в значительной части и совмещаются, но на каждом из этих уровней федерального устройства есть свои специфические факторы).

При анализе проблем сотрудничества необходимо сосредоточиться прежде всего на тех из них, которые возникают с российской стороны, потому что, во-первых, именно они являются наиболее серьезными и сложными, и, во-вторых, российские факторы не только прямо воздействуют на характер сотрудничества сами по себе, но и в значительной степени опосредованно определяют отношения и подходы к взаимным экономическим отношениям со стороны Южной Кореи.

Как и следовало ожидать, Южная Корея отводит российской стороне роль главной причины нынешних проблем экономического взаимодействия между обеими странами. При этом южнокорейская сторона, как правило, не делает особого различия между значимостью отрицательных российских факторов, отводя каждому из них примерно одинаковую роль тормоза в развитии наших связей. Характерно при этом и то, что наши партнеры принципиально не различают два уровня (федеральный и региональный) действия таких факторов, воспринимая тем самым коммерческую действительность нашей страны в целом.

С российской стороны просматриваются следующие основные негативные факторы, осложняющие развитие нашего взаимного сотрудничества.

На федеральном уровне это, во-первых, ограниченная емкость российского рынка, слабые экспортные возможности, неэффективное предпринимательство. В Якутии все эти проблемы, возможно, стоят даже несколько более остро, чем в целом по стране, в том числе и по причинам изначально более низкого уровня развития республиканской экономики, особо сложных естественно-природных условий хозяйствования, довольно большой финансово-экономической зависимости от центра (который, как известно, нынче и сам стеснен в денежных и материально-технических средствах). Такая ситуация явно, и, как нам представляется, с определенными преувеличениями осознается южнокорейцами.

Во-вторых, экономические проблемы усугубляются некоторой политической неопределенностью в нашей стране. В Сеуле (как, впрочем, в преобладающей мере и во всем остальном зарубежном мире) склонны воспринимать эту неопределенность как реальную угрозу социально-политической стабиль-

ности в России. Ясно, что южнокорейцами это трактуется отнюдь не в пользу эффективности и безопасности любых форм их деловых связей с нашей страной.

В-третьих, серьезно сказывается и социально-экономическая незавершенность хозяйственных реформ на пути к созданию рыночной модели. Это объективно препятствует совместимости двух экономик, особенно на стыке инфраструктур обеих стран. Понятно, что подобное положение серьезно осложняет условия деятельности властей и деловых кругов Южной Кореи на российском внешнеэкономическом направлении.

В-четвертых, причиной особого свойства следует рассматривать определенные нестабильность и несовершенство российской законодательной базы внешнеэкономической деятельности. Представляется, например, что серьезной доработки требует вступивший в силу в июле 1999 г. новый "Закон об иностранных инвестициях в Российской Федерации". Очевидно, что он не может максимально эффективно и полезно действовать без соответствующего набора совершенных правоустанавливающих актов: законов о частной собственности на землю, о приватизации, о банкротстве, о валютном регулировании, о налогообложении, которые формулировали бы единую государственную политику в отношении иностранных капиталовложений на территории России. Для Якутии и других регионов России, находящихся в аналогичном положении, особо важной является также практическая проработка (в плане определения сфер применения, в первую очередь) "Закона о соглашениях о разделе продукции".

В-пятых, среди причин опосредственного воздействия можно назвать чрезмерную (как отмечают не только южнокорейские деловые круги, но и международные рейтинговые организации) коррупцию власти, а также высокий уровень криминализации бизнеса в нашей стране. Существование в России подобных явлений, несомненно, отпугивает ее потенциальных зарубежных партнеров.

Впрочем, будет несправедливо не сказать о том, что как раз с этим обстоятельством далеко не все так просто именно в случае с южнокорейцами. Дело в том, что у них самих иммунитет к коррупции и криминалу стал вырабатываться лишь с недавних пор (в ходе чисток, развернутых с особой силой администрацией президента Ким Дэ Чжуна). Поэтому южнокорейские предприниматели не только сталкивались и свыклись с самим по себе явлением коррупционных связей власти и бизнеса, но и умеют обратить его себе на пользу, что может даже создать им известные конкурентные преимущества на российском рынке.

На региональном уровне, точнее, в Якутии, южнокорейская сторона выделяет несколько негативных факторов, препятствующих сотрудничеству.

Во-первых, слабое развитие инфраструктуры, которое тормозит формирование благоприятного инвестиционного климата в республике, а также существенно снижает привлекательность Якутии как торгового партнера. Особенно страдает республика от нехватки и слабой пропускной способности транспортных артерий на своей обширной территории, дефицита современных средств связи, несовершенства банковской сети.

Во-вторых, неудовлетворительный внешнеэкономический менеджмент, что проявляется в первую очередь в нехватке и низкой квалификации национальных кадров соответствующего профиля. В республике это понимают и уделяют этому вопросу повышенное внимание. Впрочем, иногда прибегают в этих целях к довольно своеобразным акциям (скажем, путем развертывания кампании по фактически поголовному овладению знаниями английского языка местным чиновничеством).

Кроме того, в этой части России есть еще одна причина, особо отмечаемая южнокорейцами - тяжелые климатические условия и географическая

удаленность Якутии. В Сеуле высказывают в этой связи мнение, что такого рода негативные факторы следовало бы компенсировать в коммерческой практике предоставлением дополнительных льгот, как это принято во многих других странах.

Что же касается причин южнокорейского происхождения, негативно влияющих на состояние экономического сотрудничества между обеими странами, то они следующие.

Наиболее значительным фактором, причем на довольно длительную перспективу, является кризис южнокорейской экономики в 1997-1998 гг. и его серьезные последствия. Эта, во многом неожиданно возникшая для Южной Кореи, ситуация вынуждает ранее динамично развивавшееся хозяйство одного из главных "азиатских драконов" серьезно заняться своей внутренней перестройкой, уделяя несколько меньшее (насколько это вообще возможно в экспортоориентированной стране) и более селективное внимание внешнеэкономической сфере. Ясно, что при этом должна была в первую очередь пострадать и без того не пользовавшаяся в Сеуле приоритетом Россия, а в рамках ее самой - те регионы, которые не характеризуются какой-либо совсем уж выдающейся коммерческой привлекательностью (как, увы, и Якутия).

Следующий южнокорейский фактор непосредственно вытекает из первого, но заслуживает самостоятельного рассмотрения ввиду особой важности конкретно для экономических отношений с Россией. Речь идет о резком ухудшении финансовой ситуации в Южной Корее, причем как на государственном уровне, так и на частнопредпринимательском (что для российского бизнеса может оказаться еще важнее). В этом одна из главных внутренних причин того, почему Сеул воздерживается пока от крупномасштабного кредитования проектов в России, а также "заморозил" на неопределенную перспективу решение вопроса о государственном страховании своих бизнесменов, участвующих в инвестиционных проектах в России. В результате наметился, может быть, и временный, но все же отток южнокорейского капитала из нашей страны, закрытие в нашей стране представительств ряда фирм Южной Кореи, свертывание некоторых совместных проектов, усилившееся взаимное недоверие сторон в отношении кредитоспособности друг друга.

При всем при том, что указанные причины представляются главными, не следует недооценивать негативного влияния ряда других обстоятельств хотя и более мелкого и частного свойства, но способных с особой силой проявиться конкретно в тех или иных экономических проектах и коммерческих сделках. Именно таким, например, стал факт более значительного обесценения рубля по сравнению с воной, что через известный эффект от девальвации не просто серьезно ухудшило позиции южнокорейцев в совместном бизнесе вообще, а непосредственно привело к сокращению масштабов и даже краху многих прежних взаимовыгодных операций (не говоря уже о разворачивании новых).

Таким образом, в основе нынешних (причем зачастую приобретенных уже характер хронических, несмотря на относительную молодость российско-южнокорейских отношений вообще) проблем взаимного экономического сотрудничества лежат действительно серьезные и сложные обстоятельства. Правоммерно в целом говорить о системном свойстве этих причин, так как они уходят корнями прежде и больше всего в нынешнее переломное состояние российского общества. Однако, в свою очередь, само это состояние, в более широком контексте, пристокает из характера текущего этапа в истории всего человечества.

Этот вроде бы всего лишь абстрактно-теоретический вывод имеет вполне определенное практическое значение для выработки мер по совершен-

ствованию организации российско-южнокорейского экономического сотрудничества. А именно: необходимо реально осознать и объективно признать, что обе стороны в состоянии совершать управленческие маневры в этой сфере лишь в весьма узких, ограниченных пределах. Поэтому задача заключается прежде всего в том, чтобы максимально полно использовать даже эти, хотя бы и относительно небольшие, возможности развития.

Среди относительно более доступных, из числа максимально актуальных, возможностей следует в первую очередь назвать необходимость дальнейшего совершенствования российского законодательства в сфере внешнеэкономической деятельности. Здесь, по-видимому, вся "загвоздка" не в том, что именно желательно делать, а как именно это следует сделать наилучшим образом. Вот как раз в этом смысле представляется весьма познавательным и полезным для Москвы соответствующий южнокорейский опыт. Разумеется, при том неременном условии, что он будет не просто слепо скопирован, а осмысленно адаптирован к конкретным российским условиям.

В этом смысле особый практический интерес может вызвать южнокорейская практика привлечения иностранных капиталовложений, что просто необходимо для оздоровления российской экономики. За годы своего ускоренного индустриального развития Южная Корея смогла создать, постоянно расширяя и совершенствуя ее, одну из самых надежных и привлекательных систем международных финансовых заимствований. Не будет преувеличением сказать, что нынешняя Южная Корея располагает одним из самых эффективных, с действенной правовой базой и инвестиционной инфраструктурой в том числе, механизмов привлечения иностранных капиталовложений в мире. Для России было бы полезно последовать этому примеру и расширить объем льгот для иностранных инвесторов, пересмотрев, в частности, некоторые не совсем совершенные положения последнего закона об иностранных инвестициях.

В интересах повышения эффективности взаимного сотрудничества для России было бы целесообразно создать свою собственную внешнеэкономическую структуру по типу южнокорейской КОТРА (Корейской корпорации по содействию торговле и инвестициям), аналогичным образом предоставляющую перспективным инвесторам весь комплекс услуг по так называемой схеме "one stop service". Эта организация могла бы выполнять широкие функции проводника и гаранта безопасности иностранных капиталовложений в России. Как известно, в Южной Корее подобную деятельность осуществляет КОТРА, и особенно созданный в середине 1998 г. в ее составе специальный орган - Корейский центр инвестиционных услуг. В определенном смысле это адекватный южнокорейский отклик на актуальные потребности глобального мирового рынка.

Так, открытое в 1989 г. отделение КОТРА в Москве, безусловно, играет значительную роль в расширении и совершенствовании нашего двустороннего сотрудничества. Однако в России ему пока не противостоит какая-либо наша собственная внешнеэкономическая структура, способная стать достойным партнером КОТРА. Между тем создание подобной организации в России могло бы самым эффективным образом повлиять на решение многих сложных проблем, а в чем-то, возможно, и снять накопившиеся за последние годы напряженность и недопонимание.

Необходимо активизировать внешнеэкономическую деятельность на региональном уровне России и, в частности, на территории богатой природными ресурсами Якутии. Этот регион особенно нуждается в таких мерах по линии совершенствования внешнеэкономического законодательства всей нашей страны, как уже упоминавшееся определение сфер применения закона о соглашениях о разделе продукции, а также разумное снижение налоговых ста-

вок для иностранных предпринимателей в России. Акции подобного рода способствовали бы практическому развертыванию действительно значительного производственного потенциала этой российской республики.

По материалам федеральной "Программы социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на 1995-2005 гг.", потребность Якутии в капиталовложениях составляет более 3 млрд. долл.²⁷ Правительством Республики Саха разработаны приоритетные направления инвестиционной политики, включая строительство объектов энергетики, нефтегазового комплекса, переработки сельскохозяйственной продукции, транспортное строительство, строительство индивидуального жилья. В рамках подпрограммы "топливно-энергетический комплекс" Якутия выдвигает первоочередной задачей стабилизацию производства и повышение эффективности работы угледобывающих предприятий. В качестве наиболее приоритетных направлений развития нефтеперерабатывающей отрасли объявлены: создание комплексов по добыче и переработке нефти (Иреляхское, Среднеботуобинское, Талаканское месторождения); организация переработки газового конденсата (на Средневилюйском ГКМ). Государственная поддержка обещана в части финансирования строительства важнейших для республики энергетических объектов и железных дорог, что, как считают в Якутии, может стать стимулом для привлечения иностранных инвестиций.

Южнокорейская же сторона заинтересована в совместных инвестиционных проектах по освоению природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока (нефтегазовых месторождений Сахалина и Якутии, каменного угля, медных руд) для устойчивого получения энергоносителей, сырья и материалов, из чего ясно, что основным направлением южнокорейских капиталовложений в РФ остается освоение природных ресурсов, в частности географически близлежащих районов. Для южнокорейских фирм это по существу единственный реальный путь расширения поступлений из России необходимых им сырьевых оваров.

Одним из наиболее крупных совместных инвестиционных проектов могло бы стать освоение газового месторождения в Республике Саха и прокладка газопровода из северных районов Якутии в Республику Корея. Ориентировочная стоимость всего проекта оценивается специалистами в 20-25 млрд. долл.²⁸ Для координации взаимных усилий в свое время был создан российско-южнокорейский консорциум, который в конце 1995 г. приступил к разработке ТЭО данного проекта. Однако многие объективные причины пока затрудняют его реализацию. В 1996 г. правительством Якутии и администрацией Иркутской области было достигнуто согласие о необходимости объединения проекта "Саха Газ" и проекта освоения Ковыктинского газоконденсатного месторождения (Иркутская обл.) в единый, с рассмотрением различных вариантов трассы транссибирской газовой магистрали для экспорта природного газа в страны АТР.

Даже при таком далеко не полном обзоре текущей ситуации и возможных перспектив нашего сотрудничества создается впечатление очевидной нехватки еще одного звена, которое могло бы более рациональным образом в условиях господства рыночных отношений связать если не экономики двух стран вообще, то хотя бы их определенные деловые круги. Речь идет о давно назревшей необходимости создать двухстороннюю смешанную государственно-частную структуру, представляющую и обслуживающую интересы как российского, так и южнокорейского бизнеса (любого масштаба, но, по вполне понятным причинам, особенно мелкого и среднего предпринимательства) в их взаимном сотрудничестве. Для продвижения российских предпринимателей на южнокорейский рынок и южнокорейских бизнесменов на все региональные

рынки России эта организация выполняла бы функции обеспечения их качественной и достоверной деловой информацией, подбора достойных партнеров по бизнесу, подготовки и обеспечения реализации коммерческих проектов. Тем самым были бы достигнуты высокое качество, необходимая компетентность, полная комплексность, гарантированная надежность предоставления информационных, посреднических, представительских, коммерческих и всех других видов услуг, в которых остро нуждаются и которые пока объективно не могут получить иностранные предприниматели в России.

Признание того, что большинство проблем сотрудничества, а значит, и подходов к их решению лежит на российской стороне, еще не может служить основанием для "освобождения" южнокорейцев от своей доли забот об экономических отношениях с нашей страной. Наоборот. Ситуация самого последнего времени, а именно итоги 1999 г. в сотрудничестве, заставляет предположить, что в Сеуле известным образом упустили нить событий, даже утратили контроль над ситуацией.

В истекшем году заметно упала и без того низкая доля нашей страны во всем внешнеэкономическом обороте Южной Кореи, который как раз сейчас испытывает во всем мире серьезный подъем. Еще более неприятным сюрпризом для наших дальневосточных партнеров явилось, по всей видимости, то, что произошло это главным образом за счет чуть ли не катастрофического падения объема их поставок в нашу страну: - на почти полмиллиарда долл., или на 40% за один только 1999 год!²⁹ В Сеуле, который в общем-то и сам, образно говоря, в немалой степени "живет в долг" (а долги, как известно, когда-нибудь надо отдавать), вряд ли могут быть обрадованы совершенно новым для наших экономических отношений феноменом активного российского сальдо.

Возможно, если исходить из сугубо российских "патриотических" позиций, это не должно было бы нас особо заботить. Но принципиальная логика сотрудничества состоит во взаимном соответствии интересов партнеров. Руководствуясь именно этим, хотелось бы искренне порекомендовать южнокорейским властям и деловым кругам уделить особое внимание экономическим связям с нашей страной.

И еще один добрый совет: с этим следует поторопиться. Или, по крайней мере, привести себя в состояние полной готовности к этому. Да, сейчас еще в России огромное количество проблем, но они, во всяком случае, уже больше не множатся. Более того. Можете называть это не признаками, а всего лишь признаками признаков, но и в политике, и в экономике нашей страны события все же складываются все более обнадеживающим образом.

Что же касается места и роли конкретно Якутии в этом процессе, то, возможно, ей и не суждено быть в авангарде этого нового и, будем надеяться, эффективного и устойчивого подъема российско-южнокорейских экономических связей. И все же Республика Саха вполне заслуживает именно такой счастливой участи. Вот только реализуется ли она на самом деле, во многом зависит от того, насколько прозорливыми, активными и по-настоящему деловитыми смогут быть наши южнокорейские партнеры.

1. Рассчитано по: Данные Госкомстата за 11 мес. 1999 г.; Оценочные данные Министерства торговли РФ за 1999 г.; Customs Commodity Statistics of ROK (for January - November 1999).
2. Оценочные данные КОТРА за 1999 г.; National Statistical Office ROK. Major Statistics of Korean economy 1998. Pp. 244-259.
3. Рассчитано по: Данные Представительства Республики Саха (Якутия) в Российской Федерации.
4. По материалам Представительства Якутии в РФ.

5. Ли Джон Мун. Республика Корея - Россия: экономическое сотрудничество. М., 1999. С. 67; KITA. The Trend of Foreign Trade. 1997. Pp. 3, 9.
6. Рассчитано по: Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации. Сб., 1998 г. М., 1999. С. 459; Korea Annual. 1999. Seoul, 1999. P. 156.
7. Ли Джон Мун. Республика Корея - Россия: экономическое сотрудничество М., 1999. С. 67.
8. Рассчитано по: Россия в цифрах 1998: Крат. стат. сб./ Госкомстат России. М., 1998. С. 370-371.
9. Статистические бюллетени Госкомстата РС (Якутия) 1996 г.
10. Рассчитано по: Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации. Сб. 1998 г. М., 1999. С. 459.
11. National Statistical Office ROK. Major Statistics of Korean Economy. Seoul, 1998. Pp. 244-259.
12. Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации. Сб., 1998 г. М., 1999. С. 459.
13. Оценка автора по предварительным данным министерства торговли РФ и представительства КОТРА в РФ.
14. По данным: Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации. Сб., 1998 г. М., 1999. С. 459.
15. Расчеты автора по : Независимая газета. 1999. 22 декабря.
16. Overseas Direct Investment Statistics Annals, The National Association of Korean Banks. Seminar on Industrial Restructuring Policy. Seoul, August, 1999. P. 53.
17. Ibid.
18. Оценка автора по данным Министерства экономики РФ за 11 мес. 1999 г.
19. Korea Annual 1999. Seoul. 1999. P. 156.
20. Рассчитано по: Seminar on Industrial Restructuring Policy. Seoul, August, 1999. P. 53; Korea Annual 1999. Seoul, 1999. P. 156.
21. Ли Джон Мун. Республика Корея - Россия: экономическое сотрудничество. М., 1999. С. 93.
22. ROK Ministry of Finance, Trends of International Investment and Technology Transfer. Seminar on Industrial Restructuring Policy. Seoul, August, 1999. P. 55.
23. Данные Минюста РС (Якутия) 1992-1997. Реестр 1998 г. по действующим совместным и иностранным предприятиям на территории РС (Якутия).
24. Россия и Корея на пороге нового столетия. Материалы 3-й научной конференции. М., 25-26. марта. 1999. С. 43.
25. Оценочные данные Московского представительства КОТРА.
26. Рассчитано по данным Минэкономики РФ за 1 п/г 1999 г. и статистическим данным Seminar on Industrial Restructuring Policy. Seoul, August, 1999. P. 53.
27. Федеральная Программа социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на 1995-2005 гг. Саха сирэ, Якутия - 2005. Якутск, 1995.
28. Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия. Проблемы экономического сотрудничества. ИДВ РАН. М., 1998. С. 106.
29. Расчеты автора.

Машиностроение КНР: успехи и проблемы

© 2000

Н. Коледенкова

Осуществление программы модернизации Китая сопровождается технической реконструкцией промышленности и всего народного хозяйства, и здесь основная роль принадлежит машиностроительной промышленности.

Считается что, по уровню технологического развития Китай отстает от промышленно развитых стран примерно на 20-25 лет; 90% выпускаемых в Китае средств производства производится на основе технологии, соответствующей уровню промышленно развитых стран начала 80-х годов. Поэтому, хотя, согласно официальным данным, машиностроительная промышленность более чем на 85% обеспечивает потребности собственной экономики, качественный уровень и ассортимент выпускаемой продукции в основном не соответствуют мировому уровню. Слабость отечественной машиностроительной базы - одна из главных причин общей технико-экономической отсталости Китая от промышленно развитых стран. В марте 1996 г. на 4-й сессии ВСНП 8-го созыва была принята перспективно-целевая программа экономического и социального развития КНР до 2010 г., в которой машиностроение включено в перечень первоочередных отраслей промышленности которые государство будет развивать в ближайшей и долговременной перспективе. Машиностроение должно стать высокоразвитой комплексной отраслью промышленности, технико-экономический уровень которой должен соответствовать современным требованиям.

Следует отметить, что в конце 90-х годов машиностроение является ведущей отраслью промышленности КНР. В 1998 г. валовая продукция отрасли увеличилась в 11,2 раз по сравнению с 1980 г., а ее удельный вес составил 22,4% в валовой продукции промышленного производства.

Произошли изменения в производстве главных видов продукции машиностроительного комплекса. Так, 1979-1998 гг. производство энергетического оборудования увеличилось в 3,3 раза, горнорудного оборудования - в 1,5 раза, автомобилей - в 10,9 раза. Резко возросло также производство потребительских товаров машиностроительной промышленности. Так, если в 1978 г. производство холодильников составило 28 тыс. единиц, то в 1998 г. - 10 млн. 600 тыс. единиц, производство стиральных машин составило, соответственно, - 400 тыс. и 12 млн. 73 тыс. единиц, фотоаппаратов 178,9 тыс. и 55 млн. 219 тыс. единиц, велосипедов 8,54 млн. шт. и 23,12 млн. (Чжунго тунцзи няньцзянь. 1999. С. 441-442).

В этот период было переоснащено примерно 40% важнейших объектов машиностроения, что позволило существенно повысить качество выпускаемой продукции. Как следствие, в 1980-1990 гг. удельный вес продукции

Коледенкова Наталья Никитична, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

* Подготовлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 99-02-00287а.

машиностроительной промышленности, соответствующей международному техническому уровню конца 70 - начала 80-х годов, повысился с 10-15 до 30-35%, а к середине 90-х годов достиг 50%. По данным на 1997 г., Китай по объему производства продукции машиностроения занимал 7-е место в мире, уступая Соединенным Штатам, Японии, Германии, России, Франции и Великобритании.

В настоящее время машиностроительная промышленность Китая располагает значительными производственными возможностями. КНР создает новые образцы ракетно-ядерного оружия, запускает искусственные спутники Земли, осуществлен запуск космического корабля, строит крупные энергоагрегаты, производит оборудование для доменных печей объемом 2500 куб. м, выпускает более 160 комплектов крупного оборудования, современные буровые машины для нефтяной промышленности, установки по производству синтетического аммиака для нефтехимической промышленности, сдана в эксплуатацию магистральная линия оптической связи Пекин- Тяньцзинь-Шанхай, созданная на основе самостоятельного освоения технологии производства кабеля. На группе предприятий стала применяться система создания компьютерных интегральных схем. Однако эти и другие успехи еще не дают достаточно полной характеристики уровня развития отрасли. Рост продукции машиностроения достигался главным образом за счет увеличения количества предприятий, а не за счет роста производительности труда.

Таблица 1

Основные факторы развития машиностроительной промышленности

	Среднегодовые темпы прироста, в %		
	1981-1985 гг.	1986-1990 гг.	1991-1995 гг.
Валовая продукция	13,6	13,8	22,8
Количество предприятий		2,8	5,6
Численность занятых рабочих и служащих	3,4	1,8	-1,7
Производительность труда	10,4	9,1	-3,0
Фондоотдача	7,8	2,5	5,0
Инвестиции	6,3	11,1	3,4

Рассчитано по: Чжунго гунъе цзинци тунци няньцзянь. Пекин. 1993. С. 90-193; Чжунго тунци няньцзянь. Пекин. 1996. С. 402, 414, 427; Чжунго тунци няньцзянь. Пекин. 1997. С. 158, 412, 424, 436-437.

Очевидно, что роль интенсивных факторов роста в машиностроении оставалась не столь значительной, рост фондовооруженности труда не обеспечил в полной мере ускоренное повышение его производительности.

Вместе с тем машиностроительная промышленность все еще не может обеспечить надлежащее развитие ряда важных отраслей китайской экономики, включая черную металлургию, цветную, угольную, электроэнергетическую промышленность, станкостроение, нефтехимию, автомобильную, а также способствовать механизации сельского хозяйства, что вызывает необходимость в значительных количествах импортировать машины, приборы, разрозненное и комплексное оборудование.

Производственные возможности машиностроения в решающей степени зависят от насыщения его современным оборудованием. В КНР по

сравнению с промышленно развитыми странами в парке металлорежущих станков чрезвычайно высок удельный вес обычных универсальных токарных, строгальных и сверлильных станков и недостаточно - шлифовальных, обеспечивающих высокое качество обработки. В станочном парке мало такого ценного технологического оборудования, как расточные и зубообрабатывающие, высокопроизводительные долбежные и протяжные станки, токарные автоматы и полуавтоматы, станки с числовым программным управлением. Машиностроение продолжает испытывать недостаток современного кузнечно-прессового, литейного и сварочного оборудования. Между тем рациональное улучшение структуры металлообрабатывающего оборудования требует повышения удельного веса в нем прогрессивных видов кузнечно-прессового, литейного, сварочного оборудования, электроэрозионных, ультразвуковых, лазерных и других видов оборудования, что не только снижает металлоемкость производства, но и резко увеличивает производительность труда и открывает большие технические возможности при освоении производства сложной современной техники.

Особо следует указать на состояние основных производственных фондов и вопросы рентабельности. Характер и степень использования фондов машиностроительной промышленности Китая имеют важное значение в связи с поставленной задачей по модернизации промышленности страны, перевод ее на рельсы эффективного развития. Удельный вес машиностроения в отраслевой структуре основных фондов государственной промышленности КНР снизился в 1998 г. по сравнению с 1980 г. и 1985 г. Так, в 1998 г. он составил - 15,3%, в то время как в 1980 г. он равнялся 24,5%, а в 1985 г. - 22,7%. Таким образом, основные фонды машиностроительной промышленности возрастают, а их доля в общем объеме производственных фондов страны сокращается. В то же время известно, что увеличение основных фондов отрасли способствует увеличению ее производственных мощностей и, следовательно, росту выпускаемой продукции. В результате произошло снижение удельного веса машиностроительной промышленности в отраслевой структуре валовой продукции промышленности КНР с 25,5% в 1980 г. до 22,4% в 1998 г. Это привело к очевидному снижению уровня рентабельности всего промышленного производства страны, поскольку осуществление технической реконструкции основных фондов страны и фондов самой отрасли в значительной мере зависит от возможностей отечественного машиностроения. В настоящее время эти возможности крайне ограничены.

Ввиду этого более реалистическим путем технической реконструкции китайской промышленности считается повышение производительности труда в машиностроении, чтобы заложить основы снижения стоимости единицы продукции машиностроения и создать условия для широкого внедрения новой техники и обновления основных фондов на менее фондоемкой основе. За 1980-1998 гг. основные производственные фонды машиностроительной промышленности увеличились в 9,5 раза и на 1998 г. составили 992,5 млрд. юаней. В 1998 г. 3,2% стоимости основных производственных фондов промышленности страны приходилось на общее машиностроение, 4,7% - на фонды транспортного машиностроения, 2,2% - на фонды специального оборудования, 2,8% - на фонды электротехнической промышленности, 0,6% на фонды изделий бытового назначения.

Для оценки использования основных фондов применяется ряд показателей. Наиболее важным обобщающим показателем использования основных производственных фондов является фондоотдача (См. таблицу 2).

Таблица 2

**Расчет эффективности использования основных производственных фондов
в машиностроительной промышленности (млрд. юаней)**

Годы	Промышленность			Машиностроительная промышленность		
	Валовая продукция	Основные производственные фонды	Фондоотдача (1 юаня)	Валовая продукция	Основные производственные фонды	Фондоотдача (1 юаня)
1980	470,2	415,4	1,132	96,8	101,9	0,950
1985	843,5	692,6	1,218	200,2	144,3	1,387
1986	943,6	792,1	1,191	217,0	157,2	1,380
1987	1138,6	915,8	1,243	260,5	180,3	1,445
1988	1458,6	1064,1	1,371	336,6	202,7	1,660
1989	1747,4	1247,4	1,400	392,6	225,7	1,739
1990	1868,9	1438,9	1,299	389,1	248,5	1,566
1991	2208,9	1715,6	1,288	472,9	286,3	1,652
1992	2772,4	1996,3	1,389	654,8	329,1	1,989
1995	5494,6	3844,4	1,429	1279,6	640,1	1,999
1996	6274,0	5202,6	1,206	1480,9	1079,2	1,372
1997	6835,3	5956,9	1,147	1595,8	971,9	1,642
1998	6773,7	6483,2	1,045	1518,4	992,5	1,529

Рассчитано по: Чжунго гунъе цзинци ньянцзянь 1993. Пекин: 1993. С. 103, 114-115, 142, 153-154;

Чжунго тунци ньянцзянь. Пекин. 1996. С. 414-415;

Чжунго тунци ньянцзянь. Пекин. 1997. С. 424-425;

Чжунго тунци ньянцзянь. Пекин. 1998. С. 444-445;

Чжунго тунци ньянцзянь. Пекин. 1999. С. 432-433.

Из приведенных данных видно, что эффективность использования основных фондов в рассматриваемый период возросла по промышленности в 1,132 юаней в 1980 г. до 1,045 юаней в 1998 г., а фондоотдача в машиностроительной промышленности увеличилась с 0,950 юаней в 1980 г. до 1,529 юаней в 1998 г., т.е. в 1,6 раза. Таким образом, для машиностроительных предприятий характерно увеличение производства продукции на вложенный 1 юань. Это объясняется опережающими темпами роста валовой продукции машиностроения по сравнению с темпами роста основных производственных фондов. Кроме того, слабое обновление производственных фондов в машиностроении тормозит рост эффективности всего промышленного производства страны. Таким образом, все более необходимым становится обновление производственных фондов прежде всего в этой отрасли.

Другим обобщающим показателем экономической эффективности работы предприятий за определенный период времени является показатель рентабельности. Общее представление о рентабельности машиностроительных предприятий КНР за годы реформы можно получить при рассмотрении и сопоставлении финансовых показателей предприятий государственной промышленности (см. таблицу 3).

Таблица 3

Финансовые показатели производственной деятельности промышленных предприятий в целом по стране и предприятий машиностроительной промышленности, в %

Годы	Промышленные предприятия в целом по стране		Машиностроительные предприятия	
	Общая рентабельность	Уровень рентабельности	Общая рентабельность	Уровень рентабельности
1980	25,20	22,65	21,7	20,7
1985	23,76	19,64	25,7	19,7
1986	20,43	17,65	19,2	15,7
1987	19,95	16,64	14,2	14,"
1988	20,53	15,69	18,6	11,2
1989	16,79	13,02	15,4	9,4
1990	12,20	10,41	10,1	8,4
1991	11,88	10,11	10,7	8,3
1992	9,89	10,10	10,9	8,8
1995	8,29	3,81	6,3	2,8
1996	7,11	3,05	5,2	2,2
1997	6,92	3,17	5,1	2,2
1998		2,35		1,8

Рассчитано по: Чжунго гунге цзинци ньянцзянь 1993. Пекин. 1993. С. - 168, 179- 180;

Чжунго тунци ньянцзянь. Пекин. 1996. С. 426-427;

Чжунго тунци ньянцзянь. Пекин. 1997. С. 426-427;

Чжунго тунци ньянцзянь. Пекин. 1998. С. 459;

Чжунго тунци ньянцзянь. Пекин. 1999. С. 437.

Как видно из таблицы 3, происходит снижение рентабельности предприятий не только в целом по всей промышленности, но и на предприятиях машиностроения. Так, за 17 лет реформ общая рентабельность промышленных предприятий страны снизилась в 3,6 раза, а в машиностроительной промышленности в 4,2 раза. Та же тенденция прослеживается и с показателем уровня рентабельности. Так, уровень рентабельности промышленных предприятий в целом по стране понизился с 22,65 в 1980 г. до 3,17% в 1997 г., а в машиностроительной промышленности с 20,7 до 2,2%. Это свидетельствует о тяжелом положении, которое сложилось в машиностроительной промышленности. Хотя, согласно публикуемым в КНР данным, машиностроительная промышленность страны примерно на 85% обеспечивает потребности экономики, качественный уровень и ассортимент выпускаемой продукции зачастую способны обеспечить лишь простое воспроизводство общественного продукта. Если в 80-е годы удавалось путем "навязывания" сбывать продукцию машиностроения, что и позволило довести уровень рентабельности отрасли в 1985 г. до 25,7%, то по мере расширения внешнеэкономических связей и притока новой техники из-за рубежа становится все труднее реализовывать продукцию отечественного машиностроения. В результате уровень рентабельности машиностроения снизился в 9,4 раза.

Несмотря на тяжелое положение, которое сложилось в отрасли процесс модернизации и технической реконструкции машиностроительного комплекса продолжается. При этом важная роль отводится привлечению иностранной современной техники и технологии. Известно, что привлечение иностранного капитала призвано не только восполнить нехватку финансовых средств и способствовать преодолению отсталости отечественной техники и технологии, но и способствовать качественному повышению уровня развития машиностроительной промышленности. Как отметил в своем докладе Цзян Цзэминь на 5-м пленуме ЦК КПК 14-го созыва (сент. 1995 г.), в ходе модернизации такой крупной страны, как Китай, необходимо отрегулировать соотношение между расширением внешних связей и опорой на собственные силы, исходя при этом из приоритета второго фактора. Нужно заимствовать передовую технику и технологию, но сочетать это с собственным освоением и новаторством, чтобы выявить свои преимущества. Нужно использовать иностранный капитал, но одновременно следует уделять больше внимания накоплению своего капитала. Только таким образом Китай сможет ускорить сокращение отставания от развитых стран.

Курс на активное привлечение передовой зарубежной техники и технологии выразился прежде всего в значительном наращивании машинного импорта, с помощью которого Китай пытается прежде всего ускорить развитие таких отраслей, как тяжелое машиностроение, станкостроение, транспортное, а также ряда других. Импорт оборудования для нефтехимической промышленности и производства искусственного волокна позволил создать новые для страны отрасли машиностроения. А импорт металлургического, горнорудного, энергетического оборудования, станкостроения, транспортных средств позволил не только увеличить производство, но и повысить качество и расширить ассортимент продукции.

В результате проводимой целенаправленной работы по наращиванию производства на совместных предприятиях, созданию экспортноориентированных производств, проводимых мероприятий по повышению качества выпускаемой продукции Китаю в последние годы удалось достичь высоких темпов роста объемов экспорта продукции машиностроения. По статистическим данным, экспорт машиностроительной продукции возрос с 0,8 млрд. долл. в 1980 г. до 5,6 млрд. долл. в 1990 г. и 13,2 млрд. долл. в 1992 г. В 1995 г. этот показатель достиг 31,4 млрд. долл., т.е. 21,1% всего объема экспорта, и занял первую позицию, в 1996 г. - 35,3 млрд. долл., т.е. 23,4%, в 1998 г. - 50,2 млрд. долл., или 27,3% (табл. 4). В дальнейшем можно ожидать значительного повышения удельного веса машин и оборудования в экспорте, что, однако, во многом будет зависеть от привлечения иностранных инвестиций в машиностроительный комплекс. Такое увеличение, по-видимому, должно иметь долгосрочную тенденцию в развитии внешней торговли страны, поскольку оно связано с курсом экономических реформ и модернизацией промышленности. Главная проблема - уравновесить рост объемов ввоза машиностроительных изделий соответствующими поставками китайских товаров на мировые рынки. В ближайшие годы по мере роста экспортного потенциала, необходимых валютных накоплений, при сбалансированной экономической политике следует ожидать сохранения преобладающей доли готовых промышленных изделий в импорте, прежде всего за счет машин и оборудования, транспортных средств.

Таблица 4

Динамика показателей импорта и экспорта продукции машиностроения

Годы	Импорт			Экспорт		
	Всего	в т.ч. продукция машиностроения		Всего	в т.ч. продукция машиностроения	
	млрд. долл.	млрд. долл.	в %	млрд. долл.	млрд. долл.	в %
1980	20,0	5,1	25,5	18,1	0,8	4,4
1985	42,2	16,2	38,4	27,4	0,8	2,9
1990	53,3	16,8	31,5	62,1	5,6	9,0
1995	132,1	52,6	39,8	148,8	31,4	21,1
1996	138,8	54,8	39,5	151,1	35,3	23,4
1997	142,4	52,8	37,1	182,7	43,7	23,9
1998	140,2	56,8	40,5	183,8	50,2	27,3

Рассчитано по: Чжунго тунци няньцзянь. Пекин. 1993. С. 634-635;

Чжунго тунци няньцзянь. Пекин. 1996. С. 581-582;

Чжунго тунци няньцзянь. Пекин. 1997. С. 589-590.

Чжунго тунци няньцзянь. Пекин. 1998. С. 621-622;

Чжунго тунци няньцзянь. Пекин. 1999. С. 579-580.

Таблица 5

Среднегодовые темпы прироста импорта и экспорта продукции машиностроительной промышленности, %

Периоды	Импорт		Экспорт	
	Всего	Продукция машиностроения	Всего	Продукция машиностроения
1981-1985	16,1	26,0	8,7	-
1986-1990	4,8	0,7	17,8	47,6
1981-1990	10,3	12,7	13,1	21,4
1991-1995	19,9	25,6	19,0	41,2
1981-1995	13,4	14,7	15,1	9,6
1981-1996	12,9	16,0	14,2	26,7
1981-1998	11,4	14,3	11,6	25,8

Рассчитано по: Чжунго тунци няньцзянь. Пекин. 1993. С. 634-635;

Чжунго тунци няньцзянь. Пекин. 1996. С. 581-582;

Чжунго тунци няньцзянь. Пекин. 1997. С. 589-590

Чжунго тунци няньцзянь. Пекин. 1998. С. 621-622;

Чжунго тунци няньцзянь. Пекин. 1999. С. 579-580.

В целом, следует отметить, что за период проведения экономической реформы внешняя торговля продукцией машиностроения развивалась быстрыми темпами. Ее среднегодовой темп прироста в 1981-1998 гг. составил 17,4 %, а всей внешней торговли страны - 12,6 %. Среднегодовой темп прироста импорта продукции машиностроения за 1981-1998 гг. составил 14,3%, а соответствующий показатель по всему импорту - 11,4% (табл. 5). Абсолютные размеры торгового обмена КНР продукцией машиностроения в 1998 г. соста-

вили 106,0 млрд. долл., а всей продукции - 324,0 млрд. долл., т.е. на долю машиностроения приходится примерно 30,0%. По мере роста внешней торговли наблюдалось постепенное увеличение роли внешнего фактора в развитии машиностроительной промышленности.

Анализируя роль внешнего фактора в развитии отрасли, необходимо учитывать как количественный, так и качественный аспект проблемы. Так, китайский импорт машин и оборудования в 1978-1985 гг. составил 39,1 млрд. долл., превзойдя в пять раз масштабы аналогичных закупок в 50-е годы, а в 1981-1998 гг. импорт машин и оборудования оценивается в 521,1 млрд. юаней. С учетом значительного расширения производства машиностроительной продукции в КНР за 1978-1994 гг. доля импортного компонента в начале 80-х годов составляла 10-12%, а в 90-е годы - примерно 15% годового прироста стоимости машин и оборудования. В 1957 г. этот экономический показатель равнялся 45%.

Посредством наращивания машинного импорта Китай пытается прежде всего ускорить развитие тех отраслей, которые нацелены на удовлетворение внутренних потребностей в такой дефицитной продукции, как металлорежущие станки, энергетическое, горнорудное, металлургическое, химическое оборудование и т.д.

При отборе иностранной техники для закупок и применения в отечественной машиностроительной промышленности в Китае руководствуются следующими принципами:

- экономическая эффективность,
- окупаемость затрат на приобретение оборудования за счет последующего производства его в Китае,
- пригодность импортируемой техники для реконструкции имеющейся промышленной базы,
- плановый и целенаправленный импорт самой передовой иностранной техники и освоение ее производства,
- сочетание импорта иностранной техники с внедрением передовых отечественных изделий.

Одно из ведущих мест в китайском импорте машинно-технической продукции занимают так называемое "ключевое" единичное оборудование и отдельные агрегаты для осуществления технической реконструкции и модернизации имеющихся предприятий, позволяющие сэкономить 2/3 объема инвестиций, 60% технологического оборудования и до 50% затрат рабочего времени, необходимых для нового строительства аналогичных производственных мощностей. Незначительны по объему закупки комплектного и технически сложного оборудования, требующего высококвалифицированного обслуживания, монтажа и эксплуатации, что вызвано характерной для Китая неразвитостью инфраструктуры, нехваткой качественного сырья и энергии, дефицитом квалифицированных специалистов. В результате всего этого наблюдается невысокая отдача материально-технических средств, поступающих в Китай из промышленно развитых стран.

Участие Китая в ВТО, несомненно, будет способствовать повышению качества продукции машиностроительного комплекса до общемирового уровня. В то же время членство КНР в ВТО активизирует привлечение иностранных инвестиций в отрасль, улучшит доступ к передовым технологиям. А это в свою очередь благоприятно отразится на общей структуре машиностроитель-

ного комплекса и его отраслей и приведет к повышению технического уровня и стимулирует реформенные механизмы.

Однако вступление в ряды ВТО предполагает не только получение экономических прав и льгот, но и налагает встречные обязательства. По крайней мере, в первые пять-десять лет экономические потери, по мнению китайских специалистов, будут иметь место. Предприятия приоритетных отраслей машиностроения куда входит и автомобильная промышленность в результате отмены импортных количественных ограничений и снижением ввозных таможенных пошлин столкнутся с жесткой конкуренцией с иностранными контрагентами на внутреннем рынке. В настоящее время продукция автомобильной и электротехнической промышленности пользуются повышенной степенью защиты на внутреннем рынке КНР. Таможенные пошлины на бытовые электроприборы, к примеру, в середине 90-х годов составили - 100%, на автомобили - 180-220%. Рассчитывать же на опережающий рост экспорта, исходя из нарастающей конкурентоспособности китайских товаров машиностроительной промышленности по сравнению с аналогичной продукцией развитых стран, проблематично.

Следует отметить, что китайско-американские переговоры, состоявшиеся в ноябре 1999 г. согласовали ряд условий вступления КНР в ВТО, предполагающие серьезные уступки одной из наиболее чувствительных отраслей промышленности, а именно автомобилестроению, для которого характерно низкая производительность и высокие издержки производства.

Анализ этих договоренностей свидетельствует о том, что сделанные Китаю уступки повлекут за собой серьезные проблемы. Прежде всего в автомобильной промышленности. Открытость рынка приведет к закрытию многих неэффективных госпредприятий машиностроительного комплекса. По расчету, количество рабочих мест сократится на 14,5%. В то же время в Китае рассчитывают на расширение экспорта и увеличения притока иностранных инвестиций и передовые технологии в машиностроение.

Несомненно, общий баланс плюсов и минусов для машиностроительного комплекса Китая от вступления в ВТО, скорее всего проявится лишь через несколько лет.

Превращение задолженности в пай — эксперимент в реформе госпредприятий в КНР

© 2000

Хоу Цзиньгуан (КНР)

Экономической реформе в КНР уже двадцать лет, и ее достижения известны всему миру. Совокупная мощь государства возрастает, по общему объему ВВП Китай уже вошел в ряд самых крупных стран мира.

Экономическая реформа в КНР началась в аграрной сфере, однако ее центральной проблемой было и остается преобразование госпредприятий. Пока самой значительной чертой реформы является быстрое и мощное развитие частной, индивидуальной и смешанной экономики, причем доля общественной экономики постепенно снижается.

По данным Минфина КНР на конец 1998 г., количество госпредприятий составило 238 тысяч, уменьшившись на 24 тысячи по сравнению с предыдущим годом. Среди них предприятий со стопроцентной государственной собственностью - 214 тысяч, предприятий с контрольным пакетом акций, принадлежащим государству, - 24 тысячи.

Очевидно, что государственный сектор промышленности в КНР - это опора народного хозяйства. Вместе с тем госпредприятия - это и "большая головная боль" правительства Китая: большинство из них убыточно или неэффективно. Реформа госпредприятий - важнейшая ключевая экономическая проблема, стоящая перед Китаем.

Причины убытков и неэффективности предприятий сложны и многообразны, среди них и непреодоленное наследие командно-административной системы, и просчеты, допущенные в ходе самой реформы.

К числу традиционных недостатков госпредприятий обычно относят: дублирование производства, нерациональное размещение, недоиспользование имеющихся мощностей, очень высокий коэффициент задолженности и излишек персонала госпредприятий. Глава китайской провинции Ляонин Чжан Гогун, к примеру, так кратко выразил суть реформы госпредприятий: "Откуда взять деньги? Куда девать людей?"

В этой статье мы обратим внимание на проблему "высокого коэффициента задолженности" госпредприятий.

В начале реформы государство оставалось субъектом инвестирования государственных предприятий. С 1981 г. начался эксперимент постепенного "превращения распределения средств в кредитование", т.е. постепенный переход к инвестированию путем банковского кредитования. Надо признать, что этот эксперимент был исторически прогрессивным, его цель состояла не в преобразовании общественной собственности, а в осуществлении внешнего

финансового контроля над госпредприятиями. Идея неплохая, и это было первым шагом госпредприятий к рыночной экономике. Но в этой идее был и серьезный недостаток. Во-первых, не оправдались ожидания насчет того, что все предприятия смогут приносить прибыль. Оказалось, что рынок находится в постоянном изменении, а предприятия, не имея инвестиционных средств государства, несут на себе большое бремя социальных проблем еще до того, как начнут выпускать продукцию. Во-вторых, у некоторых хозяйственников госпредприятий сформировалась психология зависимости от государства. Они рассуждали так: банки принадлежат государству, предприятия тоже принадлежат государству, социальное обеспечение рабочих, сохранение рабочих мест - задача предприятий, которую им ставит государство. Поэтому совсем необязательно возвращать кредиты банкам, государству.

Итак, предприятия имели и имеют высокий коэффициент задолженности, в банках растет накопление "плохих кредитов", то есть таких, выплаты по которым просрочены, а также таких, возврат которых просто невозможен. Председатель Народного банка КНР Дай Сянлун как-то признал, что 25% - "плохие кредиты", среди них 2%, без сомнения, не будут возвращены, 3% уже два года не возвращаются.

Следует также отметить, что в последние два-три года в стране наметилась серьезная тенденция дефляции. Цены на товары устойчиво снижаются уже более 20 месяцев, а на средства производства - более 30 месяцев. При этом инвестиции государства растут, а инвестиции граждан сокращаются. Это серьезная финансовая угроза обществу. В таких условиях и была, в частности, сформулирована идеология "превращения задолженности госпредприятий в пай". Начало реализации этой идеологии относится к августу 1999 г., когда в 1999 г. Госсоветом КНР были учреждены компании по управлению собственностью (капиталом и недвижимостью) "Хуажун", "Чанчэн" и "Дунфан", в апреле 1999г. была создана компания "Синда". Задача этих компаний состоит в оживлении "плохих" банковских кредитов и в решении других проблем.

Министерство финансов КНР обеспечило каждую из этих компаний уставным капиталом в размере 10 млрд. юаней. Компании являются собственностью государства и одновременно самостоятельными юридическими лицами. Они получают от банков в собственность "плохие кредиты", распоряжаются ими. Став акционерами предприятий, эти компании смогут влиять на принятие стратегических решений руководством предприятий, не вмешиваясь в текущие хозяйственные дела.

Суть превращения задолженности в пай состоит в том, что отношения "предприятие — банк" заменяются на отношения "предприятие — компания-акционер — банк". Компания по управлению собственностью как субъект инвестиций будет превращать "плохие кредиты" банков в пай в акционерных компаниях.

Правительство КНР надеется, что сможет добиться следующих целей:

во-первых, спасти "плохие кредиты" банков, ускорить возвращение кредитов, избежать неоправданных финансовых рисков;

во-вторых, ускорить превращение убыточных (крупных и средних) госпредприятий в прибыльные, способствовать изменению механизма хозяйствования госпредприятия и создать структуру предприятия, отвечающую требованиям современности.

Предприятия, на которых может проводиться эксперимент, должны удовлетворять следующим условиям:

- продукция должна пользоваться спросом и быть конкурентоспособной на рынке;
- технологическое оборудование должно быть передовым, в том числе и в соответствии с зарубежными стандартами. Производство должно удовлетворять требованиям охраны окружающей среды;
- управление внутри предприятий должно быть на высшем уровне, предприятие должно иметь счет по обязательствам и нормативное ведение финансовой деятельности;
- предприятие должно иметь сильный состав руководства, председатель совета директоров и гендиректор должны хорошо справляться с хозяйствованием;
- проект, который изменит механизм хозяйствования, должен соответствовать требованиям работы современного предприятия. Другими словами, в эксперимент будут включать лучшие госпредприятия.

Пай, которым будет владеть компания по управлению собственностью, преобразуется поэтапно. Со временем компания постепенно сможет возвращать использованный капитал путем продажи части своего пая на рынке, передачи или выкупа предприятия. К этому виду деятельности могут привлекаться иностранные капиталы. Компания "Синда" отвечает за покупку и хозяйствование "плохими кредитами" Строительного банка Китая, а "Хуажун" - Промышленного и Торгового банка Китая, "Чанчэн" - Сельскохозяйственного банка Китая, и "Дунфан" - Банка Китая.

В эксперименте в настоящее время участвуют, во-первых, крупные и сверхкрупные предприятия, которые играют решающую роль в народном хозяйстве; во-вторых, предприятия, которые будут обеспечивать функционирование важных объектов государства в ближайшие годы, цель - содействие им в скорейшем получении прибыли и повышении их технического уровня, в превращении предприятия из убыточного в стабильно и прибыльно работающее; в-третьих, предприятия, у которых высокий коэффициент задолженности и для которых не планируются государственные инвестиции.

Некоторые специалисты считают, что истинной причиной высокой задолженности предприятий является ошибочное размещение средств субъектом финансирования. Для решения проблемы задолженности необходимо заменить способы размещения средств субъектом инвестиции на рыночные. Для этого открываются фондовые биржи, в том числе и для населения. Население как источник капитала должно быть акционером. Реформа финансовой системы представляет собой ключевой вопрос, которые решит кризис задолженности госпредприятий через превращение ее в пай.

Нам уже известно, что компания по управлению собственностью покупает у банков "плохие кредиты", затем как-то их реализует, между стоимостью покупки и продажи существует немалая разница, которую государство должно компенсировать. Это - большое испытание для финансового состояния страны.

В начале эксперимента у руководства предприятий были распространены следующие ошибочные взгляды:

во-первых, почти все госпредприятия захотели проводить у себя эксперимент по превращению задолженности в пай и даже рассматривали его как последний шанс получить средства от государства; в подсознании у них все еще остается надежда на возвращение к прежней, плановой, системе. Хо-

тя на самом деле предполагается, что этот эксперимент, станет дальнейшим усовершенствованием процесса реформ;

во-вторых, многие ошибочно считают, что задолженность предприятий банкам - это обуза для государства. Когда происходит превращение задолженности в пай, собственник получит дивиденды по паю акции, потенциально инвестор получит доход меньше, чем банковский процент;

в-третьих, многие считают, что превращение задолженности в пай - это спасение от беды. Хотя целью политики превращения задолженности в пай является поддержка перспективных госпредприятий, местное руководство, преследуя районные интересы, обычно думает прежде всего о своих безнадежных предприятиях;

в-четвертых, некоторые не понимают направление "превращения задолженности в пай" или не собираются его понимать, и продолжают усиливать прежние объекты промышленности и сохранять ее нерациональную структуру.

На наш взгляд, эксперимент по превращению задолженности в пай может быть выгодным и предприятиям, и банкам. С одной стороны, он поможет оживить "плохие кредиты" банков и избежать финансового риска. С другой, - он сможет помочь предприятиям выйти из трудного положения и ускорить проведение реформы. Разумеется, данный эксперимент не сможет решить все проблемы, стоящие перед банками и предприятиями.

Следует иметь в виду, что четыре названные компании по управлению собственностью отвечают только за дела четырех вышеназванных государственных коммерческих банков. Между тем "плохие кредиты" других банков и финансовых учреждений все еще остаются и нужно по-прежнему искать подходящие методы их решения.

Во-вторых, в эксперименте участвуют прежде всего предприятия, задолженность которых появилась до 1995 г. Относительно задолженности предприятий в последующие годы необходимо искать иные методы решения.

В-третьих, эксперимент, как указывалось выше, распространяется только на часть государственных предприятий, не говоря о том, что эксперимент не подменяет проблему улучшения хозяйствования и управления на предприятии, а также обязанность банков искать пути оживления "плохих кредитов" своими методами.

Эксперимент было решено начать с Пекинского цементного завода. 2 сентября 1999 г. под общим руководством Государственной экономической и торговой комиссии Компания по управлению собственностью "Синда" и Пекинское объединение строительных материалов подписали договор о проведении эксперимента по превращению задолженности Цементного завода в пай акционерного общества. Время покажет, насколько эффективным окажется данный эксперимент.

Представляет ли отток иностранного капитала угрозу для китайской экономики?

© 2000

Л. Ходов

Отношение иностранных инвесторов к финансированию проектов строительства в Китае, приобретению частных и государственных ценных бумаг, среднесрочному и долгосрочному кредитованию экспорта в КНР резко изменилось. Мировая экономическая печать полна сообщениями о низкой рентабельности иностранных капиталовложений в экономику страны, о банкротстве и неплатежеспособности некоторых государственных компаний. Иностранные фирмы, хеджировавшие свои операции с китайскими партнерами, потирают руки от радости. Западные специалисты по экономике Китая рисуют страшные картины состояния банков, на балансе которых висят многомиллиардные безнадежные кредиты неконкурентоспособных государственных предприятий, миллионы вчерашних крестьян, пришедших в города в годы подъема и ныне безработных, коррупцию, охватившую государственный аппарат, и идеологическую зашоренность правительства.

Действительно, негативных явлений в экономике Китая более чем достаточно, и поводы для разочарования иностранных инвесторов имеются.

Во-первых, им не удалось получить существующие предприятия в интересующих их отраслях. Правительство поощряло создание иностранцами новых объектов в производствах высокой технологии и экспортной ориентации, но ключевые отрасли - добычу нефти и газа, производство ценных и редкоземельных металлов, авиационно-космическую промышленность - не собирается продавать за бесценок иностранцам. Правительство КНР взяло четкую линию на самостоятельное санирование ведущих предприятий, а не на передачу их в руки иностранных инвесторов.

Во-вторых, Китай остался, несмотря на все реформы, страной социалистической ориентации, и руководящая роль в государстве принадлежит коммунистической партии.

В-третьих, экономика КНР по ряду внешних и внутренних причин переживает действительно не лучшие времена. Внешние причины - это кризис в странах Юго-Восточной Азии, главных торговых партнеров Китая - и огромный избыток экспорта над импортом в торговле с США, Канадой и Западной Европой. Этот избыток вызывает обостренное недовольство развитых стран и периодически приводит на грань торговой войны.

Внутренние причины связаны с трудностями реформирования экономики. Это прежде всего сочетание низкоэффективного государственного сектора с предприятиями смешанными и контролируруемыми иностранным капи-

талом, с многомиллионной массой мелких и средних частных предпринимателей. Сказываются и последствия длительного экономического подъема - рост цен, насыщение потребительского рынка, напряжение финансовой системы, переселение десятков миллионов человек из деревень в города.

Многие частные инвестиции, особенно крупные иностранные, были рассчитаны на бесконечное продолжение хозяйственного подъема. Полученные ими в 1997-1998 гг. доходы в связи с трудностями в экономике оказались меньше ожидаемых.

В-четвертых, иностранные собственники были напуганы мерами, принятыми в прошлом году для предупреждения спада производства и оживления народного хозяйства. Меры эти носили в основном административный характер, свойственный классическому плановому хозяйству. В стране были введены минимальные цены на продукцию 21 отрасли, ограничено обращение иностранной валюты и введена принудительная закупка продукции у местных производителей, т.е. частично восстановлена система планового снабжения.

Но, пожалуй, решающую роль в изменении поведения иностранных инвесторов сыграло банкротство в государственной компании "International Trust and Investment Corporations" (ITITS), с которой иностранные предприниматели тесно сотрудничали. Компания оказалась не в состоянии выплатить примерно 10 млрд. долл. долга.

Приток иностранного капитала в экономику Китая сначала замедлился, потом остановился. В 1998 г. общая аккумулированная сумма иностранных капиталов в стране составляла около 45 млрд. долл., т.е. она осталась неизменной с 1997 г. В конце 1998 г. начался отток капитала, который ускорился за первые 4 месяца 1999 г. По оценкам представительства треста Моргана в Гонконге, размеры иностранного капитала в КНР в течение 1999 г. могли сократиться на 1/3 и составить 30 млрд. долл. Таким образом, из народного хозяйства Китая за год может уйти больше капитала, чем все иностранные частные вложения в экономику России. "Китай катапультирован с мировых рынков капитала", - заявил эксперт представительства Моргана Дж.Жень.

Иностранные банки резко сокращают кредиты хозяйственным объектам КНР. "В первую очередь мы хотим сполна получить в Китае все наши деньги", - сказал начальник департамента Азии одного из крупнейших в ФРГ и в Европе немецкого коммерческого банка корреспонденту журнала "Wirtschaftswoch".

Правительство КНР пока не реагирует на эти процессы. Между тем постепенный выход экономики Республики Корея из кризиса делает ее вновь привлекательным рынком приложения капитала в машиностроение, химию и электронику. За время кризиса, пользуясь падением цен на хозяйственные объекты и ценные бумаги, только германские инвесторы вложили в Республике Корея около 2 млрд. долл. Частично эти средства были изъяты из КНР. В настоящее время в Южной Корее наступило оживление экономики и приток иностранного капитала в нее возрастает. Сильную конкуренцию Китаю в привлечении иностранного капитала могут оказать Таиланд и Филиппины. В исследовании американского экономиста К.Салмона об удельных издержках на заработную плату в 55 странах говорится, что в начале 1999 г. затраты на оплату 1 минуты труда в швейной промышленности Германии составляли 0,78 герм. марки, в КНР - 0,22 марки, а в Таиланде и на Филиппинах в связи с сильным обесценением местной валюты - 0,17 марки.

Однако настолько ли опасен отток иностранного капитала из КНР, может ли он вызвать обвал экономики или серьезные хозяйственные трудности?

Безусловно, незамеченным для народного хозяйства страны это не пройдет, особенно если изъятие средств иностранными собственниками будет продолжаться. Даже если китайское правительство предпримет новые впечатляющие шаги по либерализации экономики, восстановить доверие иностранных инвесторов значительно труднее, чем его потерять.

В связи с этим возникает вопрос, насколько устойчива экономика Китая сама по себе и насколько опасным может оказаться для нее репатриация иностранного капитала.

Картина экономики Китая достаточно противоречива. В стране действительно серьезные хозяйственные проблемы, кризис в целых сферах и отраслях продолжается и, возможно, углубится. Армию безработных, по оценкам, составляет от 10 до 15 млн. человек. Но они не представляют угрозу существующему строю. Они как-то перебиваются случайными заработками, открывают маленькие лавочки, их поддерживают родственники. Их протесты и выступления не носят политического характера. Они направлены не против центрального правительства, а против коррумпированных чиновников, не выплачивающих пособия, или руководителей предприятий и учреждений, сокращающих персонал.

Банкротство некоторых государственных фирм было использовано правительством в воспитательных целях. Правительство отказалось оплачивать внутренние и внешние долги этих фирм, считая, что они должны работать по принципу самокупаемости. Хозяйственным субъектам внутри страны и иностранным кредиторам было наглядно продемонстрирована обычная в рыночном хозяйстве ответственность должника за полученный кредит и кредитора за выданный. Сделать это было совершенно необходимо, т.к. безнадежная задолженность низкорентабельных или неприбыльных государственных объектов тяжелым грузом висит на балансах китайских банков и грозит устойчивости финансовой системы. Председатель наблюдательного совета Немецкого банка Х.Коппер сказал по поводу банкротств государственных компаний в Китае: "Центральное китайское правительство ведет себя как хороший капиталист. Банкротство есть банкротство".

Особенно впечатляющим было банкротство компании "International Trust and Investment Corporations". Невыплата долгов на 10 млрд. долл. могла бы обрушить экономику любой небольшой среднеразвитой страны. Но у Китая другие масштабы, другие ресурсы. Одновременно с нашумевшим банкротством заканчивалось сооружение одного из технических чудес света - нового аэропорта в Гонконге, для которого иностранные фирмы выполнили заказы и сполна получили за это миллиарды долларов. Строительство аэропорта обошлось в 20 млрд. долл.

Вся иностранная задолженность КНР в совокупности составляет 4,5% валового внутреннего продукта страны. Краткосрочные обязательства в пять раз меньше валютных резервов. Несмотря на некоторое сокращение, китайские валютные резервы - одни из самых больших в мире. В первом квартале 1999 г. - 145 млрд. долл. Этой суммы достаточно, чтобы оплатить импорт всей страны в течение года. Таким образом, экономика КНР обладает прекрасными показателями ликвидности.

Характеристика состояния китайских банков была бы не полной, если ограничиться констатацией безнадежности значительной части выданных ими

кредитов. В банках сосредоточены огромные накопления населения в национальной валюте, эквивалентные 645 млрд. долл. Сумма эта постепенно растет, потому что, несмотря на невысокий жизненный уровень китайцев по сравнению с развитыми странами, доля накопления в доходах населения чрезвычайно высока. Граждане КНР откладывают в среднем, главным образом в банки, 40% заработанных денег. Пока это происходит, китайские банки будут держаться на плаву.

Чрезвычайно успешно развивается внешняя торговля. В 1998 г. экспорт товаров и услуг в Европу возросли на 16%. Импорт увеличивается значительно медленнее. В результате, несмотря на временное сокращение объема продаж китайских изделий в соседних странах Юго-Восточной Азии, достигнуто рекордное в истории КНР превышение экспорта над импортом в 43,6 млрд. долл. Такое сальдо торгового баланса, которое из года в год более 20 лет подряд складывается в пользу Китая, служит гарантией внешней платежеспособности и может существенно сгладить последствия оттока иностранного капитала.

Государственная хозяйственная политика КНР чрезвычайно динамична. Она проводится по принципу: "Реформирование народного хозяйства в соответствии с возможностями, но не в ущерб стабильности". В ближайшие два года перед ней стоят сложные задачи:

- оживить конъюнктуру в стране, но не допустить накачивания субсидиями и кредитами нерентабельных государственных предприятий;
- бороться с коррупцией, но не разрушить сектора экономики, зараженные ею;
- проводить политику повышения эффективности и высвобождения излишней рабочей силы по мере создания новых рабочих мест и не допустить усиления социальной напряженности;
- реорганизовать банковскую систему, избежав финансового кризиса;
- постепенно либерализовать механизм государственного регулирования экономики, но не довести страну до кризиса под влиянием реформ и стихии мирового рынка.

Документы, архивы

Переговоры о перемирии в Корее (1951-1953 гг.) (по материалам Архива внешней политики России)

© 2000

А. Волохова

Вопрос о прекращении военных действий в Корее встал в декабре 1950 г., когда части Корейской народной армии (КНА) и китайских народных добровольцев (КНД) еще продолжали наступать, но их наступление уже выдыхалось.

В Архиве внешней политики России (АВПР) есть письмо Громыко Вышинскому, в котором сообщается, что в Политбюро ЦК ВКП(б) сочли неправильным предложение о прекращении военных действий в Корее в обстановке, когда американские войска терпят поражение. В связи с обсуждением корейского вопроса в ООН Вышинскому рекомендовалось включить в проект, предлагаемый советской делегацией, пункты о немедленном выводе всех иностранных войск из Кореи и решении корейской проблемы самим корейским народом¹.

В середине января 1951 г. советский посол в Пекине Рощин уведомил МИД, что по сведениям, полученным от премьера и министра иностранных дел КНР Чжоу Эньлая, представители Индии, Англии, Швеции и генеральный секретарь ООН обратились к китайскому представителю У Сюцюаню с вопросом, на каких условиях возможно прекращение военных действий в Корее. Чжоу Эньлай информировал Рощина о намерении дать следующий ответ: 1) вывод всех иностранных войск из Кореи; 2) вывод американских войск с Тайваня; 3) решение корейского вопроса корейским народом; 4) предоставление КНР места в ООН; 5) созыв Совета министров четырех великих держав для подготовки мирного договора с Японией². Советское руководство в общем согласилось с китайской стороной, но рекомендовало не открывать все свои карты, пока не захвачен Сеул.

После завершения наступления КНА и КНД, контрнаступления "войск ООН" и превращения войны в позиционную, отношение к прекращению военных действий стало меняться.

В общем позиции участвующих в конфликте сторон можно охарактеризовать следующим образом.

Северная Корея понесла огромные потери и огромный ущерб в ходе войны. Страна лежала в руинах. Цель объединить Корею под коммунистиче-

---

Волохова Алена Алексеевна, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Дипломатической академии МИД России.

ским руководством достигнута не была, и для Ким Ир Сена и его окружения стало очевидным, что надо сохранить свою власть хотя бы на севере страны. Северокорейские лидеры были готовы на переговоры, результатом которых было бы восстановление положения, существовавшего до июня 1950 г.

Позиция китайского руководства была менее однозначной. Вступив в войну после больших колебаний и под нажимом со стороны Сталина, Мао Цзэдун и другие китайские лидеры осознавали, что участие в корейской войне во многом невыгодно молодому китайскому государству. Отрицательными сторонами участия в корейской войне для Китая были значительные экономические и военные потери, создание в западном мире образа Китая как пособника агрессора, каким была провозглашена в ООН КНДР. Однако были и некоторые положительные стороны участия КНР в корейской войне. Во-первых, это участие китайское руководство использовало для укрепления своей власти в стране: фактическое состояние войны оправдывало крайне тяжелое экономическое положение в самом Китае. Во-вторых, вступление КНР в войну позволяло получать большую военную помощь от СССР. После первых недель боев КНР стало очевидно, что китайская армия во многом уступает "войскам ООН", и Мао Цзэдун рассчитывал перевооружить китайскую армию более современной советской военной техникой. В-третьих, немалую роль играл в китайской политике и идеологический фактор. Для китайского руководства это была не столько война за объединение Кореи, сколько борьба со злейшим врагом коммунистического Китая и всего демократического лагеря - американским империализмом, война за его сдерживание, за подрыв его военной и политической мощи.

Позиция СССР, который непосредственно не участвовал в переговорах, но за кулисами определял их стратегию и тактику, диктовалась представлениями его руководства о современной международной обстановке и противостоянии двух лагерей. Для него конфликт в Корее был одним из эпизодов, и не центральным, в борьбе против США. После вступления КНР в войну и достижения определенного военного равновесия сил в Корее с весны 1951 г. Сталин был в определенной мере заинтересован в продолжении войны в Корее, которая сковывала военные и политические силы США и позволяла проводить более жесткую политику в Европе, в частности, в германском вопросе.

Лидеры Южной Кореи, которые ратовали за объединение страны, были настроены весьма воинственно. В отличие от северокорейской стороны они понесли меньшие потери в первый год войны, и, хотя положение в Южной Корее было достаточно тяжелым, они получали огромную экономическую помощь от США и были против любого перемирия с Севером.

Позиция США также была неоднозначной. Война была непопулярной в стране, союзники США поддерживали их во многом чисто формально и символически и хотели скорейшего прекращения войны. В то же время война способствовала более мягкой структурной перестройке американской экономики на мирные рельсы и также, как и советской стороной, использовалась американскими руководителями в политико-идеологическом плане для обоснования необходимости мобилизации сил против агрессии коммунизма, для укрепления своего положения в регионе Дальнего Востока.

В апреле 1951 г. американская сторона стала более активно зондировать почву в отношении возможности прекращения военных действий в Корее. При этом, по сведениям советских дипломатов в США, "американское правительство строило свои расчеты на том, что с предложением или с прось-

бой о мире в конце концов обратятся корейцы и китайцы и что в этом случае Соединенным Штатам легче будет выступить в роли победителей и продиктовать свои условия”³.

К лету 1951 г. мнение Сталина о прекращении войны в Корее изменилось. В середине июня 1951 г. состоялся визит в Москву руководителя КНДР Ким Ир Сена и члена Политбюро ЦК КПК и главы правительства Северо-Восточного Китая Гао Гана, которые были приняты Сталиным.

На этой встрече, как свидетельствуют архивные материалы, были обсуждены три вопроса: о перемирии в Корее, о советских военных советниках и о поставке КНР вооружения для 60 дивизий⁴. Теперь заключение перемирия было признано Сталиным выгодным, с чем согласились Ким Ир Сен и Гао Ган. Хотя, если судить с военной точки зрения, положение дел на фронте для КНА и КНД было гораздо менее благополучным, чем в декабре 1950 г., когда они наступали.

Во время пребывания Ким Ир Сена и Гао Гана в Москве Мао Цзэдун направил им телеграмму (о которой они сообщили Сталину), где указывал, что для Кореи и Китая сейчас нецелесообразно самим выдвигать вопрос о переговорах и лучше подождать, когда с таким предложением обратится противник. Вместе с тем он считал желательным, чтобы советское правительство сделало запрос американскому правительству о перемирии. В качестве условий последнего Мао Цзэдун называл установление границы по 38 параллели. Он полагал также, что вопрос о вхождении КНР в ООН можно не выдвигать в качестве условия, а о выдвигании вопроса о Тайване следует подумать⁵.

Два других вопроса, обсуждавшихся на встрече Сталина с Ким Ир Сеном и Гао Ганом - и о направлении советских военных советников, и о вооружении 60 китайских дивизий - были решены Сталиным положительно.

23 июня 1951 г. советский представитель в ООН Малик выступил по американскому радио с заявлением о возможности урегулирования конфликта в Корее, и 24 июня Сталин сообщил Мао Цзэдуну о том, что договоренность о нашем обращении к США с постановкой вопроса о перемирии уже выполнена, и, возможно, дело о перемирии сдвинется с места. Далее в этом же письме Сталина Мао Цзэдуну содержалась важная информация, касавшаяся сроков вооружения 60 китайских дивизий. Выполнить эту задачу в течение года оказалось невозможным, поставки советского вооружения для китайской армии должны были осуществляться в 1951, 1952, 1953 годах и в первой половине 1954 г., т.е. в течение трех лет. Как представляется, это обстоятельство существенно повлияло на позицию китайской стороны на заключительном этапе переговоров о перемирии⁶.

Первая реакция американской стороны на заявление Малика была сдержанной. 26 июня Госдепартамент США через штаб генерала Риджуэя в Токио опубликовал информационный меморандум, где критически оценил предложения Малика. Американцы хотели прежде всего убедиться в серьезности намерений советской стороны, которая направляла действия северокорейцев и китайцев. 27 июня 1951 г. посол США в СССР Керк по указанию из Вашингтона посетил заместителя министра иностранных дел Громыко, обратившись к нему с рядом вопросов относительно предложений Малика, и получил соответствующие разъяснения⁷.

30 июня командующий “войсками ООН” в Корее генерал Риджуэй отправил радиограмму Ким Ир Сэну с предложением начать переговоры о перемирии и вести их на борту датского госпитального судна в Вонсанской бухте.

1 июля по радио был передан ответ Ким Ир Сена и командующего КНД Пэн Дэхуая, предлагавших встретиться для переговоров о прекращении военных действий и установлении перемирия в районе Кэсона у 38 параллели.

3 июля Риджуэй предложил Ким Ир Сэну и Пэн Дэхуаю провести предварительную встречу офицеров связи с целью урегулировать различные детали, связанные с началом переговоров, указав, что соглашение об условиях перемирия должно предшествовать прекращению военных действий. Таким образом, американская сторона еще до начала переговоров определила их направление вразрез с советскими предложениями, высказанными Громыко в беседе с Керком, согласно которым, соглашению о перемирии должно было предшествовать временное соглашение о прекращении военных действий.

Перед началом переговоров Мао Цзэдун предложил, чтобы переговорами руководил Сталин, но последний решительно отказался, указав на то, что переговоры должны вестись под руководством Мао Цзэдуна, обещав, правда, давать советы по самым важным вопросам⁸. Такое решение Сталина можно объяснить тем, что он старался максимально дистанцировать Советский Союз от корейской войны. К лету 1951 г. стало достаточно очевидно, что американцы не намерены начинать с корейского плацдарма большую войну против Китая и СССР; планов большой войны не было и у Сталина, который, как и в 1950 г., продолжал использовать корейскую войну для отвлечения внимания сил США на европейском направлении и для ведения более интенсивной антиимпериалистической, антиамериканской пропаганды как в странах демократического лагеря, так и в национально-освободительном движении и в движении сторонников мира. Тем не менее, как свидетельствует переписка между Сталиным и Мао Цзэдуном, Сталин внимательно следил за событиями в Корее и оставался самой влиятельной фигурой в переговорном процессе. Может быть, Сталин хотел, чтобы Мао Цзэдун получил какой-то опыт урегулирования весьма непростого военно-политического конфликта, хотя в альтруизм Сталина верится с трудом.

Ким Ир Сен вначале не очень соглашался с тем, что корейская сторона и он сам будут играть фактически второстепенную роль на переговорах, но на первые же свои предложения об условиях перемирия он получил через советского посла в КНДР Разуваева ответ Сталина, что корейское правительство должно действовать вместе с китайским и выработать совместные предложения.

Встреча офицеров связи состоялась в Кэсоне 8 июля, и на ней были разрешены различные административно-хозяйственные вопросы о помещениях, размещении делегаций, был определен количественный состав делегаций, порядок и время первого заседания, а также решен вопрос об охране и создании нейтральной зоны в районе Кэсона.

Корейско-китайская сторона вначале предполагала, что ее делегация будет состоять из двух человек, но, выяснив, что в состав "делегации войск ООН" включено пять человек, также увеличила свое представительство.

Главой корейско-китайской делегации был назначен начальник генерального штаба КНР Нам Ир. До войны он занимал пост заместителя министра просвещения КНДР и в армии не служил. Советское посольство сообщало о нем следующее: "Никакого опыта подобных переговоров Нам Ир, как и любой другой офицер КНА, не имел, но тем не менее было признано, что как наиболее культурный генерал он является самой подходящей кандидатурой. Американские наблюдатели в первые же дни переговоров дали по радио лестную оценку главы китайско-корейской делегации"⁹.

Последняя фраза представляется несколько двусмысленной: в то время положительная характеристика со стороны идейно-политического противника отнюдь не украшала человека, так что, возможно, здесь был намек на слабую пригодность Нам Ира к ведению ответственных переговоров. Тем более, что дальше в справке посольства, которая была написана почти через два месяца после начала переговоров, указывалось: "Можно было бы отметить, что Нам Ир не всегда вел переговоры на должном уровне: допускал много неточных формулировок, порой неубедительно и расплывчато аргументировал свою позицию. Но в целом Нам Ир справлялся со своей задачей, на наш взгляд, лучше, чем это мог бы сделать какой-либо другой корейский военный работник"¹⁰.

Однако глава корейско-китайской делегации не играл первую скрипку на переговорах, которыми фактически руководили китайские товарищи, специально направленные в Кэсон из Пекина. Они, так же как и Нам Ир, не имели никакого дипломатического опыта. все решения - от стратегических установок до тактики - принимались в Пекине и одобрялись в Москве.

Первая встреча представителей воюющих сторон состоялась в Кэсоне 10 июля.

Делегация КНА и КНД прибыла на переговоры в таком составе: Нам Ир - глава делегации, начальник генштаба КНА, Дэн Хуа - представитель КНД, генерал, Ли Сан Чо - представитель КНА, начальник разведуправления КНА, Се Фан - представитель КНД, генерал, Чан Пен Сак - представитель КНА, начальник штаба 1-й армии.

В делегацию "войск ООН" входили вице-адмирал Джой - глава делегации, генерал-майор авиации Крейчи, генерал-майор Хоудс, контр-адмирал Берк и генерал южнокорейской армии Пэк Сун Еп, командовавший 1-м армейским корпусом.

Корейско-китайская сторона сразу же выдвинула три предложения: 1) одновременный приказ сторон о прекращении военных действий и бомбардировок; 2) определение 38 параллели как демаркационной линии и отвод от нее войск на 10 км в определенные сроки, а также немедленное начало переговоров об обмене военнопленных; 3) вывод из Кореи всех иностранных войск в кратчайший срок¹¹.

Таким образом, немедленное прекращение военных действий корейско-китайская сторона сопровождала условиями, из которых вывод иностранных войск был явно неприемлем для США. Подобный подход обуславливал проведение переговоров в ходе продолжающихся военных действий, что наряду с позициями и интересами сторон затянуло прекращение войны на два года.

Американская сторона (так дальше будет именоваться "сторона военных сил ООН", поскольку это отражало реальную обстановку и в войне, и на переговорах) сразу же заявила, что вопрос о выводе войск из Кореи является вопросом политическим, который она решать не уполномочена, и настаивала в первую очередь на принятии повестки дня переговоров, предложив свой вариант из 9 пунктов¹², в числе которых были пункты об организации комиссии по прекращению военных действий и осуществлению контроля за соблюдением перемирия, а также о посещении лагерей военнопленных представителями Международного Красного Креста и об урегулировании вопросов, связанных с обменом военнопленных.

На следующем заседании корейско-китайская сторона внесла свой проект повестки дня, повторив пункт о выводе иностранных войск из Кореи.

Уже 15 июля переговоры были прерваны, правда, на короткое время в связи с тем, что американская сторона попыталась привезти в Кэсон 20 иностранных корреспондентов, что вызвало протест другой стороны. Однако затем переговоры возобновились, и до 26 июля обсуждалась повестка дня переговоров, которая была, наконец, принята. Она состояла из следующих пунктов: 1) принятие повестки дня; 2) установление демаркационной линии для создания демилитаризованной зоны в качестве основного условия для прекращения военных действий в Корее; 3) выработка практических мероприятий по осуществлению прекращения огня и перемирия; 4) вопросы относительно мероприятий, касающихся военнопленных; 5) предложения правительствам заинтересованных сторон¹³.

С 27 июля началось обсуждение 2-го пункта повестки дня. Корейско-китайская сторона повторила свое предложение об установлении демаркационной линии по 38 параллели с отводом от нее войск на 10 км. Американцы настаивали на демаркационной линии по линии фронта, которая на некоторых участках проходила севернее 38 параллели, и демилитаризованной зоне глубиной в 20 миль, мотивируя свою позицию практическими военными соображениями. С 27 июля по 16 августа стороны обсуждали свои предложения без каких-либо существенных сдвигов.

16 августа американская сторона предложила создать подкомиссию для дальнейшего рассмотрения вопроса о демаркационной линии из одного представителя с двумя помощниками с каждой стороны.

18 августа 1951 г. Мао Цзэдун указал на три возможных варианта соглашения о демаркационной линии:

1) каждая сторона выбирает по своему усмотрению рубеж обороны в 5-10 км от 38 параллели, и от этого рубежа войска отходят на 10 км, образуя демилитаризованную зону;

2) обе стороны взаимно отводят войска от 38 параллели, а район, расположенный между линией фронта и 38 параллелью, объявляют демилитаризованной зоной;

3) обе стороны в порядке уступки обмениваются равными территориями соответственно в Южной и Северной Корее (Ким Ир Сен высказался за то, чтобы сразу выдвинуть этот вариант)¹⁴.

Однако эти варианты не были поставлены на обсуждение.

Пять заседаний подкомиссии (17, 18, 19, 21 и 22 августа) не дали результатов, и 23 августа переговоры были прерваны формально из-за обстрелов американцами нейтральной зоны Кэсона.

Через месяц стороны решили возобновить переговоры, изменив их место (американцы предлагали Сонхенна, корейско-китайская сторона вначале настаивала на Кэсоне, а затем предложила Паньмыньчжон).

10-20 октября 1951 г. состоялось несколько встреч офицеров связи, которые пришли к соглашению о нейтральной зоне и о запрещении полетов над ней, а 25 октября уже в Паньмыньчжоне состоялось заседание делегации и возобновилась работа подкомиссии по демаркационной линии.

По вопросу о ее прохождении имелись существенные разногласия между корейцами и китайцами. Ким Ир Сен и другие корейские лидеры были настроены против каких-либо уступок территории севернее 38 параллели, поскольку это могло отразиться на престиже КНДР. Мао Цзэдун же считал возможным пойти на некоторые уступки американцам в отношении проведения демаркационной линии по линии фронта. В необходимости уступок в этом во-

просе Мао Цзэдуна убеждал заместитель министра иностранных дел Ли Кэ-нун, который 29 октября сообщил Мао Цзэдуну из Кореи: "Опыт ряда последних заседаний показывает, что противник не пойдет на уступки в основном вопросе. В результате мы пришли к выводу, что затягивать существующие разногласия совершенно нецелесообразно"¹⁵.

Советский посол Разуваев в отчете посольства в КНДР за IV квартал 1951 г. несколько критично высказался по поводу позиции Ли Кэнуна: "Следуя этим заключениям, которые были, возможно, и преждевременными, китайцы рекомендовали без всякого торга по ранее намеченным предложениям согласиться с определением демаркационной линии по линии фронта. При этом Ли Ко-нын рассчитывал или во всяком случае утверждал, что "если будет достигнута договоренность по второму пункту повестки дня, то решить остальные вопросы будет сравнительно легко; тогда не будет больших споров и по вопросу о военнопленных"... Последующий ход переговоров не оправдал, однако, этого прогноза"¹⁶.

В течение ноября 1951 г. американская сторона продолжала настаивать на обмене кэсонского района на участок северокорейской территории, руководствуясь, помимо военно-стратегических, политическими соображениями, поскольку это был единственный район Южной Кореи, контролируемый корейско-китайской стороной. В этом случае Южная Корея сохранила бы полностью свою территорию, тогда как Северная Корея уступила бы "значительные участки своей территории на восточном и центральном фронтах"¹⁷.

Наконец, 23 ноября стороны достигли соглашения по 2-му пункту повестки дня о прохождении демаркационной линии по линии фронта на момент подписания перемирия. "Ким Ир Сен, ...учтя позицию китайцев, был вынужден согласиться на указанную уступку, которая и привела к соглашению по второму пункту повестки дня переговоров"¹⁸.

При обсуждении этого пункта соглашения о перемирии в общем сложилась линия поведения корейско-китайской стороны: сначала выдвижение своих предложений и отказ искать компромисс с предложениями противной стороны, затем бесплодные споры и, наконец, как правило, уступка американской стороне, чьи предложения были более обоснованы и с военной, и с дипломатической точек зрения.

С 27 ноября началось обсуждение 3-го пункта повестки дня о выработке практических мероприятий для осуществления прекращения огня и перемирия.

Корейско-китайская и американская стороны, как и при обсуждении 2-го пункта повестки дня, внесли свои предложения¹⁹. Главное разногласие касалось теперь сферы контроля. Корейско-китайская сторона хотела ограничить ее демилитаризованной зоной, а американская - распространить на тыловые районы, что было воспринято корейско-китайской стороной как вмешательство во внутренние дела КНДР и ограничение ее связей с Китаем и СССР²⁰.

Используя опыт переговоров по 2-му пункту повестки дня, стороны сразу же создали подкомитет для обсуждения 3-го пункта из двух представителей от каждой из сторон. 4 декабря корейско-китайская сторона согласилась на распространение контроля на тыловые районы, но требовала, чтобы контроль проводился не представителями воевавших сторон, а наблюдательным органом из представителей нейтральных стран.

Еще 27 ноября американцы подняли на переговорах вопрос о военнопленных, предлагая обсуждать этот 4-й пункт повестки дня одновременно с 3-

им. Советскими советниками и корейско-китайской стороной это предложение было расценено как очередное стремление противника запутать и затянуть переговоры, хотя на деле оно было продиктовано особым интересом американской стороны в скорейшем облегчении участи и освобождении своих военнопленных, поскольку эта проблема очень волновала общественное мнение в США.

После настоятельных требований американской стороны решено было создать новый подкомитет по военнопленным, куда вошли корейский генерал Ли Сан Чо, китайский полковник Цай Чанвэнь и контр-адмирал Либи. На первом же заседании подкомитета корейско-китайская сторона выдвинула принцип обмена всех на всех, тогда как американская - одного на одного (количество корейцев и китайских народных добровольцев, находившихся в американском плену, было примерно в 15 раз больше).

12 декабря корейско-китайская сторона выдвинула свои предложения: освободить всех военнопленных и репатриировать их в возможно кратчайший срок после подписания соглашения, в первую очередь больных и раненых; создать комитет по репатриации и обменяться списками военнопленных сразу по достижении соглашения по предыдущим пунктам.

Американская сторона на следующий день в резкой форме потребовала прежде всего обмена информацией о военнопленных и посещения их лагерей представителями Международного Красного Креста.

После бесплодных восьмидневных встреч она в резкой форме потребовала прежде всего обмена информацией о военнопленных и передала списки по состоянию на ноябрь 1951 г., составленные на корейском и английском языках и содержавшие сведения об 11559 военнопленных, в том числе на 7142 южнокорейцев, 3198 американцев, 910 англичан, 234 турка, 40 филиппинцев, 10 французов, 6 австралийцев, 4 южноафриканцев, 3 японцев, 1 канадца, 1 грека и 1 голландца.

Американская сторона представила список на 132474 военнопленных корейцев и китайцев, причем в списке указывалась только фамилия в английской транскрипции, что делало невозможным для корейско-китайской стороны установление личности военнопленного. Дать списки на корейском и китайском языках американцы обещали к 25 декабря, попросив перерыв в работе подкомитета.

В посещении же лагерей военнопленных представителями корейско-китайской стороны было отказано.

Цифры, содержащиеся в списках сторон, существенно расходились из-за их разных подходов к северокорейским и южнокорейским военнопленным. Северокорейская сторона не считала военнопленными часть южнокорейских солдат, которые влились в КНА во время наступления летом 1950 г. и чаще всего использовались на тыловых работах, однако южные корейцы считали их военнопленными. Южане, мобилизованные в северокорейскую армию и затем попавшие в плен, также не относились к северокорейским военнопленным.

2 января 1952 г. американская сторона сформулировала свои новые предложения, включавшие пункт об освобождении тех, кто не желает репатриироваться, и репатриации всех гражданских лиц, которые корейско-китайская сторона отвергла под тем предлогом, что эти предложения сводились к задержанию более 165 тыс. военнопленных КНА и КНД и сотен тысяч

насиленно угнанных на юг Кореи граждан и выдачу их на расплаву Чан Кайши и Ли Сын Ману.

Дополнительное предложение американцев о том, чтобы освобожденные военнопленные дали обязательство не участвовать в военных действиях, также было отвергнуто корейско-китайской стороной.

Продолжая вязкие переговоры об обмене военнопленных, стороны достигли в феврале 1952 г. соглашения о рекомендации заинтересованным правительствам созвать Политическую конференцию по корейскому вопросу в течение 90 дней после заключения перемирия. После этого вновь возникли существенные расхождения между корейскими и китайскими руководителями.

Ким Ир Сен и другие корейские лидеры высказывались за скорейшее заключение перемирия. "Так, Ким Ир Сен при обсуждении с Нам Иром причин тупика в переговорах выразил мнение, что следовало бы предложить заключить перемирие, а все нерешенные вопросы передать на рассмотрение политической конференции. Ким Ир Сен считает затягивание переговоров невыгодным, так как американская авиация продолжает наносить КНДР серьезный ущерб. Он не видит целесообразности в продолжении споров о военнопленных, поскольку эти споры могут привести к еще большим потерям, а что касается военнопленных китайских добровольцев, то большинство из них, по словам Ким Ир Сена, являются выходцами из бывшей чанкайшистской 9-й армии, политически неустойчивыми, по-видимому уже распропагандированными гоминьдановцами, и поэтому бороться за них нет особого смысла... Нам Иру дано указание выяснить позицию китайцев в этом вопросе и предложить от своего имени Ли Ко-нынуну пойти на уступки в вопросе о военнопленных"²¹.

Китайские руководители придерживались иной точки зрения. Начав перевооружение китайской армии за счет поставок советского оружия, они опасались, что поток советских вооружений сократится или прервется с окончанием войны в Корее. Судьба же военнопленных из частей КНД их, видимо, не слишком беспокоила, тем более, если это были бывшие гоминьдановские солдаты и офицеры, которым командование НОАК не очень доверяло. Как писал Разуваев, "китайские товарищи считают, что торопливость может, напротив, привести к ослаблению позиций корейско-китайской стороны. Ли Ко-нынун заявляет, что если не мобилизовать мировое общественное мнение и не подготовиться к длительной борьбе, американцы не пойдут на уступки. Так же определяет перспективы переговоров и товарищ Мао Цзэ-дун, давший Ли Ко-нынуну следующее указание: Только при условии последовательной, решительной позиции вы можете завоевать инициативу и вынудить их пойти на уступки. Для достижения этой цели в переговорах вы должны быть готовы к тому, чтобы бороться с ними в течение нескольких месяцев"²².

Еще одним спорным вопросом стал вопрос о кандидатурах нейтральных стран в наблюдательный орган за соблюдением условий перемирия. Корейско-китайская сторона предлагала СССР, Польшу и Чехословакию, американская - Швецию, Швейцарию и Норвегию, причем США были категорически против СССР, считая его, и не без некоторых оснований, стороной, косвенно участвующей в конфликте.

К концу марта переговоры штабных офицеров полностью зашли в тупик, и возобновились заседания подкомитета по кандидатурам нейтральных стран, которые тоже ни к чему не привели.

Весной и летом 1952 г. американская сторона стала все чаще прерывать переговоры и усилила нанесение бомбовых ударов по Северной Корее.

Корейское руководство, как сообщал советский посол Разуваев в отчете за II квартал 1952 г., рассчитывало в апреле и не позднее мая заключить с американцами перемирие и, исходя из этого, планировало хозяйственную и политическую работу на вторую половину 1952 г. "Перемирие не было заключено, и это вызвало известное разочарование корейского руководства. Ким Ир Сен предлагал китайским товарищам пойти на уступки в вопросе о военнопленных и добиться заключения перемирия, так как американская авиация продолжает наносить КНДР серьезный урон"²³.

Однако в ходе переговоров никаких подвижек не происходило: по-прежнему оставались нерешенными вопросы о строительстве аэродромов, о нейтральных странах-наблюдателях и об условиях обмена военнопленных. Корейско-китайская сторона продолжала обвинять американцев в сознательном затягивании переговорного процесса, рассматривая активные действия американской авиации как признак утраты надежд на захват всей Кореи и стремление добить КНДР экономически, хотя, по мнению Разуваева, это определенно было военное давление с целью заставить корейско-китайскую сторону пойти на уступки на переговорах.

Корейские руководители хотели уступить в вопросе о военнопленных, чтобы ускорить прекращение военных действий. "Ким Ир Сен не видел смысла в дальнейших спорах о количестве репатрируемых военнопленных. Однако после того, как товарищ Мао Цзэ-дун в беседе с Пак Ден Ай разъяснил, что обстановка определяется не одним корейским вопросом, Ким Ир Сен и другие корейские руководители полностью присоединились к мнению китайских друзей, направляющих работу по переговорам о перемирии"²⁴.

28 апреля 1952 г. на пленарном заседании американская сторона согласилась пойти на уступку по вопросу о строительстве аэродромов, которая не имела уже никакого практического значения. Разуваев, например, писал следующее: "Корейское командование долгое время ожидало ввода в действие военно-воздушных сил и активизации боевых операций. На строительство аэродромов весной и летом 1951 г. корейцы израсходовали огромные средства, но авиация на аэродромы посажена не была, вследствие чего аэродромы были постепенно разрушены американцами"²⁵.

В свою очередь, корейско-китайская сторона согласилась на обсуждение не 6, а 4 кандидатур нейтральных государств-наблюдателей, без СССР, так что 3-й пункт повестки дня был практически урегулирован, и судьба подписания соглашения зависела от решения вопроса о военнопленных.

Однако в этом вопросе тупиковая ситуация оставалась прежней. Корейско-китайская сторона настаивала на принципе обмена всех военнопленных на всех, а американская - на добровольной репатриации.

Несмотря на продолжавшиеся переговоры, не прекращались интенсивные американские бомбардировки территории северной Кореи. В июне 1952 г. американская авиация подвергла массированным бомбардировкам территорию КНДР. Наиболее чувствительный удар по и без того ослабленной экономике страны был нанесен 23-24 июня, когда в результате налетов были разрушены 17 электростанций, в том числе Супунская ГЭС, являвшаяся основным источником снабжения страны электроэнергией, так что все предприятия КНДР на длительное время остановились. Очень тяжелым было положение в сельском хозяйстве: все сельхозработы проводились под постоянными бомбардировками и обстрелами.

В начале октября 1952 г. переговоры были фактически прерваны и возобновились только с изменением международной обстановки после смерти Сталина 28 марта 1953 г. Ким Ир Сен и Пэн Дэхуай в ответ на письмо Кларка об обмене больными и ранеными военнопленными предложили немедленно начать переговоры по этому вопросу в Паньмыньчжоне.

30 марта было опубликовано заявление Чжоу Энляя с предложением о репатриации всех военнопленных, которые на ней настаивают и передаче остальных нейтральному государству в целях обеспечения справедливого решения. 31 марта это заявление было полностью поддержано Ким Ир Сенем, а 1 апреля - советским правительством.

Американская сторона вначале согласилась на обмен больных и раненых военнопленных, а затем - на урегулирование вопроса в целом. 26 апреля переговоры возобновились, и тогда же корейско-китайская сторона передала американцам 684 человека, а американская (3 мая) - 6670 человек.

На переговорах снова начались споры: корейско-китайская сторона обвиняла американскую в желании насильственно задержать военнопленных в Корее, однако ее позиция была далеко не искренней. Советский посол в КНДР Суздаев писал, что "корейские товарищи предпочли задержать у себя большое количество южнокорейских военнопленных, используя их на различных трудоемких работах в Северной Корее и не считаясь с их желанием вернуться к своим семьям... В Северной Корее было задержано 1300 южнокорейских военнопленных, кроме того, 42000 южан были призваны в Корейскую народную армию на Юге и остаются в КНА до настоящего времени"²⁶. Советский посол считал, что задержание такого количества военнопленных, подлежащих репатриации, не вызывалось необходимостью и большинство из них могло бы быть репатрировано.

Наконец, 8 июня делегации обеих сторон подписали документ "Компетенция Комиссии по репатриации из представителей нейтральных государств", определивший условия репатриации²⁷. Согласно этому документу, создавалась комиссия из 5 нейтральных государств (Польша, Чехословакия, Швеция, Швейцария, Индия), под опеку которой передавались те военнопленные, которые не воспользовались правом на репатриацию. Представитель Индии был председателем комиссии, и Индия предоставляла необходимые для помощи в работе комиссии вооруженные силы. Разъяснительная работа среди военнопленных могла вестись в течение 90 дней, после чего не воспользовавшиеся правом на репатриацию передавались на усмотрение Политической конференции, созываемой в соответствии с Соглашением о перемирии. Если же вопрос не будет решен на Политической конференции, то комиссия должна перевести военнопленных на положение гражданских лиц и помочь им выехать в какую-либо нейтральную страну.

После подписания этого документа у переговаривающихся сторон остались только вопросы административного характера, вопросы окончательного установления демаркационной линии и окончательного согласования текста всех 63 статей Соглашения о перемирии.

Однако и в этот момент подписание Соглашения чуть не оказалось под угрозой, поскольку по приказу Ли Сын Мана из лагерей было освобождено около 26 тысяч военнопленных. Ким Ир Сен и Пэн Дэхуай заявили протест и были неудовлетворены объяснением, полученным от Кларка, считая его ответственным за действия Ли Сын Мана, но дальнейшего продолжения инцидент не имел.

С 10 июля возобновились закрытые заседания сторон, и в период с 10 по 26 июля все вопросы были согласованы. 27 июля было подписано перемирие, и через 12 часов военные действия были прекращены. Военная проблема была, наконец, решена, а решение политической только начиналось.

После подписания 27 июля 1953 г. соглашения о перемирии в Корее в соответствии с 60-м пунктом статьи IV командующим воевавших сторон вменялось в обязанность рекомендовать правительствам заинтересованных стран созвать в течение трех месяцев после вступления в силу соглашения о перемирии Политическую конференцию (ПК) на более высоком уровне, в которой должны были принять участие представители, назначенные обеими сторонами.

Инициатива по включению в соглашение пункта о ПК исходила от корейско-китайской стороны, предложившей в феврале 1952 г. на переговорах в Кэсоне созыв после подписания соглашения о перемирии ПК с целью решения проблем, связанных с выводом из Кореи иностранных войск, мирного урегулирования ситуации на Корейском полуострове, а также других проблем, касающихся мира в Корее.

На заключительном этапе переговоров о перемирии в Корее советская и китайская дипломатия вплотную занялись вопросом о созыве ПК, выступая за участие в ней не только представителей воевавших сторон, но и других государств, в том числе СССР, Англии, Франции, нейтральных государств, некоторых азиатских стран.

В июне 1953 г. Громыко обратился с запиской к Вышинскому, в которой высказал мнение о том, что можно было бы согласиться на участие в ПК Англии (помимо представителей воюющих сторон) и на принятие решений только при наличии единогласия заинтересованных сторон²⁸.

Вышинский поручил Первому Дальневосточному отделу МИД и советскому посольству в Пекине дать свои предложения по составу и повестке дня ПК. В ДВО сочли нецелесообразным ставить вопрос об обязательном единогласии участников ПК, а советский посол в КНР выступил за то, чтобы не включать в повестку дня вопросы, не относящиеся непосредственно к Корее²⁹.

17 июля Вышинский и Громыко направили "Предложения по корейскому вопросу" Молотову. В них были названы три варианта состава ПК, подчеркнута необходимость обязательного совпадения голосов представителей КНДР, КНР, США, Южной Кореи, а также СССР и Англии как участников Московского совещания 1945 г. по корейскому вопросу и сформулирована позиция советского представителя на ПК. Ему следовало добиваться немедленного вывода из Кореи всех иностранных войск, проведения после этого общекорейских выборов в Национальное собрание, создания комиссии нейтральных государств для наблюдения за выборами, оказания помощи ООН в восстановлении экономики Кореи³⁰. Эту позицию в целом разделяли КНДР и КНР, но с некоторыми нюансами. Ким Ир Сен, например, полагал, что главным на ПК должен быть вопрос о мирном объединении Кореи, а Чжоу Эньлай делал упор на то, чтобы корейцы сами решали вопрос о мирном объединении Кореи путем переговоров между Северной и Южной Кореей под наблюдением государств - участников ПК. Кроме того, Чжоу Эньлай предлагал, чтобы ПК проводилась в формате "круглого стола", и поддерживал вариант участия в ПК 11 государств (КНР, КНДР, Южной Кореи, США, СССР, Англии, Франции, Индии, Бирмы, Швейцарии, Чехословакии). Существенным моментом в позиции КНР было то, что китайская сторона считала целесообразным рассматривать на ПК не только корейский вопрос, но и другие вопросы, предусматривая

возможность торга с американцами в частности по вопросам, касающимся КНР. В одной из бесед советского посла в Пекине с Чжоу Эньлаем в августе 1953 г. последний высказал мнение, что "американцы на конференции, по-видимому, будут торговаться, причем возможен и такой вариант, что в качестве условия принятия КНР в ООН они выставят проведение выборов в Корею под контролем ООН, нейтрализацию Тайваня и вывод всех войск из Кореи"³¹. В связи с позицией КНР заведующий Первым ДВО МИД СССР Федоренко заметил: "Было бы целесообразно наши предложения по мирному объединению Кореи заранее согласовывать с правительством КНР"³².

У американской стороны было несколько вариантов урегулирования ситуации на Корейском полуострове³³, в том числе план "нейтрализации Кореи", который активно обсуждался в правительственных кругах США. Он предполагал вывод всех иностранных войск с Корейского полуострова, предоставление международных гарантий нейтральной Кореи (гарантами могли бы стать СССР, США, КНР, ООН, 16 стран, участвовавших в корейской войне), проведение выборов и формирование правительства, которое было бы "менее неприемлемым для Советского Союза и Китайской Народной Республики, чем правительство Ли Сын Мана"³⁴. Хотя в этом плане были некоторые положения, которые могли бы стать предметом переговоров, однако советской дипломатией он был с самого начала оценен крайне негативно как выгодный только США и ведущий к созданию на Корейском полуострове враждебного к СССР и КНР государства³⁵.

Вопрос о созыве ПК был вынесен на Генеральную Ассамблею ООН, принявшую в сентябре 1953 г. решение об участии в ПК представителей воевавших сторон. Это вызвало резкие возражения со стороны КНДР и КНР, а США предложили в некотором роде компромиссный вариант: во-первых, вопрос о приглашении нейтральных государств решать на самой ПК и, во-вторых, провести предварительные переговоры с целью достижения договоренности о времени и месте проведения ПК. Корейско-китайская сторона согласилась начать такие переговоры в Паньмыньчжоне, настаивая на том, чтобы обсудить на них также состав ПК.

Переговоры начались 26 октября 1953 г., и на них сразу же обнаружились серьезные расхождения между корейско-китайской стороной и "стороной ООН". США настаивали на обсуждении и принятии рекомендаций только относительно времени и места проведения ПК, тогда как корейско-китайская сторона выступала за обсуждение в первую очередь состава ПК. После довольно длительной дискуссии была принята повестка дня переговоров (состав ПК, время и место проведения ПК, процедурные вопросы, касающиеся ПК, административные мероприятия по подготовке, расходы), причем корейско-китайская сторона добилась того, что окончательное решение должно было приниматься пакетом, после согласования всех пунктов повестки дня.

Позиции сторон по первым двум пунктам повестки дня оставались диаметрально противоположными: ни о дате, ни о месте, ни о составе ПК они не могли договориться, выдвигая неприемлемые друг для друга предложения. Корейско-китайская сторона полагала, что США намеренно затягивают созыв ПК до 22 января 1954 г. - даты освобождения военнопленных корейской войны, что дает им возможность задержать более 20 тысяч человек³⁶.

Однако корейско-китайская сторона сама нарушала условия Соглашения о перемирии, задерживая у себя военнопленных. Как следует из записки Федоренко Молотову от 2 декабря 1953 г., составленной на основе сообщений

из КНДР от посла Суздалева, в Северной Корее задерживается 13094 военнопленных из лысынмановских войск, подлежащих репатриации, 6430 человек - на военной службе в КНА, остальные используются на различных работах по линии МВД и Министерства железных дорог. Кроме того, в Северной Корее - 42262 военнослужащих, мобилизованных в Южной Корее, но не служивших в лысынмановской армии. Ким Ир Сен во время пребывания в Пекине советовался с Мао Цзэдуном о том, как поступить с оставшимися военнопленными, и Мао высказался в том смысле, что передавать их в Южную Корею не следует, поскольку столь поздняя передача военнопленных дала бы американской стороне повод обвинить корейско-китайскую сторону в нарушении Соглашения о перемирии, с чем Ким Ир Сен согласился. Суздалеву же он заявил, что правительство КНДР примет необходимые меры к рассредоточению оставшихся военнопленных в северных районах страны и к предотвращению в дальнейшем возможности побега их на Юг или установления ими контакта с комиссией нейтральных стран по перемирию. "Полагаем, - заключал записку Федоренко, - что при создавшемся положении принимать какие-либо меры по данному вопросу с нашей стороны нецелесообразно"³⁷.

В конце декабря 1953 г. стало совершенно очевидно, что переговоры в Паньмыньчжоне ни к чему не приведут, и осуществить созыв ПК не удастся. В дипломатических кругах заинтересованных стран все большее распространение получала идея участия в урегулировании корейской проблемы всех великих держав, включая КНР. Она была реализована в решении Берлинского совещания министров иностранных дел Советского Союза, США, Франции и Великобритании, проходившем 25 января-18 февраля 1954 г. Министры предложили созвать 26 апреля 1954 г. в Женеве совещание представителей СССР, США, Франции, Великобритании, Китайской Народной Республики, Корейской Республики, Корейской Народно-Демократической Республики и тех других стран, вооруженные силы которых принимали участие в военных действиях в Корее, для достижения мирного урегулирования корейского вопроса. Однако и такая представительная международная конференция тогда не смогла вывести корейскую проблему из тупика.

Корейский полуостров вот уже полвека является источником напряженности и конфликтов в Северо-Восточной Азии. По всей видимости, корейская проблема перейдет нерешенной в XXI век. Разделение Кореи на два государства, война 1950-1953 гг., завершившаяся перемирием, последующие враждебные отношения между КНДР и Республикой Корея были следствием "холодной войны". Однако и с окончанием эры "холодной войны" тяжелый груз прошлого, различия в позициях и интересах России, Китая, Японии и США продолжают оказывать большое влияние на процесс разрешения корейской проблемы.

В 90-е годы вследствие ряда важных событий в мире в целом и на Корейском полуострове в частности этот процесс несколько активизировался в том числе в форме двусторонних (КНДР-США) и четырехсторонних (КНДР, КНР, РК и США) переговоров. В этой связи представляется, что опыт и уроки прошлых переговоров могут оказаться небесполезными и в наши дни, тем более, что в обширной литературе о корейской войне переговорному процессу уделено гораздо меньше внимания, чем предыстории вооруженного конфликта и событиям войны.

1. Архив внешней политики России (АВПР), ф. 059А, оп. 5А, п. 11, д. 4, л. 99.

2. Там же, л. 101.
3. АВПР, ф. 0102, оп. 7, п. 32, д. 65, л. 67.
4. АВПР, ф. 059А, оп. 57, п. 11, д. 4, л. 148-149.
5. Там же, л. 152-154.
6. Там же, л. 170.
7. АВПР, ф. 0102, оп. 7, п. 32, д. 65, л. 25.
8. См.: Bajanova N. Op. cit., P. 1.
9. АВПР, ф. 0102, оп. 7, п. 32, д. 65, л. 27-28.
10. Там же, л. 28.
11. АВПР, ф. 0102, оп. 86, п. 94-А, д. 1, л. 6.
12. Там же, л. 7.
13. Там же, л. 10.
14. АВПР, ф. 0102, оп. 8, п. 35, д. 8, л. 356.
15. Там же, д. 10, л. 46.
16. Там же, л. 47.
17. Там же.
18. АВПР, ф. 0102, оп. 8, п. 35, д. 8, л. 356.
19. АВПР, ф. 0102, п. 94-А, д. 1, л. 39-40.
20. Там же, л. 41.
21. АВПР, ф. 0102, оп. 8, п. 35, д. 10, л. 157-158.
22. Там же, л. 158.
23. АВПР, ф. 0102, оп. 8, п. 36, д. 11, л. 19.
24. Там же, л. 66-67.
25. АВПР, ф. 0102, оп. 8, п. 35, д. 8, л. 357.
26. АВПР, ф. 0102, оп. 9, п. 46, д. 14, л. 2.
27. АВПР, ф. 0102, оп. 9, п. 94-А, д. 1, л. 25.
28. АВПР, ф. 0102, оп. 9, п. 50, д. 68, л. 18.
29. Там же, л. 18, 22-24.
30. Там же, л. 25-28.
31. АВПР, ф. Молотова, оп. 12, п. 59, д. 395, л. 54.
32. АВПР, ф. 0102, оп. 9, п. 50, д. 68, л. 35-36.
33. Там же, л. 42-44, 52, 66.
34. Там же, л. 44.
35. Там же, л. 55.
36. Там же, л. 106.
37. АВПР, ф. 0102, оп. 9, п. 50, д. 67, л. 59-60.

Русские в Китае

По страницам ежегодника "Россияне в Азии" (Торонто)

© 2000

Е.Таскина

Выходящий при Торонтском университете литературно-исторический ежегодник "Россияне в Азии" за 6 лет своего существования заслуженно приобрел авторитет публикациями уникальных материалов из культурного наследия дальневосточной русской диаспоры и био-библиографических данных по этой теме, сведений о людях, оставивших след в Азии (главным образом, в Китае).

Пять номеров, вышедших за период с 1994 по 1998 гг., перед нами, и уже можно судить об этом издании и о тех усилиях, которые прилагает его редактор профессор О.М.Бакич по сбору материалов, разбросанных по разным странам мира.

Все выпуски идентичны по композиционной структуре: литературный раздел (публикуются, главным образом, стихи со вступительным словом об авторе), мемуары, дневники и письма известных деятелей русской диаспоры, описание коллекций и архивов, библиография новых изданий, рецензии и научные сообщения (последние - в сотрудничестве с известной своей коллекцией книг по данной теме Гамильтонской библиотекой Гавайского университета). Без четкого деления на рубрики издан № 5 ежегодника, посвященный 100-летию с начала постройки КВЖД и конкретно, как отмечено в редакционном вступлении, "всем российским и китайским строителям этой дороги." В этом выпуске, помимо сведений о жизни русских в Китае, опубликованы материалы и об их судьбах после окончания второй мировой войны.

О целях и задачах ежегодника четко говорится в редакционной статье к первому номеру (1994). Это - "публикация материалов по истории выходцев из России, которые по своей воле или по воле судьбы жили в разных странах Азии, главным образом, в Китае, Японии, Корее и Монголии в конце 19-го и первой половине 20-го века."

Обратимся к историческим материалам. Значительное место по объему занимает публикация дневника русского уполномоченного в Урге Ивана Яковлевича Коростовца - "Девять месяцев в Монголии" (№№ 1,2,3,5). Воспоминания о событиях 1912-1913 гг. хорошо информированного российского дипломата о российско-монгольских отношениях несомненно имеют исторический интерес.

Такой же исторический интерес представляют воспоминания о жизни россиян в Китае Николая Аполлоновича Байкова, наиболее известного уже в России автора (№ 1)¹. Он повествует о том, как строилась и охранялась КВЖД, проложенная по пустынной, почти незаселенной местности. Молодой офицер российской армии Н.А.Байков в те годы (да и всю последующую жизнь) был одержим одной страстью: увлечен изучением природы Дальнего Востока. Маньчжурия в те годы, особенно ее восточная часть, куда он получил назначение, была раем для натуралиста. Поэтому в его мемуарах мы находим не только описание быта военных, будней Заамурского военного округа, полных опасностей из-за непрерывных вылазок хунхузских шаек, но и живописные картинки таежной природы, часто мест, где еще не ступала нога человека.

Об этом же периоде повествует впервые опубликованный в № 5 исторический очерк Николая Васильевича Орлова, тоже военного, служившего в Заамурском пехотном полку с 1909 г. (в № 5 опубликована только 1 часть этой рукописи, публикация ее, как указано, будет продолжена).

Очерк "Заамурцы 1898-1917 гг." был готов к изданию в 1939 г., но в харбинской печати не увидел света. Эта рукопись, хранившаяся до настоящего времени в фондах музея русской культуры в Сан-Франциско, "представляет собой уникальный пример любовно созданного харбинского "самиздата". К рукописи было приложено множество фотографий, карт и схем. В ней много конкретных документальных данных.

Автор описывает, как служили офицеры и солдаты Заамурского округа в сложных условиях на чужбине. Многие из них сложили свои головы, защищая имущество КВЖД и жизнь ее служащих и во время боксерского восстания (ихэтуаней), и от хунхузов - "этого зла Китая", когда, по словам автора, "сами китайские власти ничего не предпринимали со своей стороны". Незаменимую услугу оказывала Охранная стража и в период таких страшных эпидемий, как чума 1899 г. и 1910-11 гг. Читая эти страницы, невольно приходишь к выводу, что без такой защиты невозможно было бы осуществить этот грандиозный по тем временам проект прокладки дороги по пустынной местности.

Из других опубликованных ежегодником очерков, сочетающих в себе и свидетельства очевидцев и документальные сведения, можно назвать статью доктора философских наук Никиты Валерьяновича Моравского "Остров Тубабао. 1949-51 гг. Последнее пристанище российской дальневосточной эмиграции" (№№ 4,5).

События на о.Тубабао, имевшие место после окончания второй мировой войны - еще малоизвестная страница истории российской дальневосточной диаспоры. Наверное, впервые они описаны и в русскоязычной зарубежной прессе столь подробно и обоснованно. Читатель найдет в этой интересной статье не только личные впечатления и свидетельство очевидца, но и множество ссылок на источники - документы, дневники соотечественников и другой материал. Все они повествуют, прежде всего, о стойкости и организованности людей, бывших харбинцев и шанхайцев, оказавшихся на два года в джунглях, фактически в драматической ситуации, лицом к лицу с незнакомой природой. Этот опыт выживания пяти тысяч русских выходцев из Китая уникален и представляет большой интерес.

Также малоизвестны и другие страницы истории русского дальневосточного зарубежья, приоткрывающиеся в воспоминаниях Н.С.Трескина (№ 5) о сложной трагической судьбе русских эмигрантов в Синьцзяне, ученого-

синолога Евгения Павловича Шилева - о службе в правительстве Министерства иностранных дел Маньчжудуго в Харбине (№ 4) и о "Большом скачке" в Пекине (№ 3). В ежегоднике опубликованы также два очерка владивостокского историка А.Буякова о пограничном комиссарстве в Южно-Уссурийском крае (№ 2) и о судьбах русских эмигрантов в Маньчжурии (№ 5). Теме репрессий в отношении возвращенцев - советских служащих КВЖД 30-х гг. - посвящена статья американца Стивена Мерита, историка Калифорнийского университета (на английском языке).

Читателя, несомненно, заинтересует публикация мемуаров Ю.Крузенштерн-Петерец в №№ 1,4,5. Воспоминания этой журналистки, начинавшей работать профессионально в Харбине и Шанхае, охватывают значительный период ее жизни в Китае: детство в Харбине еще до первой мировой войны, первые шаги на поприще газетной и журнальной деятельности (в газете "Гун Бао" и журнале "Рубеж"), участие в "ранней" "Чураевке", до отъезда в Шанхай... Благодаря остроумному меткому тексту, образному языку перед читателем люди встают как живые. Это плеяда харбинских литераторов - Вс.Н.Иванов, Алексей Ачаир, Михаил Талызин, все молодые поэты "Чураевки"². Однако справедливости ради следует отметить, что в те годы, когда писались эти воспоминания, автору были неизвестны судьбы литераторов, уехавших в СССР. Например, она пишет, что Вс.Н.Иванов ничего значительного по возвращении на родину не написал. Вряд ли это справедливо по отношению к писателю, написавшему и издавшему за период чуть менее 20 лет несколько исторических романов и оставившему ценные воспоминания (опубликованные уже после его смерти в 1971 году). Несмотря на сложный путь, выжил как поэт и как музыкант Алексей Ачаир (сведения о его деятельности в конце 50-х гг. помещены в литературных справочных изданиях, вышедших в последние годы в России). То же можно сказать и о некоторых других персонажах мемуаров - Л.Хаиндровой, Н.Щеголеве и др.

Не менее интересен и литературный раздел ежегодника.

Прежде всего отметим публикацию 16 неизвестных стихотворений Валерия Перелешина с кратким вступительным словом редактора (№ 1). Хотя оценочные высказывания в нем о Валерии Перелешине как об "одном из самых талантливых и значительных поэтов не только русской эмиграции, но и всей русской литературы" не бесспорны, представление его в самом первом номере ежегодника "Россияне в Азии" как поэта, много сделавшего своими произведениями и переводами для того, чтобы китайская культура стала понятней и доступней европейскому читателю, заслуживает благодарности.

Духовный мир Востока нашел отражение и в творчестве русских зарубежных поэтов - публикации в № 2 подборки стихов 16 авторов. В ней мы встречаем имена почти всех известных поэтов и писателей, живших в Китае, - Вс.Н.Иванова, Арсения Несмелова, Алексея Ачаира, Михаила Щербакова, Лидии Хаиндровой, Василия Логина, Михаила Спургота и др. Эти стихи наглядно демонстрируют, что русская творческая интеллигенция интересовалась историей древнего Китая, его духовной и материальной культурой.

Говоря о поэтическом творчестве, представленном в других выпусках, нельзя не отметить публикацию стихов рано ушедшего из жизни Георгия Гранина (№ 3) и Леонида Ещина (№ 4), прожившего в Харбине всего семь лет, но оставившего в исторической памяти образ трагической судьбы белого офицера в изгнании.

Публикация незаконченной "Повести о старом Харбине" ("Нина Граница") Арсения Несмелова, увидевшей свет только в журнале "Рубеж" 40-х гг. и не вошедшей ни в один сборник поэта, свидетельствует об одной из граней творчества этого большого поэта. Она еще раз подтверждает правоту суждений некоторых литературных критиков о том, что, к сожалению, не все литературное творчество поэта адекватно его таланту. Тому виной - борьба за хлеб насущный, за издательскую строку, по которой оплачивался в зарубежье труд литератора.

Это подтверждают и письма Арсения Несмелова П.П.Балакшину - чрезвычайно интересный материал для историков литературы, опубликованный в № 2. Из писем Н.А.Байкова В.К.Арсеньеву (представлены действительным членом Общества изучения Амурского края Амиром Хисамудиновым в № 5) также можно узнать о материальных трудностях, которые приходилось испытывать ученым и литераторам в зарубежье.

В последние годы ряды исследователей истории и литературы русского зарубежья на Дальнем Востоке пополнились именами и китайских авторов. В их числе профессор Дяо Шаохуа, специалист по классической русской литературе, выступивший с большим документированным очерком о художественной литературе русского зарубежья в раннем Харбине (№ 3). Очерк построен на редких, хранящихся в китайских архивах материалах, - в основном, на периодической печати, - и представляет несомненный интерес. Автор рассказывает о ранних литературных объединениях "русского Харбина", дает сведения о жизни и творчестве таких литераторов, как Клиорин, Аракин, Логинов и многих других. В конце приводится библиография (20 с.) с перечислением всех публикаций русских авторов в Харбине с 1905 по 1925 гг. Все данные представлены с академической точностью. (Интересно отметить, что из перечисленных автором литераторов признание в кругах российской диаспоры получили только Алымов, Ачаир, Даниленко, Логинов, Несмелов, Паркау, Спургот, Северный, Ф.Степанов, Шербаков, на Западе - Н.Алл. Баженова, Гусев-Оренбургский, в России - Скиталец).

Несомненно, исследование профессора Дао Шаохуа, получившего образование в Харбине и прекрасно владеющего русским языком, - серьезный вклад в дело изучения русского литературного наследия в Китае.

В двух выпусках ежегодника читатель найдет информацию о зарубежных русских художниках - Ю.В.Смирнове (1903-1947)(№ 2) и А.А.Азовцевой (1910-1995) (№ 4). Оба материала даны с цветными вкладками репродукций работ этих малоизвестных в России художников. В их судьбах есть схожие черты: оба детьми попали в Харбин, там получили образование, но к живописи пришли разными дорогами. Юрий Витальевич Смирнов, окончив Харбинский политехнический институт, успешно работал по проектированию зданий (например, по его проекту построены большое общежитие для студентов ХПИ, Свято-Алексеевская церковь и памятник В.В.Казем-Беку в Харбине), однако, военные события 30-40-х гг. явились поворотным пунктом в судьбе художника и его семьи. После многих скитаний художник оказался в Макао, где он стал писать акварели, на которых запечатлены морские суда и джонки, южные пейзажи. Его работы сохранились, многие находятся в музее Макао, и, как утверждает в статье о художнике, "по-прежнему полны уникального очарования".

Александра Александровна Азовцева в 30-х гг. увлекалась и скульптурой, и портретной живописью, и художественной вышивкой. Среди работ ху-

дожницы есть также китайская тема - портреты китайцев и пейзажи. Целую серию таких работ она выполнила в Шанхае, куда переехала в 1940 г. С 1954 г. до своей кончины художница жила в Австралии, где получила признание за свои работы - многочисленные награды, выставки и посмертно изданная книга о ее жизни и творчестве, написанная Ией Глебовой (ей же принадлежит очерк о художнице в ежегоднике).

Эти две судьбы русских людей, занесенных ветром истории в Азию, лишь часть того широкого полотна жизни, которое раскрывается на страницах "Россияне в Азии". Любопытный читатель найдет еще много удивительных историй в этом издании: о судьбе юного чемпиона по боксу Андрея Шиляева (№ 5), об "эпосе русского эмигранта без героики" (автор А.П.Корецкий) (№ 3), о детстве и юности в Харбине переводчицы и специалиста по китайскому языку чешско-русского происхождения Веры Сикоровой (№ 4) и много других.

Обязательным и очень нужным является раздел рецензий и научных сообщений, публикуемых при содействии библиографа Гамильтонской библиотеки Гавайского университета Патриции Полански и работников Музея русской культуры (Сан Франциско). Обзор публикаций охватывает все, что выходит в разных странах мира по теме ежегодника, в том числе и в России. Несомненно, описание архивов - также огромная помощь всем исследователям, изучающим историю и культуру русского зарубежья.

Нельзя не отдать должное огромному труду, который вкладывает редактор ежегодника "Россияне в Азии" профессор О.М.Бакич в дело сохранения свидетельств очевидцев о жизни и деятельности русской диаспоры на Дальнем Востоке. Хотелось бы надеяться, что канадская летопись "Россияне в Азии" будет по-прежнему доступна читателям Отдела русского зарубежья Российской Государственной Библиотеки.

1. В сокращенном виде эти воспоминания Н.А.Байкова были опубликованы в журнале "Политехник", № 10, 1979 (Сидней), в антологии "Харбин - ветка русского дерева", Новосибирск, 1991, альманахе "Рубеж", № 2, 1995, сборнике "Русский Харбин", М., 1998.
2. С небольшой частью этого материала можно было ознакомиться по публикации Ю.Крузенштерн-Петерс в "Возрождении", № 204, 1968.

Мысли о проблеме человеческой цивилизации

© 2000

Чжан Шаохуа

Автор публикуемой ниже статьи принадлежит к новому поколению китайских философов, сформировавшихся в Китае за период политики реформ и открытости. Чжан Шаохуа (Чжан Цзиньцзи) родился в январе 1952 г. в пров. Шаньдун в бедной крестьянской семье. После учебы в сельской школе он вступил в НОАК, где прослужил до 1973 г. В следующем году Чжан поступил на работу в бюро пропаганды завода электрических кабелей г. Чжэнчжоу, откуда в 1981 г. был направлен в отдел пропаганды комитета КПК пров. Хэнань. В 1985 г. он перешел на работу в Институт философии АОН Китая и оставил его в 1990 г., чтобы посвятить себя самостоятельной научной работе.

Чжан Шаохуа - создатель философской концепции "трех единств мира", которую, по его словам, он начал разрабатывать с начала 70-х гг. и над которой продолжает работать по настоящее время. Суть этой концепции автор выразил в трех постулатах: "выявлять единое в вещах, добиваться единства человечества, стремиться к единству природы ("Неба") и человека". В 1991-1995 гг. пекинское Издательство радио и телевидения выпустило в свет серию работ Чжан Шаохуа в 10 книгах, объединенных названием "Новые взгляды Чжан Шаохуа". Туда вошли его основные сочинения по вопросам диалектики, метафизики, социологии и этической антропологии. Ряд органов печати КНР высоко оценил систему взглядов Чжан Шаохуа. Одна из центральных газет КНР - "Гуаньмин жибао" - писала 23 ноября 1995 г., что взгляды Чжан Шаохуа являются "самостоятельными, оригинальными суждениями китайца, затрагивающими актуальные для всего современного человечества важные темы", и что они "обладают завершенностью, строгой структурой, богатым содержанием, вполне сопоставимым с иностранными теориями". Газета "Чжунго гайгэ бао" писала 16 февраля 1996 г., что появление системы взглядов Чжан Шаохуа "является наиболее важным, глубоко значимым событием в области китайской мысли со времен начала политики реформ и открытости". Орган Института философии АОН Китая журнал "Чжэсюэ дунтай" (1996, №3) охарактеризовал эти взгляды как "систему идей, наследующую прошлое и открывающую путь в будущее мировой мысли".

В 1996 г. в Пекине был создан Институт по изучению системы взглядов Чжан Шаохуа, а затем в ряде провинций Китая - его отделения и

исследовательские группы. В целях популяризации его взглядов в январе 1999 г. сингапурское издательство "Way media PTE Ltd" выпустило в свет книгу "Система взглядов Чжан Шаохуа" ("Чжан Шаохуа сысян тиси"), подготовленную группой видных философов КНР. Ее перевод на иностранные языки в настоящее время осуществляется в Англии, Румынии, Австралии и России. В 1999 г. проф. Чжан Шаохуа избран иностранным членом Международной академии наук о природе и обществе (МАНПО).

Публикуемая ниже статья излагает взгляды Чжан Шаохуа на проблему кризиса современной цивилизации, путей выхода из него и перспектив развития человеческой цивилизации в XXI в. в свете его "новой научной системы". Публикация этой статьи позволит читателям журнала получить представление о некоторых новых тенденциях и явлениях в философской науке и идеологической жизни современного Китая.

В.Ф. Феоктистов,
Заместитель руководителя Центра
изучения духовных цивилизаций Восточной Азии
Института Дальнего Востока РАН

Главным противоречием XXI века является конфликт между цивилизационной моделью, просуществовавшей более 2000 лет, и современной жизнью, обладающей достаточной силой для уничтожения этой модели. Решение состоит в том, чтобы найти новый цивилизационный дух, соответствующий новой эпохе. Матерью этого цивилизационного духа выступает дух единства, который должен воплотить единство всего существующего, Неба и человека.

1. Основные проблемы человечества в XXI веке

Человеческая цивилизация стоит сегодня на историческом перепутье. Более 2000 лет назад люди, исходя из простейших потребностей, создали разные системы цивилизации - изолированные в пространстве, ограниченные во времени, детерминированные теми или иными специфическими географическими и социальными условиями. Так возникли цивилизация Востока, сконцентрировавшая внимание на человеке, и цивилизация Запада, ориентированная на материальные факторы. В условиях современности, когда человечество вступило на путь интеграции, углубившейся к концу XX столетия, становятся все более очевидными недостатки способов мышления, присущих двум цивилизационным системам, которые несут миру все новые тяжкие бедствия.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что цивилизационная система Востока и цивилизационная система Запада, которые некогда вывели человека из первобытного состояния и варварства, исчерпали свои жизненные силы. Человечество оказалось на пороге глобального цивилизационного кризиса; оно парализовано всеобщей экологической деградацией, социальной нестабильностью и обозначившимися духовными проблемами.

Что нам следует предпринять? Где та система цивилизации, которая укажет путь в завтрашний день? Каков дух новой цивилизации? Осмыслением этих вопросов заняты философы и ученые, государственные мужи и богословы всего мира. Но, обращаясь в поисках ответа к прошлому, обобщая исторический опыт и объясняя настоящее, они остаются заложниками одной из двух традиционных систем цивилизации, которые ограничивают их мышление рамками традиционной же логики. Поэтому чем больше они размышляют, тем больше заходят в тупик.

Все это прискорбно, но неизбежно. Налицо явный кризис того, что присуще человеку как человеку; вместе с тем, этот кризис содействует становлению нового человека. Как некогда люди выделились из мира животных благодаря своевременно созданной спонтанной цивилизационной структуре и логике мышления, так и мы сегодня сможем адаптироваться к современной жизни и обеспечить человеку новое рождение, если создадим структурно-логическую конфигурацию, наделенную свойством самосознания.

Можно говорить о цивилизации в широком и узком смысле слова. В ее узком понимании цивилизация противостоит варварству, то есть первобытному состоянию, войне, автократии и невежеству. В более широком смысле понятие цивилизации указывает на сущность человеческого существования и деятельности, равно как на различные формы их реализации. Ее горизонтальный срез составляют многочисленные цивилизационные факторы, олицетворяющие автономную систему "самосозидания". Вертикальное измерение цивилизации также является следствием многих факторов, взаимодействие которых представляет собой самоконтролируемый процесс "авторефлексии". Стадия цивилизации определяется характером и уровнем развития экономики, политики, коммуникаций, культуры, науки и техники, а также типом мышления характерными для того или иного временного периода.

История человечества знает несколько типов цивилизации. Так, более 4000 лет назад в Африке, точнее – в древнем Египте, возникла "цивилизация Сфинкса" (или "души и тела"), которая учила "как стать человеком". Одновременно в Европе, в древней Греции была создана система цивилизации "люди – вещи", в основу которой легла идея о том, "как делать вещи". В то же самое время в Азии, прежде всего – в древнем Китае сформировалась цивилизационная система "человек – человек", которая взяла за основу формулу "как ладить с людьми" и т.п. Именно типом цивилизационной системы определяются особенности мышления, способ производства, образ жизни, шкала ценностей, идеология и социальная организация человеческих сообществ в том или ином месте в тот или иной отрезок времени. Цивилизация формирует душу человека, она входит в его плоть и кровь. По этой причине как становление цивилизации, так и ее упадок представляют собой весьма сложные процессы. С одной стороны, новая цивилизация, обладая жизненной силой, удовлетворяет запросы времени и указывает людям их будущее; с другой – прежняя цивилизационная система, обладая инерцией сопротивления, не исчезает сразу с приходом новой.

Сегодня наступает время общечеловеческой интеграции, когда люди все глубже проникают в тайны микрокосма и все яснее постигают явления макрокосма, когда близится момент рождения "человека зрелого" и подлинное начало "мировой истории". Вместе с тем, современные системы цивилизации – это продукт более чем 2000-летней истории; другими словами – это цивилизации аграрной эпохи. В те времена люди существовали в географической изоляции, сферы их жизнедеятельности были крайне ограничены, уровень жизни – низок, контакты – редки и незначительны, научные сведения – поверхностны, самосознание – смутно; они верили в силу кровно-родственных связей и почитали идею государственности. В наши дни отчетливо обозначились противоречия между старыми цивилизационными системами и новыми требованиями жизни, между национальными аграрными традициями и информационной эрой, между спонтанным духом цивилизации и деятельностью человека, наделенного самосознанием. Нам предстоит жить в гуще этих противоречий.

На фоне всех этих проблем современные мыслители строят самые разные прогнозы. Одни говорят, что XXI век станет веком конфликта восточной и

западной цивилизаций; другие предвидят доминирование восточных этических доктрин; третьи полагают, что следующее столетие будет отмечено процветанием и безграничным развитием западной научно-технической цивилизации; четвертые надеются на мирное сосуществование цивилизаций всех типов. Все эти соображения вполне резонны – с той точки зрения, что их авторы понимают, что в XXI веке главными станут проблемы цивилизации и духа. Тем не менее, высказанные суждения носят односторонний характер и представляют собой интерпретацию темы цивилизаций под определенным углом зрения. В частности, мыслители нередко ограничиваются обсуждением особенностей собственных региональных цивилизаций или цивилизационных систем – «оппонентов»: например превозносят научные аспекты цивилизации, отрицая моральные, акцентируют материальные факторы в ущерб духовным, и наоборот. Кроме того, эти мыслители все еще испытывают эмоциональную привязанность к своим национальным или религиозным цивилизациям, к так или иначе гендерно ориентированным цивилизационным моделям и т.п.

Причиной односторонности подобных суждений является историческая традиция, т. е. нежелание отказаться от способов мышления и познания, унаследованных из прошлого и прочно вошедших в привычку. На самом деле сегодня как западная цивилизация, две тысячи лет выстраивавшая отношения человека и материального мира, так и ее историческая ровесница – восточная цивилизация, фокусом которой выступают отношения человека к человеку, вряд ли готовы понять и принять друг друга. Общечеловеческий дух цивилизаций грядущего столетия не может возникнуть в результате простого добавления друг к другу этих цивилизационных систем, равно как ни одна из них сама по себе не сможет стать базовым элементом будущих цивилизаций – индийской, исламской и китайской. К примеру, буддисты не могут заставить даосов или мусульман поверить в Шакьямуни.

Цивилизации обладают специфической органической структурой. Как правило, ее образуют следующие элементы: философское основание – как руководящий принцип, ценностные стандарты – как нормы человеческой деятельности и духовная опора, обретение которой есть цель человеческого существования. В соответствии с такой структурой цивилизации ее эмбрион также состоит из трех главных элементов: это философские идеи, выдвигаемые в проекте новой цивилизации, провозглашаемые им ценностные идеалы и некоторая духовная сфера, которую этот проект подразумевает. Эти тесно связанные между собой элементы формируют эмбрион новой цивилизации, образуя его «генную структуру». Благодаря такой тройственной «генной структуре» каждая цивилизация обретает свои неповторимые особенности и уникальное строение.

Мы полагаем, что в нашей современной жизни уже существует эмбрион цивилизации следующего столетия. Его образуют философская идея «Единства всех вещей», ценностный идеал «Единства всего человечества» и духовная сфера «Единства Неба и Человека».

2. Единство всех вещей как базовая философская идея XXI века

Жизнедеятельность животных определяется пищей; жизнью человека руководят идеи, которые, в свою очередь, «предписываются» философией. Поэтому природа философии отражает природу человека, а уровень философского мышления показывает степень развития его познавательных способностей. Именно поэтому философы любят повторять, что человек «философичен» по своей природе. Действительно, нельзя не согласиться с тем, что философия возникает только тогда, когда человек овладевает навыками абстрактного логического мышления. Строго говоря, философия зародилась в период

перехода человечества от варварства к цивилизации, который отстоит от нас по крайней мере на 5000 лет.

Философия - это тип знания, в котором находит отражение самосознание человека. Ее содержание менялось в зависимости от этапа эволюции, климатических и географических условий и исторических традиций. Однако толкование философии в разных цивилизационных системах в основе своей оставалось одним и тем же. Так, древние египтяне считали философию учением о познании человеком самого себя; древние греки утверждали, что это - любовь к мудрости; древние китайцы верили, что философия делает людей совершенномудрыми, а древние индийцы думали, что она есть учение о самосознании. Наряду с теологией, предложившей человечеству систему верований, наукой, предоставившей ему знание, и политикой, предписывающей нормы поведения, философия явилась одной из составляющих "цивилизационного параллелограмма" на заре истории человечества.

При этом философия самым непосредственным образом связана с духовной природой человека, его сознанием и нравственными исканиями. Поэтому в сравнении с теологией, наукой и политикой как частями цивилизационной системы, философия уникальна тем, что ее корнем выступает собственно человеческое начало. Она является "наукой мудрости", которая напоминает человеку об опасности, когда ему ничто не угрожает, и помогает этой опасности избежать в заведомо безвыходных ситуациях. Она является "таинственной наукой", которая способна в теории отделить друг от друга прошлое, настоящее и будущее, а в практике реальной жизни - связать их воедино. Одним словом, философия - это совершенно особое "учение о человеческом", которое в подлинном смысле слова делает человека человеком. Древнекитайский мудрец Лао-цзы говорил:

*"О тьма космической утробы!
 Миряне все сиянием полны,
 Один лишь я сокрыт во мраке.
 Миряне любознательны в исканьях,
 Один лишь я ничем не увлечен..."*

Его слова - яркое и живое описание философии и философов.

Когда человечество сталкивается с неразрешимыми противоречиями, когда дух его сломлен, а цивилизация находится на переломе, первое, к чему люди обращают свой мысленный взор, это философия. Сегодня человечество стоит на пороге XXI века и стучится в дверь грядущего. За этой дверью нас ожидает не только новое столетие и новая историческая эпоха, нас ждет новая философия.

Философское познание руководствуется особыми принципами. Оно движется от внешнего к внутреннему, от общего к единичному, от "здесь-бытия" к "там-бытию". К примеру, исходным может быть вопрос: почему мы существуем? Если в ответ будет сказано, что наше существование определено доисторическими, историческими предпосылками и наличными условиями, то может последовать другой вопрос: почему эти предпосылки именно таковы? Рассуждая подобным образом, мы в конце концов придем к идее первопричины. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в глубокой древности философское мышление развивалось в форме тотемизма, а в менее отдаленные исторические времена возникли онтология и детерминизм.

Однако, не находя ответов на эти и подобные вопросы на протяжении столетий, люди постепенно стали интересоваться самим процессом их возникновения и поиска ответов. В Новое время они обратились к более конкретным проблемам, а именно: как существуют вещи и каким образом они действуют? Размышляя на эту тему, люди выработали познавательную идею внутренней

структуры и закономерностей простейших явлений и конкретных вещей. Эта идея есть воплощение индетерминизма, акцентирующего процессуальность, хаотичность, относительность существования вещей, их системность и самоорганизацию. В основе данного типа познания лежал отказ от принципа релевантности человека и вещей, одушевленной и неодушевленной материи. Кроме того, индетерминизм был обусловлен быстрым развитием науки и распространением ее влияния.

Индетерминистский способ мышления не только не сумел преодолеть недостатки детерминизма, но и отказался от заложенных в нем рациональных моментов. Точно так же детерминизм не смог освободиться от несостоятельных аспектов противоположного ему типа мышления. Эта антиномия наглядно показывает, что феномен противостояния детерминизма и индетерминизма обусловлен общей для них позицией исключительности, которая стала причиной противоречий в способе мышления.

На самом деле существование и развитие всех вещей в мире, а значит и сам мир, подлежат одновременной детерминации и контрдетерминации. Почему существует та или иная вещь? Почему она существует таким, а не иным образом? Потому, что эта вещь возникла в результате взаимодействия многих вещей, и таким образом возникнув, продолжает существовать в контексте взаимодействия окружающих ее факторов. Сказанное означает, что каждая вещь следует собственной детерминации, которая определяет, чем является вещь с момента рождения, и эта детерминация, в свою очередь, связана с доисторическими, историческими предпосылками и наличными условиями. Вместе с тем, если бы каждая вещь просто обуславливалась другой вещью, мы не имели бы ничего, кроме нагромождения мертвой материи. Другими словами, всякая вновь возникающая вещь в момент своего возникновения контрдетерминируется предшествующей ей вещью, а после возникновения — отношениями окружающих ее вещей. Следовательно, существование всех вещей в мире с момента их рождения подразумевает контрдетерминизм, который, без сомнения, должен действовать рука об руку с детерминизмом.

Контрдетерминизм олицетворяет внутреннюю жизненную силу детерминизма, а детерминизм является неотъемлемым свойством контрдетерминизма. Тем самым они составляют две части единого целого и образуют две качественные стороны одной и той же вещи. Это значит, что все вещи космоса с момента своего рождения в своей сущности и определенности отмечены печатью детерминизма и контрдетерминизма. Благодаря этому отношения вещей обнаруживают связь детерминизма и контрдетерминизма, а обусловленный этими отношениями процесс развития становится процессом детерминации и контрдетерминации.

Таким образом, детерминизм вне контрдетерминизма подобен реке без воды, а контрдетерминизм вне детерминизма — воде без ее источника. Диалектика мышления детерминизма и контрдетерминизма станет набором трюков, подвластных воле фокусника, а логика превратится в софистику и утратит свою предписательную силу. Более того, человечество не сможет даже приблизиться к пониманию реальности, если его мышление не будет базироваться на принципах детерминизма и контрдетерминизма.

Детерминизм и контрдетерминизм, без сомнения, представляют собой разновидности космического духа, а все вещи наделены космической природой. Благодаря детерминизму космос и все вещи обладают определенностью, внутренним единством, упорядоченностью, направленностью движения и системной организацией: благодаря контрдетерминизму они демонстрируют активность, новизну, разнообразие, развитие и динамику. Именно на перекрестке детерминизма и контрдетерминизма, в момент их встречи и соприкоснове-

ния формируются мотивы и причины существования всех вещей, движущие силы, принципы и направление их развития. Именно взаимодействие этих принципов обусловило образование пространства и времени – этих величайших загадок, которые волнуют человечество на протяжении столетий.

Детерминизм и контрдетерминизм обуславливают некую тождественность всех вещей космоса. Эта тождественность, сокрытая в самой глубине вещей (то есть их интеграция и единство), определяет их развитие и взаимные отношения. Поскольку таков характер всех вещей космоса, то в каждый момент времени вещи оказываются связанными горизонтальными и вертикальными отношениями детерминизма и контрдетерминизма. Поэтому все вещи космоса одновременно отличны друг от друга и связаны между собой и, обладая независимым существованием, сосуществуют друг с другом.

Легко заметить, что способ философского мышления, о котором идет речь, вообрал в себя рациональные моменты как детерминистских, так и индетерминистских философских учений. Этот тип философствования не просто отвергает односторонность традиционной логики, стереотип рассуждения по принципу “или - или” и привычку мыслить в онтологических рамках, оперируя субстанциональными категориями; этот способ философского мышления заметно продвигает вперед самую философию, которая ищет мудрости в отношениях, обретает знание в самой реальности и оплакивает материальность истины. В общем и целом речь идет о синтезе на новой философской основе. Ее новизна заключается в том, что принцип детерминизма и контрдетерминизма со всей очевидностью не принадлежит к традиционным способам философствования.

Единство всего сущего есть интеграция или единство всех вещей, что означает интеграцию или единство их сущности. Поэтому мы утверждаем, что философский способ мышления, который обнаруживает “единство всех вещей”, должен стать философской идеей человеческой цивилизации в XXI веке.

3. “Единство человечества” как ценностный идеал XXI века

Ключевая философская идея человечества теснейшим образом связана с самим существованием человека, его жизненными целями и стадией развития цивилизации. Но как только обнаруживается связь той или иной философской идеи с текущей жизнью людей, тут же вырабатывается соответствующий ценностный идеал.

Человеческое существование есть разновидность существования, промежуточная между божественным и животным. Однако ни Бога, ни обитателей животного мира проблема ценностей не касается. Для животного ценность заключается в выживании и не может рефлексироваться как проблема. Бог есть доминанта космоса – ни с чем не сопоставимая, могущественнейшая и самая почитаемая. В этой несопоставимости, могуществе и почитаемости и состоит ценность Бога. Поэтому для Него нет необходимости рассуждать о своей ценности. И только мы, представители рода человеческого, сталкиваемся с проблемой своей ценности в космосе.

В деятельности человека находят свое воплощение его ценностные мотивации, т. е. деятельность людей в ее разных проявлениях указывает на присутствие критериев ценности. Каждый критерий подразумевает существование того или иного ценностного стандарта, который предписывает, чему и как именно следует быть. Основанием для выработки ценностного стандарта служит ценностный идеал. Типы ценностных идеалов определяют систему ценностных стандартов, которую подлежит создать и которая, в свою очередь, позволяет увидеть критерии ценности и соответствующие им виды деятельности в их овеществленной форме. Следовательно, различные виды деятельно-

сти индивидов и наций, а также то, что люди считают правильным и неправильным, обусловлено разумностью и ценностью идеала. Таким образом, ценностный идеал имплицитно содержит в себе сценарий развития отношений, субъектами которых выступают история, реальность, грядущее – и собственно человеческое.

Великий Гегель сказал: “Все действительное – разумно, а все разумное действительно”. К сожалению, такова логика жизни вне присутствия человека, например, в мире животных. Логика человеческой жизни иная: все, что соответствует собственно человеческому, разумно и должно стать действительным.

В таком случае, что есть человеческая природа в этом мире? И как нам следует определять человека?

Самая сложная сторона этой задачи – выбор метода и точки отсчета для осмысления собственно человеческого. На протяжении столетий человек сравнивал себя с животными и божествами. Поэтому, объясняя самого себя, человек ссылался на свои специфические “производные” – семью, нацию, цивилизацию, труд. Так в истории самосознания человечества появились следующие положения: человек есть животное, которое обладает разумом; он передвигается на двух ногах и способен к эмоциональным переживаниям; как субъект культуры, политики и общества, человек является хозяином природы, в одно и то же время он подобен ангелу и чудовищу и т.п.

Однако, на самом деле представители рода человеческого столь же мало способны воспарить в небеса, дабы познать Бога, как и низвергнуться в пучину животной жизни, чтобы понять ее обитателей. Более того, пытаться объяснить человека ссылками на что-то, что недоступно пониманию самого человека, сравнивая это “что-то” с самим человеком – значит, совершать серьезную логическую ошибку. Точно так же мы не можем определять человека, указывая на следствия (или “производные”) его деятельности. Результаты человеческой деятельности – это продукты его сознания в конкретный момент истории. Использование производного для определения исходного противоречит законам логики. Так, некоторые последствия деятельности людей адекватны собственно человеческому, другие – неадекватны, а третьи – попросту губительны для человечества. Кроме того, чем дальше мы уходим от человеческого, тем стремительнее приближаемся к предшествовавшему ему животному началу, которое все еще привлекательно для человечества и обещает ему новые соблазны. Другими словами, если мы и выберем в качестве фундамента для своих определений то, что отвечает человеческому и отмечено его печатью, мы рискуем еще дальше отторгнуть человека от него самого.

Итак, для того чтобы выявить природу человека, мы должны начать с изучения его жизни и окружающих его реалий. Только обращаясь к живой человеческой деятельности, к сфере отношений животного, человеческого и божественного, к человеческой саморефлексии, воспевая человеческое и принимая в качестве точки отсчета космический дух, который вскормил человека и ускорил его поступательное движение вперед с тем, чтобы в конце концов выйти за пределы человека – только на этом пути мы сможем уяснить, что есть человеческая природа.

В таком случае мы вправе сделать следующий вывод: природа человека есть природное-человеческое.

Человек возникает из природы и повинуется ей, он живет в природе и исчезает в ее недрах. Следовательно, человек от рождения природен. Причина того проста: человек появился на свет после животных и потому с необходимостью несет на себе их родовое клеймо. Природное в человеке служит предпосылкой и основой для возникновения собственно человеческого.

Но как только человек порывает свои связи с животным миром и превращается в носителя более высокоорганизованной формы жизни, он начинает усиленно отрицать свою былую животную природу с новых, более высоких и благоприятных для него позиций. Для того, чтобы воспрепятствовать экспансии этой животной природы, человек создал понятие о божественном и утвердил его в своей жизни. Создание понятия о божественном и выбор в его пользу сулят человечеству успех в его стремлении освободиться от диктата животного начала.

Однако мы должны указать, что, с одной стороны, люди глубоко и прочно связаны с животным началом кровными узами. Поэтому в любой момент они могут легко скатиться до уровня "животных" и отступить от человеческой природы. С другой стороны, люди испытывают сильное желание избавиться от животного начала и установить порядок более высокого уровня, что может легко поставить людей в ущербное отношение к "божеству" и таким образом опять же привести к умалению человеческой природы.

Фактически, человек как человек уже имеет собственные духовные запросы, моральные потребности и высокие чувства. Этим определяется то, что он не может подвергнуться палингенезису, т. е. переродиться в своих животных предков. Точно так же, поскольку человек обладает плотью, кровью и многими другими природными качествами, он никогда не станет божеством. Вот почему "обожествленное животное начало", или "опосредованная животным началом божественность", по сути и есть наша человеческая природа. Другими словами, этот симбиоз "зверя и божества" образует человеческую природу. В терминах философии, антропологии и гуманитарного знания она представляет собой "природное-человеческое".

Природное-человеческое есть "человеческая форма" вселенского духа. Подобным образом в камне вселенский дух предстает неким "простым существованием", в растении - существованием растительным, в животном - активной плотью.

В развитие этой мысли можно провести следующий анализ.

Люди отличаются от животных и Бога тем, что те переживают рождение и становление только единожды, тогда как люди - дважды. Примером является жизнь индивида: каждый человек проходит через два этапа рождения-становления, первый из которых характеризуется спонтанностью и незрелостью, а второй - сознательностью, зрелостью. Каждый из этих этапов включает в себя две стадии.

На первой стадии первого этапа рождения-становления человек получает естественную жизнь от природы, от своих родителей. Это предпосылка и основа того, что делает человека человеком. Данная стадия относится к зародышу, новорожденному и младенцу, она охватывает примерно два года. На второй стадии, длящейся в общей сложности около 20 лет, человек формируется под воздействием общества, образа жизни, общения и образования, которые выступают ключевыми факторами для детства, отрочества и юности.

Второй этап еще важнее. На его первой стадии через осмысление и наблюдение отношений "человек - человек", "Небо - человек" и "тело - душа" индивид приходит к сознательному формированию себя как человека, обретает возможность контролировать свои действия на основе правильного понимания человеческой природы. Эта стадия завершает переход от "человека природного" к "человеку сознательному". Вторая стадия второго этапа характеризуется зрелым познанием и пониманием того, что представляют собой старость и смерть: старость выступает наиболее зрелым и ценным отрезком жизни, а смерть раскрывает сокровенные глубины эволюции вселенной, мира людей и жизни человека, предстает миссией новой жизни и вечной жизни.

Известные в истории гуманисты, знающие, мудрые и тонко чувствующие люди проявили величие, неординарность и возвышенность своих личностей именно потому, что они завершили оба рождения-становления, осуществив переход от "человека-животного" к "собственно человеку" и далее от "природного человека" к "человеку сознательному". Первое рождение-становление означает утверждение различия между животным и человеком, второе являет собой громадный скачок вперед, к утверждению человека в человеческом качестве.

До 60-х, а еще вернее, до 90-х годов XX столетия вся предшествовавшая история принадлежала к первому этапу рождения-становления, который характеризовался спонтанностью. 400 миллионов лет существования первобытного человека относятся к первой стадии первого этапа - стадии роста. Вторую стадию первого рождения-становления являют недавние пять тысяч лет и в особенности последние две тысячи лет. Теперь стало ясным, что человечество вступило в эпоху своего второго рождения-становления. Это важный этап в истории человеческой эволюции и изумительный скачок в ходе эволюции вселенной. Данное рождение-становление даст людям возможность преодолеть спонтанность и осознать самих себя в качестве человеческих существ. В то же время оно призвано привести человеческие мысли, жизнь, дела и межличностное общение в сознательное соответствие с человеческой природой.

Однако это станет лишь первой стадией второго рождения-становления. После этого человечеству необходимо завершить вторую стадию развития - в соответствии со вселенским духом, который будет осознан людьми. Своим разумом и собственными силами человечество сознательно, по своему желанию осуществит акт самоотрицания, выводя космическую эволюцию на уровень, превосходящий обычную человеческую эволюцию. Эта сверхэволюция будет проходить на фоне быстрого развития биологических наук, в особенности технологии генной инженерии и клонирования, физики высоких энергий и космических технологий. Будет углубляться понимание людьми вселенского духа, человечество вступит в новый, великий этап своего рождения-становления.

В этом смысле практически все ценностные идеалы, существовавшие в прошлом и сохранившиеся в наши дни, оказываются отчужденными и смещенными. Изначально ценностный идеал человека должен основываться на человеческой природе, а ценностный идеал человечества - на всеобщей человеческой природе. Это максимально простая идея, непосредственно вытекающая из здравого смысла. К несчастью, вследствие отчуждения и смещения ценностей люди сделали себя производными от производных (государство, слава, почет, богатство, Бог, Шакьямуни и т.д.), стали орудиями человеческих орудий (автомашин, компьютеров, телевизоров и т.д.). Люди обратили себя в животных в человеческом виде (что выразилось в ценностном идеале, которого кое-кто придерживается на Западе - "человек готов на смерть за богатство, птичка - за зернышки") или антропоморфных божеств (такowymi были ценностные идеалы некоторых китайцев в годы "культурной революции").

Из-за отчуждения и смещения ценностных идеалов люди близки к тому, чтобы стать самой неразумной и дикой популяцией из живущих на земле. К примеру, ядерная мощь крупной державы способна уничтожить все человечество несколько и даже десятки раз. Это неоспоримый факт, но он противен логике - смерть не нуждается в повторении. Отношения между странами обратились в соперничество военных сил, грозящее смертью. Богатые способны контролировать политиков и могут становиться господами философов.

Мы люди, а не животные. Поэтому мы никогда не должны основывать наши ценностные идеалы на инстинктах животного, означающих покорение и поедание слабого сильным.

Мы люди, а не боги, поэтому мы не должны строить наши ценностные идеалы и на божественной природе, "лелея в сердце всех людей без помышлений о себе".

Мы - люди, не похожие более ни на что живущее. Есть лишь одно человечество. У людей только одна короткая жизнь. Отношения между людьми, между Богом и человеком должны быть достойны нас как человеческих существ.

Эта уникальность требует от людей выдвижения ценностного идеала "единства человечества". Такое единство проистекает из общности человеческой природы, которая заключается в природном-человеческом. Все поступки людей должны строиться на этом.

В понятии "единство человечества" слово "единство" указывает на природное-человеческое. Это понятие настолько широко, что подразумевает единство всех людей, а его глубинная суть означает единство человеческой природы.

Поэтому мы считаем, что это учение о человеческой природе, этот идеал человечества и его логическое мышление, которые раскрывают "единство человечества" как природное-человеческое, должны стать ценностным идеалом духа человеческой цивилизации XXI века.

4. Единство Неба и человека - духовная сфера XXI века

Сущность человека есть дух, основой же духа является сфера, которую он объемлет. По сути своей прогресс человеческой цивилизации есть повышение уровня духовной сферы.

Все философские идеи и ценностные идеалы вырастают из определенной духовной сферы. Ее воплощением является философская идея, а ее очеловеченной формой - ценностный идеал.

Духовная сфера отличается от сферы познания, которая представляет собой понимание и определение человеком внешних объектов. Это понятие отличается также от понятия морального уровня, который определяется самосовершенствованием и самоконтролем. Духовная сфера не тождественна и религиозному чувству, переносящему в умы последователей недоказуемые таинственные учения, принимаемые верой.

Духовная сфера относится к состоянию ума и души. Она отмечает зрелость самопознания и меру чистоты человеческой природы, представляя также понимание людьми мира в целом. Она отражает стадию человеческой эволюции, уровень, достигнутый человеческой природой и особенности человека определенной эпохи. В основе своей любые суждения о правоте или неправоте, добре или зле в человеке, а также о том, на какой стадии эволюции находятся те или иные люди, основаны на уяснении состояния человеческой духовной сферы.

Следует подчеркнуть, что деградировавшие формы традиционных духовных сфер все еще популярны в мире. В некоторых западных странах свобода стала означать безумие вседозволенности, равенство - поляризацию богатых и бедных, распадение личности. В некоторых восточных странах выражением человеческой этики стали кровная преданность и верность, выражающая принадлежность к определенному социальному слою. Здесь все человеческие чувства погрузились в кровные и родственные привязанности. Некоторые религиозные общества декларируют спасение для всех и милосердие ко всем, но люди там сохраняют враждебность к инаковерию и изгоняют несогласных. В повседневной жизни некоторых людей духовная сфера сужается до

масштабов дома и семьи, духовный поиск подменяется поиском дополнительного заработка. Духовный мир философов кажется чрезвычайно возвышенным, но на деле многие из них лишь дают выход своему поэтическому чувству либо просто ищут философские обоснования предложениям президента или премьер-министра. На первый взгляд, значительной может показаться духовная сфера политиков, но на деле их заботят просто кресла или троны, отделанные драгоценностями, под их задами и в особенности - порядок, в котором расставлены стулья.

Мы - люди, и если мы не будем размышлять о том, что такое человек и какое поведение достойно людей, это станет настоящей трагедией.

Мы - люди, и в своем существовании зависим от окружающего мира. Если бы по ходу жизни мы не размышляли о связи между людьми и вселенной, то это было бы странным ребячеством.

Духовная сфера людей должна быть такой, чтобы мысли, слова и поступки людей были достойны человека. Достойный человека духовный мир означает достойное человека самопознание, достойное человека место во вселенной, которое он сам для себя определяет, достойные отношения между людьми, а также между людьми и живой природой, равно как и достойные отношения между душой и плотью, желаниями и долгом.

Что же мы должны сделать, чтобы стать достойными людьми? Это вопрос о том, чем мы являемся.

Мы - люди, это значит, что вселенная, эволюционируя в соответствии со своим духом, последовательно прошла через неорганическую, органическую и телесную стадии формирования, после чего достигла нового этапа - этапа телесности и разумной жизни, т. е. природного-человеческого. Наше тело есть порождение вселенной, которая эволюционирует в соответствии со своим духом, наш разум - тоже ее порождение. Поэтому нашему телу и интеллекту присуща природа детерминизма и контрдетерминизма, предполагающая существование природного-человеческого. Эта связь природного и человеческого также представляет собой порождение вселенской эволюции.

И тогда перед нами встает вопрос: что есть дух вселенной?

Вселенная, в которой мы живем, гармонична и постоянно развивается. Непрестанно развиваясь, она переходит от низших уровней гармонии к высшим. Развитие вселенной имеет своей движущей силой и целью гармонию.

В ходе длительной эволюции вселенная осуществила три скачка и прошла через четыре этапа.

На первом этапе вселенная еще могла быть "обращена вспять", это была вселенная перед началом ее истории. Характеристиками той вселенной были простое единство существования и несуществования, абсолютный хаос частиц и античастиц, прямая симметрия между частицами и силами, простой взаимопереход начала и конца.

На второй стадии вселенная стала необратимой. Доминировали чисто физические материалы и вертикальная эволюция, появились структуры, формирующиеся по модели "замораживания" с участием неорганических материалов и чисто природных сил, вследствие чего возникло необратимое время.

Третья стадия - самоорганизующийся космос, ставший результатом второго скачка. Он характеризуется химическими и биологическими процессами. Его особенности: материальная эволюция движется вперед превращением энергии, вертикальный и горизонтальный типы эволюции сменяют друг друга, биологический материал развивается от простого к сложному, эволюция протекает от низших стадий к высшим. Биологическая эволюция характеризуется сложным единством определенности и новаций, следуя принципу "достижения порядка через подъемы и спады".

Четвертую стадию представляет "самосозидающаяся вселенная" - результат третьего скачка. Ее отличают телесно-духовная деятельность человека и следующие характеристики: превращения являются результатом разумной деятельности, информации, коммуникаций, которые и направляют материальную эволюцию; вертикальную эволюцию толкает эволюция горизонтальная; природную эволюцию движет вперед сила человеческого сознания, мораль и практика. Эта пространственно-временная система, организующая человеческое действие, следует принципу "осуществления эволюции через сознательное творчество".

Таким образом, в процессе развития вселенная раскрыла запредельные силы, глубочайшие чувства и величайшую волю. Эти силы, чувство и воля могут быть логически выведены философами, измерены и определены представителями естественных наук, выражены через озарения теологов и пережиты в опыте обычными людьми.

Ученые определяют эти силы, чувства и волю как всеобщие истины, принципы, аксиомы и законы. Теологи видят в них Бога, Будду, Дао и Аллаха. Философы толкуют о бытии, вытекающем из самого себя, о мысли, исходящей из самой себя. Простые люди говорят о природе, небесных качествах, небесной истине и небесном законе.

Если рассматривать эти силы, чувства и волю, проявленные в ходе эволюции вселенной, с позиций сегодняшнего уровня познания, то они и оказываются "вселенским духом". Вселенские силы - это силы "внутреннего стержня", "структуры" и "движителя" вселенской эволюции. Чувства вселенной - это чувства, которые объединяют самое большое и самое малое, ближайшее и отдаленнейшее, пустоту и наполненность, не имеющее формы и мир форм, единичное и множественное. Вселенская воля есть выраженная космосом определенность своего существования, та новизна, которая инициировала взаимодействие между потенциальными качествами и возможностями вещей и явлений, это постоянное трансцендирование через взаимодействие одной вещи с другой.

Вселенная обладает духом. Наш человеческий дух, по сути, является духом вселенским. Если смотреть на вселенную с точки зрения духа, то она оказывается неким видом существования, опирающимся на дух и подчиняющимся его законам. Если же взглянуть на дух с позиции вселенной, то он предстанет глубочайшим аспектом ее природы. В отрыве от духа вселенная будет представлять собой груды мертвой материи, тогда как дух без вселенной есть лишь фантазия человеческого разума о себе самом.

Вселенский дух является не только инициатором и двигателем вселенской эволюции, но также ее штурвалом и путевой картой. Благодаря множественным воздействиям вселенского духа, четыре миллиарда лет назад в ходе эволюции появилась Земля, три миллиарда лет назад - жизнь, а 400 миллионов лет назад - единственная разумная форма жизни на земле, человечество.

Великий ученый Эйнштейн сказал, что он не верит в Бога, вмешивающегося в дела людей, но верит в Бога Спинозы. В старости Эйнштейн говорил, что во вселенной присутствует правящая миром таинственная сила, которую он не познал и не понял, но признает и уважает.

На деле, "Бог" Эйнштейна и есть вселенский дух.

Это детерминирующий и контрдетерминирующий, даже сверхдетерминирующий дух, который обеспечивает не только определенность и единство вселенной, но также новации и развитие.

Вселенский дух есть "дух эволюции в процессе эволюции", или "сверхэволюционный дух", заставляющий все вещи присутствовать в эволюцион-

ном процессе. Этот дух, приводящий во взаимодействие все эволюционные процессы и проявляющий эволюционную природу таких взаимодействий.

Вселенский дух есть "дух, который делает закономерность закономерностью", представляет природно-человеческую сущность, сформировавшуюся после прохождения жизни через стадии чисто растительного и животного существования.

Это "духовность духа", трансцендентная человеческому духу и в то же время обогащающая и развивающая его, выводящая человеческий дух на все новые и более высокие стадии через духовное "самосозидание".

Вселенский дух есть "сверхчеловеческий дух", направляющий человечество к сознательному самоотрицанию, которое выводит вселенную на ступень "сверхчеловечества".

Буддисты знают лишь Шакьямуни, христиане постигают только Бога, мусульманам известен исключительно Аллах, даосы признают только Лао-цзы, а потому их чувства и представления различны до несовместимости. Но что касается вселенского духа, то все способные к нормальному мышлению и знающие современную цивилизацию люди могут ощутить его равным образом.

Основываясь на таком понимании проблемы, мы рассматриваем "единство" в концепции "Единства Неба и человека" как вселенский дух. "Единство Неба и человечества" означает, что Небо, Земля, вещи и люди едины вследствие их причастности к одному и тому же вселенскому духу. В широком смысле это подразумевает также единство всех вещей и людей, а в своей глубинной сути - единство природы Неба и человека.

По этой причине мы полагаем, что раскрывающий "Единство Неба и человека" вселенский дух должен стать духовной сферой человеческой цивилизации XXI века.

* * *

С древности люди стремились к такому единству знания, чувства и мысли, которые были бы достойны человека. "Единство всех вещей" есть знание, которое человечество должно обрести в XXI веке. "Единство человечества" - это чувство, к которому человечество должно прийти в XXI веке. "Единство Неба и человека" - мысль, которую человечество должно принять в XXI веке.

Как Восток, так и Запад искали истину, добро, красоту. "Единство всех вещей" есть истина цивилизации XXI века, "Единство человечества" - ее добро, "Единство Неба и человека" - ее красота.

На Востоке и на Западе люди призывали к свободе, равенству и братству. Только взяв за основу "Единство всех вещей", мы сможем насладиться настоящей свободой. Только защищая "Единство человечества", мы сможем достичь настоящего равенства. Только будучи приверженными "Единству Неба и человека", мы сможем обрести настоящее братство.

Лишь руководствуясь этими "тремя единствами", мы сможем сформировать нового человека, сумеем построить новую цивилизацию, будем в состоянии взрастить новый дух, которые станут достойны XXI века. Одним словом, только на этом пути мы сможем создать настоящее цивилизованное общество, достойное человеческих существ.

К вопросу о национальной самоидентификации японцев

© 2000

О. Железняк

На современном этапе развития человечества, характеризующемся значительным повышением взаимозависимости государств и народов мирового сообщества, чрезвычайно важное значение приобретает правильное понимание проблем их национального самосознания. В этом смысле большой интерес представляют Япония и японцы.

Словарь иностранных слов дает слову идентификация следующее определение: "идентификация [< ср.-лат. *identificare* отождествлять] - отождествление; установление совпадения чего-либо с чем-либо".¹ В случае с Японией речь идет не просто об идентификации, а о самоидентификации, что, по-видимому, означает, что японцы стремятся быть тождественными самим себе. С одной стороны, это подразумевает стремление японцев в очередной раз "не потерять самих себя" в стремительном водовороте событий происходящих в мире, а, с другой, - таким образом они проявляют свою глубокую убежденность в том, что Японии теперь надлежит заботиться не только о собственной роли в международном сообществе, но, также, и о том, как принять активное участие и внести посильный вклад в процесс формирования нового мирового порядка. В любом случае, так или иначе, вышеуказанному направлению общественного сознания в Японии придается чрезвычайно большое значение. По нашему мнению, это объясняется целым рядом причин.

Во-первых, основными тенденциями современного стремительно развивающегося мира являются глобализация мировой экономики и культуры, всеобщая и региональная интеграция, углубление и развитие разностороннего международного сотрудничества. Эти преобразования неизбежно влекут за собой коренные структурные изменения как в состоянии экономики и культуры в глобальном масштабе, так и в отдельно взятых странах. В такой ситуации Японии как мировой державе, стоящей на одной из самых высоких ступеней экономического и культурного развития, необходимо четко определить свое положение в мире и выявить свои место и роль в этом сложном многогранном общемировом процессе.

Во-вторых, необходимость разрешения проблемы национальной самоидентификации тесно связана с кардинальными изменениями, происходящими

в мировой политической системе. Стремясь активно влиять на решение насущных проблем современного мирового развития Япония делает все возможное, для того, чтобы занять то место в структуре мирового порядка, которое было бы адекватно её экономическому весу.

Тридцать лет назад известный ученый, специалист по международной политике Масатака Косака в своей книге "Образ Японии как морской державы" писал, что несмотря на тот факт, что Япония потерпела поражение во Второй мировой войне и потом долгое время находилась в зависимости от США, стремление американизироваться вынудили Японию забыть о своей национальной самоидентификации лишь на некоторое время. Однако изменение политической ситуации в мире, и, прежде всего, превращение Китая в мощную мировую державу, снова заставляют Японию столкнуться лицом к лицу с проблемой двуполярности её местонахождения между Востоком и Западом.² Сейчас в преддверии 21 века, когда активно осуществляется реструктуризация общемировой политической системы и в мире ведется борьба за установление нового мирового порядка, Япония принимает активное участие в процессе проведения этих кардинальных преобразований, и, не определив четко свою позицию, она не сможет планировать свое будущее.

Уже сегодня среди японских политиков существуют обеспокоенность, что ослабление мощи США и растущая мощь Китая в будущем возможно поставят Японию перед выбором, оставаться зависимой от США или перейти в сферу влияния Китая. Предлагая выход из этого затруднительного положения Кэнъити Ито, президент Японского Форума по международным отношениям подчеркнул, что "у Японии не остается другого выхода, кроме как увеличивать свое собственное могущество, а также сделать все возможное для того, чтобы подтвердить свою собственную уникальную национальную специфичность, независимую ни от Запада в лице США, ни от Востока в лице Китая."³

В-третьих, в японских научных кругах все чаще высказывается мнение, что в процессе усиления взаимовлияния и интеграции культур национальные культуры вряд ли смогут сосуществовать в своем первозданном виде. Несмотря на необратимость усиления тенденций в направлении исчезновения ряда характерных для национальных культур элементов и постепенного формирования единой общемировой культуры, в процессе самоидентификации, Япония стремится сохранить свою самобытную специфическую культуру. При этом она старается соблюдать принцип сочетания традиции и достижений современного развития.

Делая акцент на необходимости сохранения своей национальной культуры японцы подчеркивают, что "какой бы сильной в экономическом отношении ни была страна, она никогда не обретет уважения и доверия международного сообщества, не имея устойчивых морально-этических принципов и специфической свойственной только ей самобытной культуры".⁴ На это указывали ещё видные японские просветители эпохи Мэйдзи (1867-1912) Нитобэ Инадзо, автор книги "Бусидо" и Тэнсин Окакура, написавший "Книгу чая". В конце XIX - начале XX века, когда Японию захлестнула волна увлечения Западом и японцы стремились во всем следовать западным идеям и ориентироваться на западные ценности, Нитобэ Инадзо и Тэнсин Окакура всеми силами старались предупредить процесс разрушения национальной культуры Японии, недопустить выхолащивания национальной специфичности своей страны. Это была своеобразная попытка утверждения национального самосознания и культурных традиций японского государства, имеющего мощные исторические, культурные и морально-этические корни. Книги этих двух авторов призывали японских читателей пересмотреть "слепое следование западным идеям и по-новому взглянуть на самих себя".⁵ В процессе поисков решения япон-

цами проблемы национальной самоидентификации, их идеи по-прежнему сохраняют свою актуальность.

Интересным является и тот факт, что обе книги первоначально были написаны на английском языке, и только потом они были как бы реимпортированы в Японию. Первоначально же они имели своей целью познакомить с японской эстетикой западных читателей, показать, что японцы - это нация с высокими культурными и моральными ценностями, сформировавшимися в процессе исторического развития японского государства.

В-четвертых, в японских научных кругах существует предположение, что Япония в плане культуры не является ни частью Востока, ни частью Запада. В своей книге "Нихон бункаси" (История культуры Японии) библиограф Кадзума Кавасэ писал: "Восток и Запад, которые для Японии представляют собой внешний мир, при пристальном изучении в действительности являют собой единое целое, поэтому между ними существуют прямые обоюдные взаимодействия. Они не создают независимых культур. Конечно, существуют некоторые разновидности каждой из них, объясняющиеся этническими, географическими и климатическими различиями, но в основе своей взятые вместе Восток и Запад представляют собой единую континентальную культуру. По этой причине, японская культура и эта континентальная культура Востока и Запада - противостоят друг другу. Следовательно, мы имеем дихотомию японской и евразийской культуры. На самом деле, это очень существенный момент." Продолжая свою мысль Кавасэ утверждает, что "японская культура не является одним из ответвлений восточной культуры в контексте противостояния двух великих культур Востока и Запада. Это культура, которая противостоит не только западной культуре, но также и восточной. Хотя проявления каждой из названных культур могут быть различны, тем не менее Восток и Запад - две части одной и той же континентальной культуры. Таким образом, истинное различие заключено между континентальной культурой, с одной стороны, и японской культурой - с другой".⁶

Таким образом, вполне справедливо будет предположить, что стремление самоидентифицироваться объясняется еще и тем, что Япония стремится определить свое место в мире, основываясь на противопоставлении себя одновременно как западной, так и восточной цивилизации. (Под восточной подразумевается китайская цивилизация). При этом японскими учеными доказывается тот факт, что Япония имеет такую собственную культуру и основополагающие ценности, которые хотя и испытывали влияние Востока и Запада, но никогда не были ассимилированы.

Профессор Кандзи Нисио в своем докладе на Японском Форуме по международным отношениям (февраль 1999 г.) сказал: "Япония - это не Европа и не Китай и её следует рассматривать как некую туземную цивилизацию, чье происхождение независимо от евразийской континентальной цивилизации, к которой относятся Европа и Китай. Однако осознание этого факта несколько запаздывает в Японии. Когда-то Япония противопоставляла себя цивилизационной модели предложенной материковым Китаем, а со времени реставрации Мэйдзи (1968г.) как критерий оценки темпов современного развития Японии была взята западная цивилизация. Тем не менее, настало время, когда японцы начинают осознавать несостоятельность подобного подхода."⁷

Таким образом, современными японскими учеными отстаивается идея особого статуса Японии как связующего звена, своеобразного моста между Западом и Востоком; и суть национальной самоидентификации Японии заключается в том, что страна находясь, с одной стороны, на окраине западной цивилизации, а, с другой, являясь периферией восточной - продолжает существовать и процветать как самостоятельная и саморазвивающаяся сущность.

Возможно, в этом Япония может служить примером для других национальных культур.

Для рассмотрения вопроса национальной самоидентификации весьма существенным является также тот факт, что крупные мировые цивилизации, например, такие как египетская, средиземноморская, месопотамская, китайская, исламская и др. никогда не испытывали необходимости определять в мире свой статус, что представляется вполне очевидным. Для менее крупных цивилизаций, например, таких как японская, существующих несколько в стороне от них и испытывающих на себе их сильное влияние, выработка своей собственной национальной самоидентификации была тесно связана с одновременным решением целого ряда проблем, среди которых наиболее значительными представляются такие как сохранение своей специфической национальной культуры, и политической и экономической независимости и т.д.

В-пятых, важнейшим аспектом национальной самоидентификации японцев является коммуникационный аспект. Многие полагают, что ключ к разгадке японской национальной самоидентификации кроется в геополитике, в том, что Япония является островным государством, которое на протяжении всей своей истории развивалось как морская цивилизация. Море, с одной стороны, всегда выступало как главное связующее звено между различными цивилизациями, а, с другой, - служило также и средством изоляции. Сейчас, когда центром обмена между мировыми цивилизациями становится Тихий океан, принимая эстафету от Средиземного моря и Атлантического океана, значение моря как средства коммуникации требует более широкой интерпретации, включающей в себя не только транспортные возможности, но и обмен информацией, в том числе, посредством развития новых информационных технологий. Будущее Японии будет во многом зависеть от того, насколько страна сможет развить эти коммуникационные системы, вписаться в новую информационную эру. Разрешение проблемы национальной самоидентификации, позволит Японии также более четко определить то место, которое она займет в рамках глобальной информационной цивилизации.

Таким образом, понятие национальной самоидентификации отдельно взятой страны включает в себя множество аспектов, среди которых могут быть выделены в качестве главных исторический, экономический, политический, культурно-цивилизационный и коммуникационный.

В процессе попыток осознания национальной самоидентификации на каждом отдельном этапе истории Японии предпочтение часто отдавалось какому-либо одному из перечисленных аспектов.

С целью лучшего понимания этого процесса рассмотрим наиболее существенные моменты в развитии национального самосознания в период новой и новейшей истории Японии, т.е. начиная с Реставрации Мэйдзи (1868 г.) до наших дней.

Столкновение с Западом в начале периода Мэйдзи (1868 г.) ввергло Японию в глубокий шок. Ответная реакция Японии на это кардинально отличалась от той, которая наблюдалась, например, в Китае или в Корее при аналогичной ситуации. Соблюдая определенную дистанцию в отношениях с Китаем, ранее рассматриваемого Японией как центра мировой цивилизации, Япония сумела, сохранить аналогичную дистанцию и в отношениях с Западом. В отличие от Китая, убежденного в своем культурном превосходстве над другими народами, считавшимися варварами и Корее, называвшей себя законной наследницей конфуцианской культуры, реакция Японии основывалась на сравнительно объективной оценке могущества Запада. Курс, которого придерживалась Япония в период безжалостного продвижения Запада в застойную Азию определялся тремя следующими концепциями: *фукоку кэйгэй*

(богатая страна и сильная армия), *бунмэй каика* (цивилизация и просвещенность), и *дацу-а ню-о* (отвержение Азии и присоединение к Западу). Современные японские исследователи, полагают, что ориентация Японии на Запад во многом базировалась не на примитивном увлечении Западом или, например, вере в сущностное преимущество западной цивилизации, а на том, что у Японии тогда просто не было другого выхода.⁸

Курс *дацу-а ню-о* был успешно реализован во многом благодаря заключению союза между Японией и Великобританией в 1902 году и благодаря победе Японии в русско-японской войне 1905 года. По мнению Аритомо Ямагата, эта военная победа не имела своей целью продемонстрировать превосходство желтой расы, она лишь показала, что её представители, в течение долгого времени изучавшие и усваивавшие достижения западной культуры, сумели одержать победу над представителями белой расы, которые этого не делали.⁹

В конце Первой мировой войны в 1918 году Япония обрела статус великой державы, продолжавшей интенсивно увеличивать свою мощь. Однако, Япония вошла в число великих держав не на правах полноправного члена, а имея, по сравнению с остальными, более низкий ранг и будучи лишенной признания за ней прав расового равенства. Окончание военных действий положило конец милитаризму и дало начало эпохе демократии. В гущу этих событий Япония хотя уже и считалась мировой державой, её положение в мире все ещё оставалось шатким.

Трудности, с которыми столкнулась Япония по окончании Первой мировой войны дали, о себе знать с новой силой в начале периода Сёва (1926-1989). Кадзусигэ Угаки тогда писал: “затруднительное положение Японии во многом объясняется тем, что она всегда находилась в окружении весьма “своенравных” государств - будь то США, СССР или Китай - которые не признавали реалий традиционной внешней политики. Эти три страны не признавали империалистическую политику Японии - страны, которая вошла в число великих держав (хоть и не на равных с ними правах), вследствие проведения ими традиционной империалистической политики”.¹⁰

Это было в тот период, когда в Японии стала усиливаться тенденция в направлении большей ориентированности на восточно-азиатские ценности. Как только США, Китай и СССР начали выражать неодобрение относительно проявления Японией особых прав в отношении Китая, Япония решила изменить свою внешнюю политику. Она отклонилась от ранее принятого политического курса, направленного на развитие сотрудничества с западными демократиями, которого придерживалась с начала эпохи Мэйдзи, отказалась от проведения политики “открытых дверей” и начала искать способы для осуществления более тесного японо-манчжурско-китайского сотрудничества. Тем не менее ориентация на Запад все еще сохранялась. Однако она стала реализовываться в форме сотрудничества с авторитарными режимами Германии и Италии. В конечном счете, Япония взяла курс сначала на установление “Нового порядка в Восточной Азии”, а затем и создание “Сферы великого восточно-азиатского со-процветания”.

Один из старейших государственных деятелей эпохи Мэйдзи Кинмоти Сайондзи, оценивая выбранный в отношении Великобритании и США внешнеполитический курс, утверждал: “так как Великобритания и США пользуются в мире особым влиянием, Японии полезно будет сотрудничать именно с этими двумя державами и поступать обратным образом было бы неразумно.”¹¹ Однако, Япония выбрала во многих отношениях иной путь.

После второй мировой войны часто высказывалось мнение, что будущее Японии состоит в превращении её в мощную культурную державу. Более

того многие склонялись к тому, что Япония должна превратиться в пацифистскую высоко развитую в культурном отношении страну, даже если бы это означало то, что она останется бедной и маленькой страной. Японии пророчили быть "маленькой, но ярко сияющей страной".¹²

В пацифистском диспуте, начавшемся в 1950 году, японские интеллектуалы выступили за заключение мира со всеми странами, имея ввиду главным образом США и СССР. Сейчас очевидно, что их идеи в принципе не могли быть реализованы и заключали в себе не что иное, как стремление Японии сохранить мир, который был ей жизненно необходим для экономического возрождения. Было также много, как и тех, которые хотели оградить Японию от реальности существования холодной войны, так и тех, кого не удовлетворяло, что Япония продолжала зависеть от США.

В Голубой книге МИД Японии 1957 года были сформулированы три главных цели внешнеполитического курса страны, а именно : вступление в Организацию Объединенных Наций; членство в азиатском сообществе; и налаживание продуктивных связей со всеми государствами, и, в первую очередь, со странами так называемого свободного мира. Определяя в качестве главной цели своей внешней политики "сотрудничество с западными странами, Япония рассматривала себя как интегрирующую часть демократического лагеря. В декабре 1956 года Япония стала членом Организации Объединенных Наций и была впервые избрана в качестве непостоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных Наций.

Возобновившиеся в 60-х годах протесты японской общественности против Японо-американского договора о гарантии безопасности 1951г. и подписания Японо-американского договора о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности 1960 г. в очередной раз свидетельствовали о том, что стремление противостоять США как чужеродной силе все ещё было очень сильно среди японской общественности.

Благодаря стремительному экономическому развитию Японии и укреплению её позиции в лагере демократических государств в Японии усилилось стремление играть роль своеобразного моста между Западом и Востоком, что неизбежно отразилось и на характере национального самосознания японцев.

Вместе с тем в ряде работ японских авторов, в том числе в книге Тадао Умэсао "Бунмэй-но Сэйтэйсикан Дзесэцу" ("Введение в биомиональный взгляд на цивилизацию") (1956), в работе Масатака Косака "Кайгё Кокка Нихон-но Косо" ("Образ Японии как морской державы") (1964), а также в некоторых теориях модернизации, заимствованных японцами в 60-х годах, определенный акцент делается на выявлении различий между Японией и странами Азии на основе критериев экономического роста.

Интерес к сотрудничеству с азиатскими странами ещё более усилился в 1972 году, когда между Японией и Китаем были восстановлены дипломатические отношения. Теперь ответы на многочисленные вопросы, возникшие во второй половине 60-х годов относительно существенных особенностей Японии или тех её преимуществ, которые заслуживали особо высокой оценки, делались с учетом того, что Япония превратилась в мощную экономическую державу. В этот период усилившийся экономический потенциал экономической державы рассматривался как ключевой элемент национальной самоидентификации, при этом военному, политическому и культурному аспектам национальной самоидентификации придавалось гораздо меньшее значение.

В конце 70-х годов при правительстве Охира за Японией закрепилось положение твердого союзника Запада в холодной войне. Сразу после введения советских войск в Афганистан, Япония приняла участие в инициированных Западом экономических санкциях против СССР, ограничила политические,

культурные и другие обмены с ним. Она, в частности, отказалась принять участие в Московской олимпиаде. Эти действия рассматривались общественностью Японии как вполне справедливая политика.

Хотя политика безоговорочного следования в фарватере политики Запада подвергалась определенной критике в правительстве премьер-министра Судзуки, она существенно активизировалась при правительстве Накасонэ. На саммите в Вильямсбурге тогдашний премьер-министр Японии Накасонэ заявил, что обеспечение национальной безопасности является первостепенной задачей государства, поэтому Япония является членом Западного альянса, прежде всего, из соображений обеспечения её собственной военной безопасности.¹⁴

Стремительное экономическое развитие Японии в 80-х годах стало причиной усиливающихся трений между США и Японией. Возникло множество дискуссий относительно того, какое место в мире должна теперь занимать Япония в соответствии с уровнем её экономического развития.

Окончание холодной войны оказало весьма сильное воздействие на понимание Японией своей собственной роли в мире. Если раньше акцент делался на военное сотрудничество с Западом, то в новых исторических условиях, характеризовавшихся исчезновением социалистической системы, распадом СССР и драматическим ослаблением его правопреемника — России Япония стала осознавать свою роль в качестве активного члена международного сообщества, призванного взять на себя определенную часть бремени в решении основных проблем мирового развития.

В этот период особую популярность приобретает определение Итиро Одзава, назвавшего Японию "нормальной страной". В нем И.Одзава критиковал понятие самоидентификации, существовавшее ранее, в виду того, что оно уделяло слишком много внимания экономическому статусу Японии и подчеркивало, что Япония сможет определить свою национальную самоидентификацию только после того, как станет "нормальной страной", т.е. страной способной занять достойное место среди государств мирового сообщества. Понятие "нормальная страна" - то, что противопоставлялось идее изолированной исключительно национально-ориентированной самоидентификации.

В основе позиции И.Одзава лежит осознание ущербности узкого понимания национальной самоидентификации, свойственного предшествующему периоду, то есть сведению национальной самоидентификации к сугубо экономическим её аспектам, в то время как на данном этапе существует необходимость расширить это понятие, включив в него, например, культурный, коммуникационный, политический и другие аспекты.

Процесс определения национальной самоидентификации Японии имеет давнюю историю, в ходе которой стремление японцев выразить свою сущность претерпевало определенные изменения: оно - то ослабевало, то - возобновлялось с новой силой. Закрытость страны, во многом, объясняемая её островным положением, позволяла ей долгое время оставаться изолированной от остального мира и уделять чрезвычайно мало внимания тем сферам жизни, которые так или иначе были связаны с необходимостью взаимодействия с внешним миром. Проблема национальной самоидентификации Японии стала особенно актуальной тогда, когда страна вошла в соприкосновение с внешним миром, т.е. после прибытия в японскую бухту Урага кораблей commodора Пэрри (1854г.) Тогда у Японии не было другого выхода, кроме как взять курс на модернизацию (т.е. вестернизацию). Придерживаясь этого курса, начиная с эпохи Мэйдзи, Япония достигла довольно значительных успехов, что побудило её вступить в борьбу за преобладающее положение в Восточной Азии сначала с Россией, а затем с США и другими западными странами. В результате поражения во второй мировой войне как побежденное государство Япония стала

зависимой от США в политическом и военном плане. Такое подчиненное положение обусловило экономическую ориентированность её самоидентификации. В настоящее время считается, что такая направленность в какой-то мере исчерпала себя.

Огромные перемены в системе мировых связей, заключающиеся в кардинальной перестройке общемирового политического и экономического устройства в связи с окончанием холодной войны и началом нового этапа в развитии мирового информационного сообщества, поставили Японию перед необходимостью сделать выбор, адекватный этому переломному историческому моменту. Существенные изменения, произошедшие в мире в результате информационной революции повлекли за собой необходимость проведения структурных реформ не только в японской экономике, но и в системе государственной и общественной организации. Как сказал президент Японского Форума по международным отношениям Кэнъити Ито: "Даже если будут проведены радикальные реформы внутри страны, отсутствие четкого представления относительно национальной самоидентификации, о месте и роли Японии в современном мире сделает Японию подобной кораблю, дрейфующему в мировом океане. А если учесть высоту волн, которые, как ожидается, будут бушевать в этих океанских пространствах в 21 веке, то такой дрейфующий корабль либо сядет на мель, либо опрокинется".¹⁵

Сейчас, когда Япония стоит на пороге кардинальных перемен, стремление определить свою национальную идентичность и на этой основе выбрать магистральный путь развития становится особенно актуальным и судьбоносным. Для Японии проблема выяснения национальной самоидентификации - это попытка обратиться к новым реалиям, нежели в очередной раз закрепить свои национальные традиции.

1. Словарь иностранных слов. М., 1980. Изд. 7, переработанное. С. 187.
2. Japan's Identity. Neither the West Nor the East: The Japan Forum on International Relations, Inc. February 1999. P. 2.
3. Ibid. P. 1.
4. Mainiti Daily News. January 03 1999.
5. Ibid.
6. Japan's Identity. Neither the West Nor the East: The Japan Forum on International Relations, Inc. February 1999. P. 15.
7. Ibid. P. 13-14.
8. Ibid. P. 28.
9. Ibid. P. 28.
10. Ibid. P. 28.
11. Ibid. P. 29.
12. Ibid. P. 29.
13. Diplomatic Bluebook. Japan, 1957.
14. Japan's Identity. Neither the West Nor the East: The Japan Forum on International Relations, Inc. February 1999. P. 30.
15. Ibid. P. 2.

В Обществе российско-китайской дружбы

Общее собрание Центрального правления ОРКД

20 января 2000 г. в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялось общее собрание Центрального правления ОРКД, посвященное подведению итогов деятельности Общества в прошедшем году и утверждению плана работы на текущий год.

С отчетным докладом выступил Председатель Центрального правления ОРКД, директор Института Дальнего Востока, член-корреспондент РАН М.Л.Титаренко. В своем докладе он подробно остановился на основных мероприятиях, проведенных Обществом в 1999 г. и посвященных сразу трем 50-летним юбилеям: образования Китайской Народной Республики, установления дипломатических отношений между Советским Союзом и КНР, создания Общества китайско-советской дружбы.

Благодаря усилиям руководства ОРКД и Росзарубежцентра, было проведено Торжественное собрание общественности Москвы, посвященное 50-летию КНР, состоялся прием в Доме дружбы с народами зарубежных стран, встреча ветеранов "Друзья вспоминают Китай". Торжественные собрания прошли также в Санкт-Петербурге, Хабаровске, Владивостоке, Новосибирске и других городах РФ.

По приглашению китайской стороны делегация ОРКД и Росзарубежцентра посетила Китай и приняла участие в торжествах по случаю 50-летия образования КНР.

В числе научных мероприятий, связанных с 50-летием КНР, М.Л.Титаренко выделил представительную международную конференцию на тему "Китай: опыт модернизации и реформ", организованную Институтом Дальнего Востока РАН. Научная конференция, посвященная современному Китаю, состоялась во Владивостоке.

Ведущие ученые ИДВ РАН, входящие в ОРКД прочитали цикл лекций, посвященных различным аспектам жизни Китая. Обсуждению важнейших событий в жизни КНР были посвящены заседания семинара АКИТ, возглавляемого академиком С.Л.Тихвинским. Тема 50-летия КНР освещалась в специальной рубрике журнала "Проблемы Дальнего Востока"; один из номеров журнала "Наш современник" был полностью посвящен творчеству китайских писателей.

В юбилейном году были организованы выставки книг в Российской Государственной библиотеке и в Синологической библиотеке РАН, художественная выставка в Музее восточных культур, фотовыставка на внешней витрине

Дома дружбы. В течение года было издано 10 книг и сборников, посвященных 50-летию КНР. Среди них особое место занял коллективный труд российских и китайских ученых "Китай на пути модернизации и реформ", презентация которого прошла в Посольстве КНР в Москве.

Активисты ОРКД приняли активное участие в праздничных мероприятиях, проводившихся Посольством КНР в РФ и Центром китайско-русского культурного сотрудничества.

М.Л.Титаренко отметил основные мероприятия, проведенные Обществом в связи с приездом в Москву делегации Общества китайско-русской дружбы, возглавляемой ее председателем Чэнь Хаосу.

По инициативе Правления ОРКД и при поддержке Института Дальнего Востока к юбилею КНР был учрежден почетный знак ОРКД "За заслуги в укреплении дружбы России и Китая". В первую группу награжденных вошли 42 активиста ОРКД и около 100 активистов Общества китайско-русской дружбы.

В 1999 г. по инициативе и при активном участии ОРКД были отмечены юбилеи видных китайских политических и общественных деятелей, годовщины знаменательных событий в истории Китая и истории отношений между нашими странами.

Был организован прием известного китайского писателя и художника, переводчика на китайский язык русской классической литературы Гао Мана, прибывшего в Москву на празднование юбилея А.С.Пушкина. М.Л.Титаренко отметил большую помощь в его приеме коллективного члена Общества АМО ЗИЛ, а также школы № 1948, возглавляемой О.Н.Семеновой, принимавшей активное участие в ряде мероприятий, проводившихся ОРКД.

Докладчик особо подчеркнул большую роль посла КНР в РФ У Тао в развитии дружественных отношений между нашими странами, отметил тесное взаимопонимание и взаимодействие между посольством КНР в Москве и Обществом российско-китайской дружбы.

М.Л.Титаренко выразил благодарность представителю Росзарубежцентра в КНР Г.В.Куликовой за ее работу.

Присутствовавшие на собрании члены Центрального правления единогласно постановили признать работу Центрального правления в 1999 г. удовлетворительной, положительно оценили роль Общества в проведении мероприятий, посвященных 50-летию образования КНР и 50-летию установления дипломатических отношений между нашими странами.

Ответственный секретарь ОРКД Т.В.Лазарева представила собравшимся план работы Общества на 2000 год, который был принят с некоторыми дополнениями и уточнениями, внесенными членами Центрального правления Общества в ходе обсуждения.

Первый заместитель председателя Правления В.И.Иванов сообщил о приеме в ОРКД новых членов: в качестве региональных отделений в состав Общества вошли Кемеровское областное отделение ОРКД, Калужское областное отделение и отделение Удмуртской республики; в качестве коллективных членов приняты Центр китайско-русских культурных связей, трудовой коллектив "Московской китайской газеты", а также ряд индивидуальных членов.

Собрание постановило утвердить решения Исполнительного Совета о введении в состав ОРКД вышеназванных коллективных и индивидуальных членов.

Рецензии

Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая (Документы и свидетельства участника событий 1937-1952.) М., 1999, 340 с.

Истории советско-китайских отношений, как по государственной, так и по партийной линии, посвящена обширная отечественная и зарубежная литература. Отечественными исследователями этой темы и мемуаристами сделано немало, причем отдельным авторам было разрешено в строго дозированных пределах использовать и некоторые архивные материалы. Но большинству исследователей приходилось до недавнего времени довольствоваться официальными публикациями и газетными материалами и к тому же подчиняться строгому контролю цензуры. На мировую историографию сильнейшее воздействие оказывали также "холодная война" и китайско-советское противостояние 60-70-х годов. Вследствие этого, по справедливому замечанию автора рецензируемой книги, мировая историография оказалась "засорена" чрезмерной тенденциозностью оценок многих событий международной жизни, смесью правды с полуправдой, неточностями изложения фактов и даже преднамеренными фальсификациями. Применительно к тематике и хронологическим рамкам новой книги А.М. Ледовского в историографии советско-китайско-американских отношений "наряду с объективными оценками допущено немало неточностей, искажений, сомнительных и даже надуманных версий. Многие факты продолжают оставаться скрытыми под печатью секретности, несмотря на то, что река времени, унесшая в своем потоке события прошлого, лишила эту секретность всякого смысла" (с. 4). Лишь в последние

годы "печать секретности" была снята с некоторых архивных фондов, что позволило отечественным историкам опубликовать ряд документальных сборников и журнальных статей. К их числу относится и рецензируемая книга, автору которой представилась возможность воспользоваться доступом к весьма важным архивным документам закрытых фондов, включая часть документов сталинского фонда, и получить разрешение на их рассекречивание и публикацию. Замысел автора как раз и состоял в том, чтобы восстановить историческую правду на основе доступных ему архивных документов и богатого личного опыта.

Автор книги — один из ветеранов советской дипломатической службы. В течение 10 лет (1942-1952 гг.) работал в Китае, затем на руководящих должностях в аппарате МИД и других государственных и партийных внешнеполитических органах СССР, в 1955-1959 гг. — советник посольства в США, в 1959-1966 гг. — посол в Бирманском Союзе (ныне Мьянма), участник межправительственных переговоров и международных конференций, связанных с отношениями СССР с Китаем и США. Этот профессиональный опыт позволил автору раскрыть заявленную тему книги не как стороннему наблюдателю, а "изнутри".

Книга представляет собой сборник статей и докладов, опубликованных автором в последние десять лет в отечественных и зарубежных научных журналах по вопросам советско-китайско-американских отношений в период второй мировой войны и в послевоенные годы. При подго-

товке книги к печати в статьи и доклады автором внесены некоторые дополнения и уточнения в связи с выявленными новыми документами.

Особый интерес представляет первая половина сборника, в которой с авторскими комментариями опубликованы полностью, в обширных выдержках или в изложении с цитатами документы из сталинского фонда в период с декабря 1945 г. по сентябрь 1952 г.: записи двух бесед И.В. Сталина с сыном Чан Кайши Цзян Цзинго (декабрь 1945 г. — январь 1946 г.); материалы секретных переговоров А.И. Микояна в Китае с руководством КПК (январь — февраль 1949 г.); часть документов секретного визита в Москву делегации КПК во главе с Лю Шаоци (июнь — август 1949 г.); некоторые новые документы о переговорах Сталина с Мао Цзэдуном в Москве в декабре 1949 г. — феврале 1950 г.; стенограммы с купюрами переговоров Сталина с Чжоу Эньлаем в августе-сентябре 1952 г.

Перечисленные документы говорят сами за себя и вряд ли нуждаются в комментариях рецензента, тем более, что им сопутствуют необходимые пояснения автора, а в ряде случаев достаточно критические замечания в адрес обеих договаривающихся сторон. Приведу лишь некоторые из них. Во время переговоров Сталина с Мао Цзэдуном в декабре 1949 г. — феврале 1950 г., как и в ходе предшествовавших им миссий Микояна и Лю Шаоци, советская сторона проявила готовность удовлетворить почти все запросы китайцев. В переговорах о новом советско-китайском договоре, подписанном 14 февраля 1950 г., Сталин, по мнению автора, "проявил беспрецедентную в международных отношениях уступчивость и встал на путь отказа от всего, что СССР получил по договору 1945 г. и по предыдущим соглашениям... Мао Цзэдун получал от СССР все, что он хотел получить для закрепления вырванной им из рук Гоминьдана власти в Китае. Советское правительство, Сталин добровольно и даже по своей инициативе отдавали все, что СССР получил по договору и соглашениям, подписанным с правительством Китайской республики 14 августа 1945 г., имея в виду огромные имущественные права России, которые были отняты Японией и за возвращение которых СССР вступил в войну против Японии в августе 1945 г." (с. 135, 138-139). Речь шла в частности о КЧЖД, Порт-Артуре и Дальнем.

Видя уступчивость Сталина, китайская делегация на переговорах постепенно ужесточала свои позиции. Автор связывает это ужесточение с личностью Чжоу Эньлая, что вряд ли оправдано, поскольку такие шаги не могли быть приняты без санкции Мао Цзэдуна. Размышляя о том, "что же побудило Сталина проявить такую беспрецедентную в международных отношениях щедрость", автор приходит к выводу, что Сталин исходил из того, что с приходом КПК к власти в Китае "коммунистический Китай станет оплотом национально-освободительного движения народов колониальных и зависимых стран" (с. 143), военным и кадровым "арсеналом Азии". Кроме того, весьма недоверчивого Сталина, по-видимому, все же убедили клятвенные заверения Мао Цзэдуна и других руководителей КПК в "вечной и нерушимой дружбе" с СССР. Заботой о сохранении и развитии "нерушимой дружбы" была продиктована и принятая Политбюро ЦК ВКП(б) по инициативе Сталина строгая инструкция для направлявшихся в КНР советских специалистов, почти полностью опубликованная в книге. Этот своего рода "морально-нравственный кодекс" требовал от советских специалистов "не допускать угодничества и панибратства с китайскими специалистами., дружески, без высокомерия относиться к китайским специалистам и к китайскому населению", с полной отдачей выполнять порученную им работу. Нарушение правил, изложенных в инструкции, рассматривалось "как нарушение общественного и государственного долга". К нарушителям применялись меры воспитания и наказания, отзыва из Китая (с. 147-150).

В то же время Сталин отклонил просьбу Мао Цзэдуна "направить своих летчиков-волонтеров или секретные воинские части для ускорения захвата Формозы", планировавшегося на вторую половину 1950 г. Советское правительство считало весьма опасным для КНР затевать военный конфликт из-за Тайваня, в который неизбежно были бы вовлечены и США. Такой позиции советское правительство придерживалось и на протяжении последующих лет (с. 125-126). Был отвергнут также китайский проект перевозки войск НОА из Маньчжурии в Синьцзян по советским железным дорогам. Вместо этого КНР были предоставлены транспортные самолеты, перевозившие войска Пэн Дэхуая в Синьцзян над ки-

тайской территорией.

В статье о первом визите Мао Цзэ-дуну в Москву автор опровергает вымысел зарубежных, в том числе китайских, авторов, будто бы Сталин умышленно уклонялся от частых встреч с Мао Цзэ-дуном и затягивал его пребывание в СССР. На самом деле первая встреча Сталина с Мао Цзэ-дуном состоялась в день прибытия последнего в Москву 16 декабря 1949 г. Беседа между ними, приводимая в изложении, «носила очень теплый, дружественный, откровенный и взаимно уважительный характер» (с. 119). Кроме того, одна из главных целей поездки Мао Цзэ-дуну в Москву состояла в том, чтобы отдохнуть и подлечиться. Идя навстречу этому пожеланию китайского гостя, Сталин и советское руководство постарались не перегружать программу его пребывания различными мероприятиями и предоставили ему возможности для отдыха и лечения (с. 118).

Документальный раздел сборника дополняет его вторая мемуарно-исследовательская часть, насыщенная неизвестными ранее архивными материалами, личными наблюдениями и размышлениями автора об антияпонской войне китайского народа 1937-1945 гг. и гражданской войне 1945-1949 гг. Несколько необычным для русскоязычного издания выглядит публикация на английском языке трех докладов на научных конференциях на Тайване и в США. Из общей строго научной, объективной тональности сборника, что, разумеется, не исключает субъективных идейных пристрастий автора, явно выпадает статья с отголосками советско-китайской полемики 60-70-х гг., опубликованная в пропагандистском журнале в конце 1980 г.

В мемуарно-исследовательской части сборника привлекает нестандартный подход автора к освещению и анализу описываемых событий, стремление преодолеть укоренившиеся штампы в советской историографии. Последнее не всегда удается. Исследователь, работающий с архивными дипломатическими документами ярко идеологизированной советской внешней политики, сам иногда невольно подпадает под их влияние. В этой части сборника также впервые публикуются некоторые интересные документы: выступление заместителя наркоминдела С.А. Лозовского 27 июня 1939 г. с инструкцией новому послу в Китае А.С. Панюшкину и его сотрудникам (с. 232-234), обширные

фрагменты заслужившего похвалу Сталина аналитического доклада Дальневосточного отдела МИД СССР от 1 января 1943 г. с критическим разбором тенденциозных донесений советского посольства в Чунцине (с. 235-238) и другие. Но, как отмечает автор, подобные нравоучения московских кураторов не производили принципиальных изменений в позиции советских дипломатов в Китае. Объяснялось это, по мнению автора, рядом причин. В период антияпонской войны советская политика носила двойственный характер. С одной стороны, советское руководство рассматривало правительство Чан Кайши как главного партнера в сопротивлении японской агрессии, на долю гоминьдановских армий выпала тяжесть всех самых крупных сражений с японцами. Именно поэтому советская помощь Китаю в антияпонской войне направлялась гоминьдановскому правительству с неременным условием воздерживаться от военных акций против КПК. С другой стороны, пишет автор, «целью Москвы было защитить КПК и укрепить ее позиции». Эти задачи «трудно совмещались», так как борьба между Гоминьданом и КПК была борьбой за власть в стране. Москва не желала выступать посредником в этой борьбе, но старалась всячески предотвратить гражданскую войну путем сдерживания лишь одной из сторон — Гоминьдана. Так было, например, во время крупного столкновения войск Гоминьдана и КПК в провинции Шаньси в конце 1939 г., скандального эпизода со штабом Новой 4-й армии КПК в конце 1940 — начале 1941 г., в середине 1943 г. Во всех подобных случаях Москва всю вину за эти конфликты, не вдаваясь в их причины и детали, возлагала на Гоминьдан и оказывала на него политическое и силовое давление вплоть до сокращения и даже полного прекращения военных поставок правительству Чан Кайши. В советской печати имели место «грубые и бесцеремонные» выступления с критикой и осуждением политики Гоминьдана, деятельности правительства Чан Кайши, хотя Чан Кайши «не был чьей-то марионеткой или капитулянтом» (с. 184).

В такой атмосфере неудивительно, что информация советского посольства о событиях в Китае, о правительстве Чан Кайши и его деятельности носила в основном антигоминьдановский характер. Советских внешнеполитических работников побуждало к такой линии поведения

"также чувство самосохранения, сознание опасности навлечь на себя подозрения в симпатиях к классово чуждым для нашей государственной идеологии Гоминьдану и гоминьдановцам, то есть подозрение в "политической ненадежности". Для дипломатов и других советских работников было меньшей опасностью критиковать и ругать Гоминьдан и гоминьдановцев, чем высказывать положительные оценки, а тем более хвалить их за что-либо" (с. 239). В то же время не допускалась даже мысль высказывать какие бы то ни было критические замечания в адрес КПК. В обстановке "большого террора" второй половины 30-х гг. в СССР советские дипломаты и не могли вести себя иначе. Кстати, после разгрома Японии и переориентации советской политики в Китае на всемерную поддержку КПК в гражданской войне советское руководство резко реагировало на бесчинства и насилия гоминьдановцев в отношении советских служащих и граждан в Маньчжурии, но оставляло без внимания аналогичные действия местных коммунистических властей и военнослужащих (с. 213-216).

В книге А.М. Ледовского много других любопытных наблюдений и выводов, которые невозможно отразить в краткой рецензии. Читателей несомненно заинтересует раздел о советской политике в Синьцзяне (с. 187-198). Автор считает, что в советско-китайском конфликте в Синьцзяне в 40-х гг. "повинны обе стороны — гоминьдановские и советские власти" (с. 188), причем немалую роль в этом конфликте сыграло коварное поведение тогдашнего губернатора Синьцзяна Шэн Шицай. В конфиденциальной беседе И.В. Сталина, В.М. Молотова и К.Е. Ворошилова с синьцзянским правителем 2 сентября

1938 г. последний выразил свое горячее стремление стать коммунистом. Сталин отнесся скептически к этому пожеланию, но все же согласился удовлетворить его. Так Шэн Шицай стал членом ВКП(б), но вскоре переметнулся на сторону Гоминьдана (с. 190-193). Для отечественных исследователей истории гражданской войны в Китае в 1945-1949 гг. небезынтересен и один важный эпизод этой войны, раскрытый в одном из докладов автора. В мае 1945 г. войска коммунистов потерпели в Маньчжурии тяжелое поражение в многодневном сражении под Сыпином. 6 июня Линь Бяо даже составил приказ о подготовке к эвакуации из Харбина. Однако под давлением генерала Маршалла, с санкции президента Трумэна Чан Кайши остановил дальнейшее продвижение своих войск на север, в результате чего коммунисты сохранили свою стратегическую базу в северной Маньчжурии. Такое поведение американской дипломатии объяснялось опасением, что в случае дальнейшего наступления гоминьдановских войск не исключено прямое вмешательство Советского Союза с непредсказуемыми международными последствиями (с. 333-335).

Представляя свою книгу на суд читателей, автор заявляет, что своим исследованием он хотел "особо выделить и подчеркнуть следующее: Россия и Советский Союз всегда стремились к дружбе и тесному сотрудничеству с Китаем, что вытекало из близости наших судеб, из общих интересов обеспечения мира, безопасности и развития наших стран — ближайших соседей" (с. 4-5). С этим выводом трудно не согласиться, памятуя, что прежние обоюдные конфликтные ситуации в наших отношениях никогда не приносили добра нашим государствам и народам.

*В. Глунин,
доктор исторических наук*

**Ван Сяньцзюй, Чэнь Янь. Россия. Пекин:
Дандай шицзе чубаньшэ, 1998. 332 с.**

Китайский читатель, интересующийся положением в современной России или собирающийся совершить туда деловую или туристическую поездку, получил ценное пособие – путеводитель по России, вышедший в свет в Пекине в 1998 г. Эта книга подготовлена Издательским центром Юго-Западного объединенного университета в рамках осуществления большого проекта по выпуску серии из 30 томов, посвященных странам мира – их географическим характеристикам, истории, экономике, народонаселению, социальным вопросам, культуре, а также традициям и обычаям.

Публикуя том «Россия», авторы книги Ван Сяньцзюй и Чэнь Янь, которые ряд лет проработали в Москве корреспондентами газеты «Циннянь бао» и имели возможность хорошо изучить нашу страну, подчеркивают, что замысел их работы заключается в том, чтобы помочь китайской публике познакомиться с Россией и россиянами, лучше понять процессы переходного периода, переживаемого Россией после распада СССР, содействовать дальнейшему развитию китайско-российских обменов и укреплению взаимопонимания и дружбы между народами двух стран.

Книга «Россия» написана живо и интересно, без приевшихся штампов, которыми изобилует литература подобного рода. Видно, что авторы не только хорошо проштудировали справочные материалы по России, но и постарались на основе собственных наблюдений передать специфику национального характера русских, наиболее типичные особенности их семейного уклада, привычек и обычаев.

Хотя в рецензируемой книге содержится достаточно обстоятельный исторический очерк, однако в основном она посвящена сегодняшней ситуации в нашей стране. В специальной главе подробно излагается государственное устройство Российской Федерации, включая обзор ее конституции, законодательных положений, касающихся функций президента, парламента, правительства, юридических органов. Достаточно подробные данные включены в книгу о наиболее видных

российских политических деятелях – Ельцине, Черномырдине, Явлинском, Жириновском и др., а также о главных политических партиях. О компартии авторы книги сообщают, что ее ряды стареют, что главной проблемой КПРФ является отсутствие единства в ее рядах, поскольку часть ее членов требует преобразования партии в социал-демократическую, считая это единственным средством завоевания симпатий большинства избирателей. «Однако «старые большевики» требуют оставить характер партии без изменения».

Что касается состояния российской экономики, то после распада СССР она, говорится в книге, оказалась в глубоком кризисе, который охватил производство и финансы, а также привел к снижению жизненного уровня населения. В сельском хозяйстве (это наиболее интересная для китайцев тема), отмечают авторы книги, с начала 90-х гг. начался процесс деколлективизации и приватизации. Однако «куда пойдет развитие сельского хозяйства России – ответ на этот вопрос пока не ясен».

Много содержательных страниц посвящены в книге состоянию образования в нашей стране, в том числе дошкольного, среднего и высшего, причем отмечаются как достижения, так и трудности, вызванные общим кризисом в России. «Система российского образования, пишут авторы книги, переживает острый и сложный период реформ, и ей предстоит период постепенного совершенствования».

Обращает на себя внимание авторов тома и состояние российской культуры, прежде всего в связи с экологическими трудностями и идеологической перестройкой в Российской Федерации. Это состояние авторы книги иллюстрируют высказыванием известного китайского культуролога профессора Хуан Цзунляна, считающего, что российская культура периода перестройки меняется от единообразия (глубокое влияние традиционной культуры, отражение социалистической культуры сталинской модели) к плюрализму. Для формирования новой культуры, занимающей ведущее положение и отражающей новые особенности, новый этап развития российского общества, потребу-

ется немало времени. Авторы книги дают читателю подробную характеристику положения в отдельных сферах культуры – литературе, театре, кино, музыке и даже в кустарных промыслах. Познакомившись с этими разделами, китайский читатель вполне может составить представление о российской культуре и искусстве сегодняшнего дня.

Отдельно стоит упомянуть о стремлении авторов книги нарисовать усредненный портрет русского человека в его повседневной жизни, семейном укладе, обычаях и привычках, вплоть до существующих суеверий (черная кошка, перебегающая дорогу, «несчастливое» число 13 и т.п.). Любопытно и описание в книге «новых русских».

Резюмируя, можно отметить, что популярная книга о России, изданная в КНР, действительно способна сыграть позитивную, культуртрегерскую роль для тех китайских граждан, которые стремятся узнать больше о стране, имеющей с ними общую границу протяженностью в несколько тысяч километров.

Приходится сожалеть, что в России пока не задумываются о создании аналогичных изданий о Китае, о его нынешней многоцветной жизни. Такие издания очень нужны для расширения и обновления нашего понимания этой великой страны, ознакомления и освоения позитивного опыта ее строительства и расширения взаимных обменов.

© 2000

В.И. Антонов

**Ширли В.Ю.Го. Экономическая политика Тайваня (пер. с англ.).
- М.: ИСАА при МГУ - ИД "Муравей-Гайд", 1999. 160 с.**

В монографии известного тайваньского экономиста профессора кафедры экономики Государственного Тайваньского университета госпожи Го Ваньжун (Ширли В.Ю.Го), которая более 20 лет проработала в правительственных структурах на Тайване, занимая посты заместителя председателя Центрального Банка, министра финансов, председателя Совета по экономическому планированию и развитию, рассматривается эволюция экономической политики на Тайване за 50 лет его послевоенного развития. Перечитывая данную работу, становится понятно, каким образом Тайвань, бывшая японская колония, практически не имеющая природных ресурсов, после 2-й мировой войны смог добиться значительных успехов в экономике и обеспечить высокий уровень материального благосостояния для жителей острова. К концу XX века по своему экономическому развитию Тайвань обогнал уже почти все страны Восточной и Юго-Восточной Азии, жизнеспособность экономической модели Тайваня была еще раз подтверждена во время валютно-финансового кризиса в Восточной и Юго-Восточной Азии осенью 1997 года.

Возникает закономерный вопрос, а может ли Россия воспользоваться в какой-то мере тайваньским опытом экономического развития? Как нам представляется, основу экономических преобразований на Тайване составляет доведенный до логического конца опыт российского НЭПа 20-х годов. Здесь одновременно существовал и до сих пор сосуществует государственный сектор и централизованное планирование вместе с частным предпринимательством и свободным рынком при достаточно сильной социальной защите населения со стороны государства. В госсекторе по-прежнему остаются такие отрасли, как коммунальное хозяйство, железные дороги и судостроение. К 1994 году доля государства в промышленности составляла 20,1% (с.14). Так что на Тайване государство сохраняло и сохраняет за собой как прямые, так и косвенные рычаги управления экономикой, что позволяет ему обеспечивать выживание в нелегких условиях.

Рецензируемая книга как раз и посвящена анализу экономической политики на Тайване на протяжении последних четырех десятилетий, суть которой состоит в организации эффективного государственного контроля частного предпринимательства как с помощью монетаристских форм посредством регулирования процентных ставок, импортных и экспортных пошлин и др., так и немонетаристских форм через государственный сектор экономики в таких отраслях, как производство нефти, табака, алкоголя, сахара, электроэнергии и др. и с помощью шестилетних планов развития народного хозяйства, разрабатываемых Советом по экономическому планированию и развитию, который в течение некоторого времени и возглавляла госпожа Ширли Го - автор рецензируемой работы. Важной характерной чертой экономической политики на Тайване является постепенность, поэтапность в проведении реформ. Процесс приватизации государственных компаний на Тайване начался еще в 50-е годы, но он продолжается и в настоящее время по ряду причин, таких как нехватка частного капитала и предпринимательских навыков и далеко не блестящего финансового положения предприятий.

Вряд ли Тайвань смог бы выдержать столь длительный срок в условиях противостояния с КНР, если бы экономика страны была полностью отдана на откуп рыночным силам и не было государственного контроля в экономике. Посредством государственного контроля за экономической деятельностью 12 отраслевых компаний, представляющих государственную форму собственности, на острове обеспечивался режим наибольшего благоприятствования для ключевых отраслей экономики и необходимые народнохозяйственные пропорции между основными отраслями экономики. Именно режим наибольшего благоприятствования для жизненно важных отраслей экономики и связанных с обеспечением деятельности инфраструктуры острова, по мере экономического роста гарантировал необходимую социальную защиту населению.

Госпожа Ширли Го поставила своей

целью определить, "как и какие аспекты государственной политики на Тайване способствовали экономическому успеху страны", и для этого были исследованы как "определенные аспекты, игравшие существенную роль в кризисные периоды, стимулировавшие ускоренное развитие и способствовавшие формированию плодотворных тенденций этого развития", так и "несколько примеров политики, тормозившей развитие страны или препятствовавшей формированию благоприятных тенденций в экономике Тайваня" (с.11).

Поставленная цель исследования достигается многогранным, комплексным анализом. В нем были рассмотрены наиболее существенные направления государственной политики за 50 лет, актуальные и для нынешних экономической реформы в России — принятие свободной экономической системы, упор на сбалансированный рост, борьба с гиперинфляцией в начале 50-х гг., импортозамещение, развитие экспорта, формирование факторов, предопределивших высокий уровень сбережений, политика развития промышленности высоких технологий, политика в сфере развития инфраструктуры и др.

Разумеется, в рамках краткой рецензии можно лишь в самых общих чертах прокомментировать это интересное исследование, которое начинается характеристикой "стартовых условий" для развития тайваньской экономики в конце 40-х годов, которые выражались в наличии двух четко выраженных секторов экономики острова - "современный экспортно-ориентированный сектор и огромный отсталый сектор, ориентированный на традиционное сельское хозяйство" (с.13). Картина послевоенного Тайваня, характеризующаяся "низким уровнем технологического развития, низкими доходами, дефицитом капитала и экспортного потенциала, за исключением таких товаров, как рис и сахар" (с.13) во многом напоминает нам картину российской экономики 90-х годов.

В данной работе при анализе монетаристских и немонетаристских форм экономической политики на Тайване был сделан крен в сторону анализа монетаристских форм, практика применения которых, безусловно, представляет большой интерес сама по себе. Нельзя не согласиться с автором, что в начале 50-х годов для борьбы с инфляцией (500% в год в 1946-1948 гг. и 3000% в первой половине 1949 г.) и стабилизации цен наиболее су-

щественными оказались такие меры, как денежная реформа, депозиты со льготной ставкой и сбалансированный государственный бюджет (с.21). Такая политика позволила привлечь большие средства частных вкладчиков на долгосрочные сберегательные вклады со льготной процентной ставкой "для отвлечения огромного объема неработающих ресурсов с рынка, что способствовало стабильности экономики острова" (с.27). Как нам представляется, эти меры были бы весьма своевременными в 1992-1993 гг. в России, что дало бы возможность наполнить рынок потребительскими товарами без проведения "шоковой терапии", обеспечить необходимые накопления для населения при переходе к рынку, стимулировать развитие альтернативных форм экономики и заинтересовать широкие массы населения в проведении реформ. На Тайване для проведения этих реформ потребовались десять лет, но в конечном счете, как отмечает Ширли Го, "именно успех антиинфляционной политики заложил прочные основы для стремительного экономического роста Тайваня в последующие десятилетия" (с.30).

Представляет большой интерес анализ монетаристских форм воздействия на экономику Тайваня в 70-е гг. - в период энергетических кризисов, которые привели к инфляции. Ширли Го в своем анализе выделяет такие меры правительства, предпринятые в ответ на первый энергетический кризис 1973 года, как "политика высоких процентных ставок, разовое резкое повышение цен на нефть, значительное снижение налоговых ставок и большие государственные расходы" (с.108). В результате экономика Тайваня смогла легче пережить воздействие второго энергетического кризиса 1979 года, которое "с точки зрения темпов инфляции и замедлившегося экономического роста, было сравнительно более умеренным, однако процесс приспособления национальной экономики к нему был более длительным" (с.114). Но на наш взгляд, самым главным мероприятием правительства после нефтяного кризиса 1973 года было увеличение государственных расходов на реализацию правительственной программы "Десять главных строительных проектов", которая во многом способствовала быстрому оживлению экономики Тайваня и ее успешному росту в последующие годы. Как показывают приведенные в работе данные, доля инвестиций в эту программу была достаточно высока - от 4,5%

общего объема инвестиций в 1973-1974 гг. до 20% их объема в 1975-1976 гг. При этом обнаруживается, что чем выше доля государственных инвестиций в крупные проекты, тем выше в конечном счете оказываются на следующий год темпы роста ВВП (с.113-114). Так что тайваньский опыт свидетельствует о необходимости финансирования крупных государственных инвестиционных проектов, реализация которых может обеспечить стабильный и устойчивый рост для всей экономики путем вовлечения в экономическую деятельность все большего числа предприятий, фирм и компаний различных форм собственности через систему подрядов и субподрядов с основными получателями дешевых государственных кредитов.

В работе также была показана необходимость перехода от импортозамещения к развитию экспорта, связанная с ограниченностью внутреннего рынка и острой нуждой в свободно конвертируемой валюте. Автор дает характеристику экономической и финансовой реформы из 19 пунктов, которая в значительной мере способствовала привлечению инвестиций и расширению экспорта. Ширли Го справедливо отмечает, что "экспорт был тем фактором, который способствовал стремительному росту и успешной абсорбции рабочей силы, а его расширение стало главным источником роста производства с конца 60-х годов" (с.51). В результате в 70-е годы на Тайване была достигнута полная занятость населения за счет стремительной индустриализации и развития трудоемких отраслей экономики - пищевая и текстильная промышленность, производство электроаппаратуры, а позднее - производство компьютеров и комплектующих к ним. На Тайване был сделан правильный выбор приоритетов в развитии отраслей промышленности, что позволяет создать большое количество рабочих мест при относительно небольших капиталовложениях и производить конкурентоспособную продукцию на мировом рынке из-за высокой составляющей труда и сравнительно низкой стоимости рабочей силы.

Лишь через 35 лет после начала экономических преобразований на Тайване, в 1985, году приступили к финансовой либерализации и интернационализации экономики. Как было отмечено в данной работе, "процессы либерализации и интернационализации затронули три сферы: 1) дерегулирование цен, включая от-

мену контроля за процентными ставками и переход от политики "валютного коридора" к плавающему курсу национальной валюты; 2) смягчение ограничений на движение капитала и 3) открытие данного рынка для конкуренции и более широких возможностей финансовой деятельности" (с.117). Иными словами, на Тайване либерализация в области процентных ставок началась только после того, как были достигнуты устойчивые высокие темпы роста валового национального продукта, стабильные оптовые и розничные цены, достигнут устойчивый положительный баланс во внешней торговле и осуществлен переход от фиксированного к плавающему курсу местной валюты - нового тайваньского доллара.

В работе большое внимание было уделено одному из главных внешних факторов "тайваньского экономического чуда" - финансовой помощи США в период с 1951 по 1965 гг. Общий объем помощи - 1,444 млрд.ам.долларов вполне сопоставим с объемом советской помощи КНР за период с 1949 по 1959 гг. Безусловно, американская помощь Тайваню имела большое значение, особенно в 50-е годы, когда она достигала от 32,5% в 1955 г. (низший показатель) до 52,2% объема внутренних инвестиций в 1954 г. (высший показатель) (с.34). Но в целом, если рассматривать весь период с 1952 по 1965 гг., то доля американской помощи, безусловно, была не столь велика, как они говорили, и составляла примерно 32,4%, а большую часть все-таки составляли внутренние накопления, основу которых составили сбережения населения. С 1953 г. правительство начало постепенно вводить долгосрочные сберегательные вклады со льготной процентной ставкой. В результате в конце 1958 г. общий объем депозитов составил 1,5 млрд. новых тайваньских долларов или 29% денежной массы. Как справедливо отметила Ширли Го, "финансовые власти страны использовали эти сберегательные вклады для отвлечения огромного объема неработающих ресурсов с рынка, что способствовало стабильности экономики острова" (с.27). В отличие от Тайваня, в России в 1992 году была проведена либерализация цен, но сберегательные вклады населения не были никак защищены, и огромная масса денег была сожжена в топке экономической реформы. Как показывает тайваньский опыт, на первом этапе реформы в России государство никак не должно было оставлять на

откуп различным банкам работу с денежными вкладами населения, а регулировать ее через установление своей процентной ставки, что неминуемо привело бы к тому, что частные вкладчики начали бы "постигать выгоды размещения своих денег на банковских депозитах по сравнению с обещаниями высокого процента со стороны частного заемщика" (с.28).

В целом работа дает определенное представление о тайваньском опыте экономического развития за 50 лет - с 1945 по 1995 гг., однако она получилась несколько фрагментарной. В книге затронут большое количество проблем, стоявших перед правительством на Тайване в ходе реформы, однако в ней дан подробный анализ лишь двух проблем - финансовой политики и политики в области занятости. Все прочие направления государственной политики и реформ, такие, как земельная реформа, импортзамещение, развитие экспорта, развитие промышленности высоких технологий, развитие инфраструктуры и ряд других, то есть вопросы, представляющие большой интерес для переосмысления итогов российских реформ и разработки дальнейшей политики рассмотрены менее полно и детально.

Следует также отметить не всегда удачный перевод в ряде мест, связанный

с неточной трактовкой отдельных экономических терминов. В частности, остаются непонятными такие термины, как "располагаемые внутренние сбережения", "экспортная обрабатывающая зона", "абсорбция рабочей силы", "критическое пороговое усилие" и др., для которых требуются дополнительные пояснения. Не всегда точно переведены и чисто китайские термины. Например, всем известный лозунг Сунь Ятсена "Каждому пахарю - свое поле" переведен как "Земля - земледельцам", вместо города Тайчжун оказался Тайчкунг, известный научно-промышленный парк Синьчжу превратился в Хиншу, а такая международная организация как АТЭС стала АПЕК.

Ознакомление с содержанием работы известного тайваньского экономиста г-жи Ширли Го представляется полезным для углубления нашего понимания существа "тайваньского экономического чуда". Разумеется, книга не содержит рецептов о том, как вывести Россию из той экономической ямы, в которой она оказалась. Но тайваньский опыт проведения реформ, на наш взгляд, заслуживает внимательного изучения российскими политиками и экономистами, если мы хотим избежать очередных ошибок, созидавая свое "российское экономическое чудо"

Руфь Хэйхоу. Университеты Китая: столетие культурного конфликта. Гонконгский университет. Гонконг, 1999. 300с.
Ruth Hayhoe. China' Universities, 1895-1995: A Century of Cultural Conflict: The University of Hong Kong, Hong Kong, 1999. 300 p.

Это - второе издание достаточно нашумевшей в западной педагогической компаративистике и синологии середины 1990х годов истории становления современного университета в Китае как культурного учреждения. Первое издание получило премию «Choice» - главного и высокопочитаемого американского журнала, как "Выдающееся академическое издание" 1996 г. Автор Руфь Хэйхоу - профессор Университета Торонто - хорошо известна в академических кругах и американского континента, и Европы не только как автор огромного количества вдумчивых и высокопрофессиональных работ по современному образованию в Китае, но и как составитель ряда международных сборников, посвященных взаимодействию китайской и западной культуры на nive образования.

Данная книга, на мой взгляд, может быть названа первой *концептуальной историей* эволюции европейского университета, высаженного в китайскую почву, хотя автор упорно отказывается назвать свое исследование «историей», предлагая иной термин - «повествование». В этом есть своя логика, ибо в ее проблемно - хронологическом изложении материала явно преобладает проблемность, причем характерная для современных компаративистских исследований. Главных тем три, и в соответствии с модными в западной компаративистике «картографическими» терминами они обозначены как эпистемологическая, гендерная и географическая карты. Именно сквозь призму этих проблем автор вглядывается в хронологическую канву материала: республиканский (1911-1949 гг.), социалистический (1949-1978) и реформаторский (1978-1995). Началом же столетия современного китайского университета положен 1895 г., когда было открыто первое учебное заведение, предназначенное стать современным типом университетом и мостом между китайской и западной цивилизациями.

Данную монографию отличает от большинства работ по проблемам образования в Китае свежий и плодотворный подход. Автор сознательно отказывается от социально-экономического и политического анализа материала, преобладающего в современных работах по модернизации, (хотя он неизбежно присутствует) и организует исследование вокруг проблем культуры и эпистемологии. Как явствует уже из подзаголовка, в центре книги - столкновение культурных и ценностных ориентаций университета. Руфь Хэйхоу рассматривает европейский университет как цивилизационный феномен, представляющий основные ценности западного общества, прежде всего - автономию и академические свободы. Как компаративиста и синолога ее интересует, что произошло с ними в процессе внедрения европейской модели университета в Китае. Богатый опыт полевых исследований в различных провинциях Китая и блестящая компаративистская подготовка в лучших европейских и американских вузах позволяют автору успешно справиться с этой нелегкой задачей.

Много лет изучая традиции китайского учебного заведения, Хэйхоу дает в своей монографии глубокий анализ основных культурных и эпистемологических ценностей, заложенных в его фундаменте. При этом - достаточно неожиданно для западного ученого - ее выводы смыкаются с известным ленинским тезисом о наличии двух культур внутри каждой нации. А именно: исходной точкой компаративистских построений Хэйхоу является тезис о том, что в истории китайских традиционных высших учебных заведений явно просматриваются две необходимые друг другу, но противоборствующие тенденции, или, как пишет автор, два «полюса» культуры: это культура "интеллектуального авторитаризма и научной монополии", характерная для государственных вузов, связанных с имперской системой экзаменов для получения государственных

ной должности; а с другой стороны, культура хрупкой местной автономии и интеллектуальной свободы, связанная с академиями (*шьюань*) и прочими неформальными учебными заведениями. Эта гипотеза задолго до публикации книги разрабатывалась Хэйхоу в сотрудничестве с профессором Дин Ганом (КНР), чем, вероятно, и объясняется ее марксистская суть. Как явствует из книги, будучи представлена в Китае, модель европейского университета столкнулась прежде всего с оппозицией официальных образовательных структур.

Первый - республиканский - период взаимодействия китайских и западных университетских ценностей Хэйхоу достаточно убедительно оценивает как преобразование последних «в формы интеллектуальной свободы и социальной ответственности, более подходящие для китайского контекста» (с. 63). Именно здесь на отрезке между широкой интеллектуальной свободой и более узко очерченной административной академической свободой и лежит, по мнению Хэйхоу, вероятное своеобразие современного китайского университета. Правда, преобразования эти начались лишь после 1919 г., ибо до этого так называемые «современные» учебные заведения Китая заимствовали только отдельные формы западных университетов, что не затрагивало их собственные базовые духовные ценности. Достаточно успешную интеграцию европейской модели университета в республиканский период автор книги объясняет рядом факторов, прежде всего, разнообразием форм и типов новых высших учебных заведений, позволяющим учитывать культурные различия. Немаловажным представляется Хэйхоу и воздействие на это «движения 4 мая» (в частности, таких деятелей как Цай Юаньпэй и Ма Сянбо), и либеральная позиция национального правительства после 1927 г. в отношении университетов. Все это в совокупности и позволяет автору оценить республиканский период как эпоху, когда был достигнут «баланс между национальной сущностью китайского университета и его способностью взаимодействовать с мировым университетским сообществом» (с. 63).

Совершенно по-иному, хотя также в соответствии с собственной авторской концепцией, оценивается в книге социалистический период. По мнению автора, вследствие отсутствия постепенности и экспериментов, а также гораздо более вы-

сокой степени унификации типов учебных заведений, период взаимодействия с советской моделью высшей школы оказался чреват для Китая резко выраженной оппозиционностью и противостоянием. Так, убедительным представляется вывод Хэйхоу о том, что плеяда новых высших учебных заведений, созданных в Китае начала 1950х гг. под влиянием СССР, имела много черт, схожих с вузами эпохи поздней Цин, ибо «в силу вступила динамика культуры, которая связала отдельные элементы советской академической традиции с упорно сохраняющейся конфуцианской моделью прошлого» (с. XX1). В результате советского влияния начала 1950-х гг. «высшая школа приобрела черты интеллектуальной авторитарности и идентифицировала себя с бюрократией, что вызвало переключки с конфуцианской моделью, с одной стороны, и стимулировало резкую реакцию со стороны другого полюса китайской традиции - а именно, неформальных учебных заведений». Подобная концепция проливает новый свет и на феномен бурного роста высших учебных заведений на местах в период «скачка», и на стремительное распространение неформальных учебных заведений, культурно и политически укорененных в давнюю историческую традицию. По оценке Хэйхоу, напряжение, возникшее между двумя полюсами культуры, «не могло не раскачивать всю систему (образования) на протяжении трех десятилетий» (с. 77). «Большой скачок» и «культурная революция», по мнению автора, явились реакцией отторжения жестко навязываемой иностранной модели.

С позиций эпистемологии, достаточно новой для России области философии, Хэйхоу оценивает китайский и западноевропейский подходы к природе знаний и методике их усвоения как конфликт между интеграционным, монистским знанием, характерным для Китая, и фрагментарным индустриально-механистическим, дуалистским знанием, свойственным культуре Запада. Фрагментарное и механистическое европейское знание выступило в форме создания в Китае 1950х гг. узкопрофильных институтов советского образца и дальнейшей узкой специализации внутри вузов, сопровождавшейся резким сокращением университетов общего профиля. В качестве антитезы к попытке новой вестернизации китайских вузов в 1950-1960 гг. были выдвинуты учебные заведения периода гражданских войн, не

затронутые западной культурой. Руфь Хэйхоу утверждает, что образцы учебных заведений периода «большого скачка» отразили движение к интегративному подходу к знаниям в учебных программах. Она по-новому освещает многие тенденции этого периода, а именно: как процесс подключения огромной иерархической советской образовательной системы к реалиям китайской духовной традиции.

Культурный срез дает иную интерпретацию ряду политических движений. Так, книга убеждает нас, что такие известные факты, как тесное увязывание теории с практикой, введение в учебные программы местных материалов, вовлечение учащихся в педагогический процесс в периоды «скачка» и «культурной революции», лежат вполне в русле популистского полюса китайской университетской культуры, в частности традиции академий. Именно такой популистский и критический подход к знаниям, характерный для китайской неформальной традиции, просматривается в маоистской теории познания (с. 101). В то же время автор использует труды ученых КНР, в которых утверждается, что корни этой теории уходят глубоко и в такую прогрессивную ветвь китайской традиции, как минское нео-конфуцианство с его заботой о единстве знания и действия. Корни трагедии маоистских образовательных экспериментов Хэйхоу видит не в ошибочности их теоретических посылов, а в том, что те лица, которые могли бы корректно воплотить их в жизнь - интеллигенция, в том числе учителя, стали объектом идеологических атак (с. 256). В то же время я разделяю выводы Хэйхоу о том, что отдельные моменты образовательной концепции Мао Цзэдуна, в частности относительно роли практических знаний, неформальной системы обучения - в иной ситуации периода нынешних экономических реформ дают совершенно иные, положительные результаты.

На те же «три карты» - эпистемологическую, географическую и гендерную - нанесен в монографии затейливый узор размышлений и выводов, касающихся современного периода реформ конца XX века. По мнению автора, только вновь обретенная университетами на этом этапе относительная автономия дает им возможность заняться поисками своего нового облика. И эпистемология вновь стала ключевой проблемой. Обретенная вузами в 1980-е гг. свобода выбора учебных про-

грамм и превращение исследовательского направления работы в определяющее, с одной стороны, и активное участие их в международных академических программах, с другой, - привели к возрождению университетов общего профиля в Китае, появлению комплексных учебных программ, смежных дисциплин, изменению соотношения между дисциплинами в сторону значительного увеличения прикладных общественных наук и инженерных специальностей.

Коренные перемены происходят и на географической карте распределения вузов по территории страны. Ключевой вопрос здесь состоит в том, каким образом современный китайский университет, ведущий происхождение от европейского, может установить связь с глубинкой и стать подлинно китайским учреждением, а не только частью вестернизированных анклавов нескольких приморских городов. В целом, решение проблемы автор усматривает в организации традиционных для Китая местных университетов. Вопрос в том, как должен проходить этот процесс. Хэйхоу приходит к выводу, что стремление к равномерному распределению университетов по территории страны, присущее еще республиканскому правительству, изначально не соответствовало присутствию университетам западного типа ценностям автономии и академической свободы, которые подразумевали основание этих учебных заведений в крупных приморских городах и их отстраненность от провинции (с. 127). С точки зрения географической, реорганизация 1952 г. была произведена «механистически», оставив вузам мало возможностей для независимого развития. Более того, она породила новую иерархию, ибо, как пишет Хэйхоу, каждый из шести созданных тогда региональных центров системы высшего образования имел внутри себя свой центр и периферию, являвшиеся зеркальным отражением центральной иерархии. В отличие от этого подхода, с 1980х гг. регионам предоставлена возможность самим создавать новые институты, а не ждать указаний сверху, иными словами, импульс должен основываться не столько на макропланировании, сколько на энергичной местной инициативе.

Исследование развития университетов в двух различных регионах страны - Центральном-южном и Северо-западном, представленное двумя отдельными разделами книги, составляет украшение этого

замечательного труда. Приведенные в них данные основаны не только на официальных источниках, но и на материалах, полученных автором в результате посещения вузов ряда провинций страны. Ситуация в регионах приводит автора к выводу, что в то время как формальная система высшей школы доказала свою возможность неплохо функционировать и расширять возможность регионального представительства в ней, вновь развивающиеся типы учебных заведений (и профессиональные, и для взрослых) находятся в большей зависимости от местной экономики, а потому отражают растущее региональное неравенство. Для того, чтобы местные вузы не вырождались во второсортные учебные заведения, Хэйхоу предлагает сделать акцент на создании на местах крупных многопрофильных университетов.

Сквозь все периоды истории китайского современного университета прослеживается проблема участия в них женщин. Хэйхоу указывает на опасность того, что при переходе китайской высшей школы на ступень массовости, триумф рыночных знаний окажет весьма негативное воздействие на роль студенток и женщин-преподавателей, ибо женщины будут все больше концентрироваться в низших эшелонах (то есть в менее престижных вузах и факультетах), в то время как лучшие места займут мужчины. Более динамичной представляется автору роль женщин в провинциальных вузах Китая.

На основании глубокого анализа противоборствующих тенденций целого столетия Хэйхоу пытается выстроить гипотетические концепции развития китайского университета в будущем. При этом она исходит из возможностей возобладания либо позитивных (интеллектуальной свободы и критической мысли), либо негативных (иерархичности и жесткой государственной регламентации) тенденций. Китайский университет ищет свой новый облик, для которого в будущем, по мысли

автора книги, будет характерна не отверженность автономии и академической свободе образца западных демократий, а тот вид интеллектуальной свободы, который позволит сочетать вовлеченность в дела государства с сохранением критической гражданской позиции (с. 142). Создать такой новый облик поможет сочетание национальных прогрессивных традиций с воздействием международного научного сообщества, которое позволит противостоять тенденциям иерархичности, узкой специализации и идеологического контроля. В то время как неформальные учебные заведения и университеты для взрослых являются хранителями живых связей с собственной китайской прогрессивной и революционной эпистемологической традицией, формальная система обучения в Китае конца XX столетия стала средством интеграции в международное научное сообщество.

И хотя в подзаголовке книги указано, что столетие характеризовал культурный конфликт, автор на основе научного анализа всех тенденций завершает книгу оптимистическим прогнозом тех тенденций, которые облегчат подлинное взаимопроникновение и взаимовлияние китайской и западной университетской культуры в будущем. А в том, что это будет именно взаимовлияние, ибо китайскому университету есть что подарить Европе и Америке, автор не сомневается.

Книга построена на огромном количестве источников, в том числе и первоисточников, обогащена глубокими многолетними полевыми исследованиями автора. Книгу отличает строгая архитектоника, железная, поистине «не женская» логика и четкая, почти прозрачная в своей строгой простоте концептуальность. Монография профессора Руфи Хэйхоу выходит далеко за пределы работы по проблемам высшей школы, она представляет огромный интерес для всех, кто интересуется проблемами китайской цивилизации, а также ее взаимодействия с европейской.

Памяти профессора Лю Даняня - коллеги и друга

© 2000

С. Тихвинский

28 декабря 1999 года, после продолжительной болезни, на 86-м году жизни перестало биться сердце видного китайского историка, почетного директора Института Новой истории Китая, члена Академии общественных наук Китая, иностранного члена Российской Академии наук профессора Лю Даняня.

Лю Данянь родился 8 августа 1915 года в небогатой семье сельского интеллигента в провинции Хунань. С 1929 по 1931 год юноша участвовал в революционном движении в Советском районе в западной части провинций Хунань и Хубэй, был одним из руководителей отрядов молодой гвардии. После занятия Советского района карателями, с трудом избежав ареста, вернулся на родину, где продолжил учебу и в 1936 г. окончил государственную школу повышенного типа в городе Чанша. В годы учебы, сохраняя революционные связи, изучал прогрессивную литературу.

После начала войны сопротивления Японии, откликнувшись на призыв известного хунаньского просветителя, старого революционера Сюй Тэли, в 1938 г. Лю Данянь прибыл в Особый район на севере провинции Шэньси, где поступил на учебу в Китайский Народный антияпонский военно-политический университет (Канда), и был принят в ряды КПК. После окончания университета Канда в 1939 г. он работал в частях 8-ой полевой армии, а затем длительное время - в Освобожденных районах на Севере и на Юге провинции Хэбэй, занимал различные руководящие посты на курсах по подготовке кадров, а также в отделах пропаганды и образования администраций Освобожденных районов, вел преподавательскую и пропагандистскую работу в войсках и среди населения. После победы над Японией занимал ответственные должности в ряде высших учебных заведений в освобожденных районах Северного Китая, был деканом исторического факультета Северо-китайского университета (Хуабэйдасюэ), одним из руководителей научно-исследовательского отдела этого университета.

После провозглашения Китайской Народной Республики и учреждения в ноябре 1949 г. Китайской Академии Наук Лю Данянь занимал посты заместителя руководителя редакционно-издательского отдела Академии наук, ученого секретаря академии, главного редактора "Вестника академии", заместителя директора Института Новой истории, члена руководства Отделения философских и общественных наук академии.

С 1958 г. Лю Данянь фактически руководил работой Института Новой истории Китая. В период "культурной революции" он был обвинен в том, что "следовал по капиталистическому пути" и был фактически отстранен от работы. Лишь в 1978 г. он был восстановлен на работе в академии и назначен директором Института новой истории, профессором Института аспирантуры

Академии общественных наук Китая, руководил подготовкой докторов наук. В 1982 году как многие руководящие работники "перешел на вторую линию" и стал почетным директором Института Новой истории Китая - этот пост он занимал до самой своей кончины. Когда в 1980 г. в КНР была воссоздана Ассоциация китайских историков, он дважды избирался ее председателем. Он также был заместителем председателя Общества по изучению Сунь Ятсена и председателем Общества по изучению истории антияпонской войны Китая.

В марте 1999 г. Лю Данянь на заседании Отделения истории, а затем на общем собрании Российской академии наук был избран иностранным членом РАН. Это был второй, после Го Можо, китайский историк, избранный иностранным членом РАН.

В 1949 г. появляются первые научные публикации Лю Даняня. В августе - октябре того же года на страницах "Жэньминь жибао" начали печататься его статьи об истории агрессии США против Китая, выпущенные в 1949 г. отдельной книгой. Ее расширенный вариант выдержал два издания в КНР (1951 и 1954 гг.); его переводы, вышедшие в Советском Союзе, КНДР, Чехословакии и ГДР, вызвали широкий отклик научной общественности.

Последующие исследования Лю Даняня в области истории Китая нашли отражение в ряде научных публикаций, в виде сборников статей и отдельных книг. В 1965 г. вышел сборник его статей "Вопросы новой истории Китая" (переиздан в 1978 г.), куда вошли его работы 50-60-х годов. В 1981 г. была опубликована его книга "Чимэнь тань шилу", посвященная главным образом различным аспектам истории Синьхайской революции 1911-1912 гг., а в 1987 г. - "Сборник избранных статей Лю Даняня по истории", отразивший его исследования 80-х годов. В 1996 г. увидела свет его книга "Эпоха войны сопротивления Японии", в которую вошли статьи Лю Даняня по истории антияпонской войны, подготовленные им в 90-е годы.

Много времени и сил Лю Данянь уделял редакторской работе, являясь главным редактором таких фундаментальных трудов как 4-й том "Чжунго шигао" (Очерки истории Китая), посвященный новой истории страны (Пекин 1962); "Чжунго цзиньдай шигао" (Очерки новой истории Китая. Пекин, 1978 и 1984) в 3-х частях.

Изданная в 1997 году, книга "Чжунго фусин шуню - канжи чжань чжэндэ банянь" (Поворотный момент в деле возрождения Китая - восьмилетняя война сопротивления Японии) - часть выходящей под редакцией Лю Даняня "Библиотеки по истории антияпонской войны". Эта книга наиболее полно отразила итоги исследований периода войны сопротивления китайского народа японской агрессии.

За месяц до своей кончины Лю Данянь завершил работу над рукописью об изучении классических конфуцианских канонов в новое время. Эта статья открывает первый выпуск сборника статей по истории династий Мин и Цин (Мин Цин луныцзи. Пекин, декабрь 1999).

Научное наследие этого видного историка несомненно будет еще долгие годы привлекать к себе внимание китайских и зарубежных исследователей. Профессор Лю Данянь был не только известным ученым и организатором науки, но и видным общественным деятелем: депутатом Всекитайского Собрания Народных представителей 3-го созыва, членом постоянного комитета ВСНП 4-го, 5-го, 6-го и 7-го созывов, членом комитета ВСНП по образованию, науке, культуре и здравоохранению 6-го и 7-го созывов.

Мое заочное знакомство с профессором Лю Данянем состоялось еще осенью 1949 г., когда на страницах "Жэньминь жибао" я читал его статьи по истории американской агрессии в Китае.

Краткое личное знакомство с этим замечательным человеком относится к 1957 г., когда я впервые посетил Институт новой истории Китая, но лишь в 1983 г., когда Лю Данянь был председателем Ассоциации китайских историков, мне довелось, в свою бытность в Пекине, ближе познакомиться с ним.

С начала 60-х годов и особенно в годы "культурной революции" в Китае между руководителями КПК и КПСС велась ожесточенная идеологическая полемика, к участию в которой обе стороны привлекали ученых общественных деятелей - философов, историков, экономистов, литературоведов. Полемика велась под лозунгом "борьбы за чистоту теории марксизма-ленинизма", с обеих сторон, зачастую носила догматический характер и на деле обернулась резким ухудшением отношений между нашими странами, вела к истощению экономических ресурсов обеих стран, к возникновению военной напряженности. Вот как вспоминал об этом периоде Лю Данянь: "Как и все люди, мы живем в определенных исторических условиях, в определенной объективной обстановке. Мы занимаемся научными исследованиями, но история движется извилистым путем, и ученым трудно избежать некоторых искривлений в их собственных представлениях и взглядах. Когда в 60-70-х гг. во время нашей полемики с С.Л. Тихвинским мы оба отошли от объективных фактов, "наклеивали ярлыки" друг на друга, употребляя хлесткие выражения - то были явления именно такого рода; сегодня этот зигзаг истории кажется далеким прошлым".¹

О нашей встрече в Пекине в октябре 1983 г., через четыре года после прихода к руководству КНР Дэн Сяопина, осудившего эксцессы "культурной революции", Лю Данянь вспоминал: "После двадцати с лишним лет разобщения мы вновь сошлись, чувствуем, что нам есть о чем поговорить, испытывая равную потребность в откровенности. Мы оказались достаточно едины в признании диалектики и материализма, т.е. признаем, что все в мире находится в противоречивом движении и что шаги истории в конечном счете имеют поступательное направление. Мы оба отметили необходимость возобновления регулярного двустороннего научного обмена".²

Мы много раз встречались с Лю Данянем на различных научных форумах - на XVI Международном конгрессе исторических наук в Штутгарте, где Лю Данянь возглавлял делегацию историков КНР, а я соответственно делегацию советских историков; на конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Сунь Ятсена на его родине в пров. Гуандун и на конференции в Москве. Всякий раз, когда мне доводилось по тем или иным делам бывать в Пекине, я неизменно стремился навестить своего друга. Мы встречались в Институте новой истории, в ресторанах, а однажды он пригласил меня к себе домой, познакомил с дочерью и коллегами-историками. Это был интересный собеседник, блестящий знаток классической китайской литературы, обладавший поистине энциклопедическими знаниями в области многовековой китайской истории, человеком ярко выраженным гуманистического склада ума. Наряду с этим он живо интересовался обстановкой в России, общественно-политическими процессами в современном мире.

Научная общественность нашей страны впервые получила возможность ознакомиться с новыми переводами ряда работ Лю Даняня в 1992 г., когда издательская фирма "Восточная литература" опубликовала подготовленные в Институте Дальнего Востока РАН его "Избранные статьи по проблемам исторической науки".

В своем обращении к читателям, которым открывается русское издание его трудов Лю Данянь писал: "Горы и воды связывают Китай и Советский Союз и не стоит лишним раз напоминать о том, что культурный и научный обмен между нашими двумя странами уходит корнями в глубину веков. ...Контакты и сотрудничество в области культуры и науки отличаются от та-

ковых в сфере экономики. Обмен в экономической области предполагает материальный эффект, здесь желателен по возможности немедленный и ощутимый результат. Научный же обмен, даже очень серьезный, несет в себе лишь определенную надежду на эффект, польза от которого неизмерима. ...Нам следует распахнуть окна и двери, дать доступ свежему воздуху, чтобы познать историю, познать мир и соединить концепции, мысли и чувства всех народов. Может быть, в этом и заключается реальная ценность научного и культурного обмена и отличие их эффекта от результатов сотрудничества в сфере экономики."³

В своих работах 60-80-х годов, отобранных Лю Данянем для перевода на русский язык, обращается основное внимание на проблемы экономического и общественного развития Китая и других стран Востока, вступивших на путь модернизации, показывается пагубность слепого следования этими странами зарубежным моделям развития, так называемой "вестернизации", показывает важность учета национальных особенностей и традиций стран, вступивших на путь модернизации. Большое место в работах Лю Даняня уделяется истории революции 1911-1912 гг., жизни и деятельности выдающегося китайского революционера-демократа Сунь Ятсена, его общественно-политическим взглядам.

Наша последняя встреча с Лю Данянем состоялась в октябре 1999 г. в Пекине в дни празднования 50-летия со дня основания Китайской Народной Республики, когда профессор Лю Данянь, узнав о прибытии на юбилейные торжества нашей делегации, приехал в правительственную резиденцию Дяоютай, где мы остановились. Вместе с директором Института Дальнего Востока РАН членом-корреспондентом РАН М.Л.Титаренко мы приняли профессора Лю Даняня. Сердечно поздравили его и в его лице всех китайских историков с замечательным юбилеем КНР, особо отметив личный вклад Лю Даняня в достижении победы в 1949 г. и в строительство Нового Китая. Еще раз поздравили его с избранием в 1999 г. почетным членом Российской Академии наук и выразили надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество между китайскими и российскими историками. Лю Данянь привез нам огромную корзину с цветами, на фоне которой, после оживленной беседы мы сфотографировались. Проводив Лю Даняня до машины и тепло распрощавшись с ним условились повстречаться в Москве, когда Лю Данянь прибудет для получения диплома иностранного члена Российской Академии наук. Кто бы мог предполагать, что это была последняя встреча с этим замечательным человеком, выдающимся ученым, гуманистом, большим другом российских историков.

Получив скорбную весть о кончине профессора Лю Даняня, дирекция Института Дальнего Востока РАН от имени сотрудников направила директору Института новой истории АОН Китая профессору Чжан Хайпэну следующую телеграмму:

"Дорогие коллеги и друзья! Мы, российские китаеведы, скорбим вместе с вами в связи с кончиной видного китайского ученого, почетного директора Института новой истории АОН Китая, иностранного члена Российской Академии наук, нашего коллеги и большого друга, профессора Лю Даняня.

Труды профессора Лю Даняня хорошо известны в нашей стране, многие из них переведены на русский язык. Все российские китаеведы хорошо знают научные труды профессора Лю Даняня, многие из нас были лично знакомы с ним и дорожили возможностью общения с этим выдающимся китайским историком.

Мы высоко ценим вклад профессора Лю Даняня в дело изучения истории Китая и выражаем уверенность, что его труды и впредь будут служить укреплению дружбы между нашими народами, дальнейшему развитию науч-

ного сотрудничества ученых России и Китая. Светлая память о профессоре Лю Даняне навсегда сохранится в наших сердцах”.

Отдавая дань памяти нашему коллеге и другу, хочется выразить уверенность в том, что дружеские связи между историками наших двух стран, в развитие и упрочение которых профессором Лю Данянем был внесен весомый вклад, будут крепнуть на благо народов России и Китая.

-
1. Лю Данянь. Там горы высокие, там вдаль бежит вода. Поздравление старому другу академику С.Л.Тихвинскому // в сб. статей Востоковедение и мировая литература. М., 1998. С.20. (Статья представляет собой перевод публикации Лю Даняня в китайском журнале "Душу" ("Чтение"). 1998, № 3.
  2. Там же.
  3. Лю Данянь. Избранные статьи по проблемам исторической науки. М.: Наука. 1992. С.3-4.

Вадим Павлович Пак
(5.01.1930-12.1.2000)

Российское корееведение понесло большую утрату. 12 января 2000 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончался старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат филологических наук Пак Вадим Павлович.

В.П.Пак родился 5 января 1930 г. в селе Свободном Хасанского района Приморского края в семье крестьянина-бедняка. В 1937 г. его семья, как и остальные корейцы тех мест, подверглась депортации и была переселена в Казахстан.

В 1948 г., после окончания средней школы в г.Уштобе, В.П.Пак поступил в Ленинградский государственный университет, на корейское отделение Восточного факультета. Окончив в 1953 г. университет, он до 1956 г. работал в Москве помощником редактора в Издательстве литературы на иностранных языках, а затем до 1961 г. - переводчиком в Управлении по обслуживанию дипломатического корпуса МИД СССР.

С 1961 г. В.П.Пак трудился в Институте востоковедения Академии Наук. Он прошел здесь курс учебы в аспирантуре, защитил кандидатскую диссертацию, вырос как ученый и стал старшим научным сотрудником института.

Главное в научной деятельности В.П.Пака - изучение и ознакомление российского читателя с корейским фольклором, в особенности с народными сказками, отразившими многие стороны жизни и быта корейского народа, его исторический опыт, мечты о лучшем будущем. В.П.Пак был одним из ведущих специалистов России в области корейского фольклора. Им опубликовано несколько исследовательских статей и большое количество переводов корейских сказок на русский язык. В частности, под его руководством и при активном участии издан в 1991 г. сборник корейских народных сказок "Феи с Алмазных гор", привлечший внимание читателей.

Прекрасно владея корейским языком, В.П.Пак проявил себя и как лингвист. Он входил в состав российской части составителей "Большого корейско-русского словаря" в 2-х томах, подготовленного в сотрудничестве учеными КНДР и вышедшего в свет в 1976 г. Квалифицированный и опытный переводчик, В.П.Пак работал со многими делегациями по линии Академии Наук, государственных и общественных организаций.

В.П.Пак занимался и изучением проблем истории культуры Кореи и их взаимосвязи с национально-освободительной борьбой корейского народа. Им опубликованы книги: "Просветительское движение и система образования в Корее во второй половине XIX - начале XX в." (1982 г.) и (в соавторстве с Г.Д.Тягай) "Национальная идея и просветительство в Корее в начале XX в." (1996 г.) В общей сложности им опубликовано свыше 30 научных работ.

Все годы работы в Институте востоковедения В.П.Пак был активным лектором-международником. С большой заинтересованностью он участвовал в делах общественных организаций российских корейцев.

Видный ученый, доброжелательный и порядочный человек, хороший семьянин В.П.Пак пользовался неизменным уважением в коллективе института. Память о В.П.Паке навсегда сохранится в сердцах его друзей, товарищей и коллег.

Поправка

В ПДВ № 1 за 2000 г. на стр. 138 в первой строке сверху вместо "22 апреля" следует читать "22 декабря".

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 10.02.2000 г. Подписано к печати 15.03.2000 г. Формат бумаги 70x100 $\frac{1}{16}$
Офсетная печать. Усл.печ.л. 13,0. Усл. кр.-отт. 12,0 тыс. Уч.-изд.л. 14,5 Бум. л. 5,0
Тираж 914 экз. Зак. 3472.

Свидетельство о регистрации № 0110158 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока

Адрес издателя: 117864, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32, тел. 124-09-02

Оригинал-макет © 2000 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6